

Годъ 20-й.

Кн. LXXIX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1908, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла *В. Ө. Миллера*

И

Поварища Предсѣдателя Н. Я. Янгука.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1909.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Лю-
бителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	<i>Стр.</i>
I. Черемисская секта кугу-сорта. С. Н. Кузнецова.	1
II. Изъ наблюденій надъ турецкой пѣснью. По поводу сборника д-ра Ф. Гизе: „Разказы и пѣсни изъ Конійскаго вилайета. В. А. Гордлевскаго.	60
III. Объ одномъ свадебномъ обрядѣ. А. Н. Максимова	127
IV. Смѣсь:	
1. Мельниковъ (Печерскій), какъ собиратель былинъ. А. В. Маркова.	134
2. Изгородь сѣверной деревни. В. Н. Седашева	135
3. Изъ повѣрій о животныхъ у жителей Ярославской губернии. И. В. Костоловскаго.	137
V. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
<p><i>Johelson. The Koryak. А. Н. Максимова (140).—Georg Jacob. Beiträge zur Kenntniss des Dervisch-Ordens der Bektashis. Вл. А. Гордлевскаго (148).—Georg Jacob. Xoros Kardasch. Его-же (150).—Giese. Der übereifrige Xodscha Nidim. Его-же (152).—Pekotsch und Bittner. Mehmed Tschelebi. Его-же (153).—Alttenkirch. Die Beziehungen zwischen Slaven und Griechen in ihren Sprichwörtern E. H. Е-ой (155).—Zbornik u slavu Jagica. Ея-же (156).—Янковъ. Български народни пѣсни. М. Н. Сперанскаго (158).—Титоровъ. Българитъ въ Бессарабiя. Его-же (159).—Самоучитель турецкаго языка. В. А. Гордлевскаго (161).—Миллеръ, Елеонская, Марковъ. Былины поной и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россiи. Н. В. В-ва (162).—Гоголь. Пѣсни. А. В. Маркова (166).—Труды Черняговской губ. Архивн. комиссiи. Вып. VII. В. А. Гордлевскаго (169).—Труды Московской Дialectологической комиссiи. Вып. I. М. О. Р. (170).—Передольскій. По Енисею. Бытъ енисейскихъ остяговъ. Вл. Б. (170).</i> . . . . .</p>	
	140

2. Обзоръ газетъ и журналовъ.	173
3. Новости этнографической литературы	183

VI. Хроника:

25-лѣтіе дня основанія Финно-Угорскаго Общества.—Юбилей Ягича.—Къ юбилею кн. А. Р. Церетели.—Д. Н. Садовниковъ (къ 25-лѣтію дня смерти).—Неврологи: П. Е. Забѣлицъ, Н. Ф. Петровскій, Мазон, Нату, Jephson, Stephan, Камиль-паша.—Архангельское общество изученія Русскаго Сѣвера.—Литовское ученое общество.—Ученое общество въ Смоленскѣ.—Изъ хроники финляндскихъ ученыхъ обществъ.—Въ камчатской экспедиціи.—О происхожденіи французскихъ эпич. пѣсень.—Искусство въ первобытной культурѣ.—О рисункахъ на скалахъ въ Бразиліи.—О бушменской живописи.—Сборникъ сказокъ и преданій сѣв.-амерн. индейцевъ.—Новое изслѣдованіе о сказкѣ.—О народномъ творчествѣ тшмиановъ.—Къ изученію до-историческаго жилища.—Еще объ игрѣ съ веревочкой.—Узлы Индонезіи.—Германизация славянскихъ племенъ.—Къ изученію горныхъ племенъ Н. Мекленбурга.—Къ изученію туземцевъ Н. Гвинеи.—Къ изученію народовъ Мандинго.—Къ изученію американскихъ метисовъ.—Къ изученію Камеруна.—Въ пустынѣ Калахаріи.—Поправки къ статьѣ В. А. Гордлевскаго.

VII. Объясненія:	219
----------------------------	-----

Черемисская секта кугу сорта.

ГЛАВА I.

Старое дѣленіе черемисъ на крещеныхъ и язычниковъ. Экономическое состояніе послѣднихъ. Начало грамотности среди черемисъ. Роль учителей изъ семинаристовъ. Критическое отношеніе черемисской молодежи къ родной дѣйствительности. Письмо учителя Жилина о появленіи секты кугу сорта. Личность основателя секты. Его реформы въ области вѣрованій и жертвеннаго ритуала. Проповѣдь воздержанія. Отношеніе черемисъ къ новой вѣрѣ на первыхъ порахъ. Сетванты на Казанской выставкѣ 1890 г. Перечень выставленныхъ ими предметовъ.

За послѣднія двадцать пять—тридцать лѣтъ въ жизни черемисъ замѣтенъ большой переломъ.

И раньше черемисы дѣлились на двѣ, рѣзко разграниченныя половины: одна явно и болѣе или менѣе искренно держалась христіанства, другая соблюдала христіанскіе обряды чисто внѣшнимъ образомъ, что называется изъ-подъ палки, т.-е. только по принужденію. Такъ повелось издавна. Всего лучше чувствовали себя *чи марі*, некрещеные черемисы, сохранявшіе древнія языческія вѣрованія. Тогда какъ остальные черемисы время отъ времени подвергались преслѣдованіямъ за отступничество отъ христіанства, извѣстнаго имъ только по имени, преслѣдованіямъ, которыя на старомъ канцелярскомъ языкѣ мягко назывались „исслѣдованіями“, язычники жили совершенно мирно, усердно молились въ священныя рощахъ своимъ богамъ; они исправно занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, жили совершенно патриархально и сильно богатѣли. Умѣренныя въ домашнемъ быту, почти все необходимое производя своими собственными руками, язычники черемисы богато и торжественно справляли всѣ жертвоприношенія своимъ богамъ. Въ то время какъ крещеные черемисы повсемѣстно роптали на поборы духовенства, язычники не знали ничего подобнаго, и та свобода, съ которою они отправля-

ли свое языческое богослуженіе, возбуждала чувство зависти у крещенныхъ, потому что язычники не испытывали въ дѣлахъ вѣры никакихъ притѣсненій отъ духовенства и свѣтскихъ властей, особенно послѣ того какъ большая роща при дер. *Кунран соли* въ Уржумскомъ уѣздѣ Высочайшимъ повелѣніемъ отдана была язычникамъ для невозбраннаго совершенія языческихъ жертвоприношеній.

Но время начинало брать свое. Съ увеличеніемъ числа земскихъ школъ, къ черемисамъ начала проникать грамотность, а слѣдомъ за ней у молодежи появилось критическое отношеніе къ черемисской дѣйствительности. Начало такого явленія относится еще къ 60-мъ годамъ минувшаго столѣтія, когда очень многіе изъ кончившихъ курсъ Вятской духовной семинаріи стали поступать въ учителя земскихъ школъ; особенно много такихъ учителей появилось на земской службѣ въ Уржумскомъ, Яранскомъ и Малмыжскомъ уу. Благотворное вліяніе этихъ учителей какъ на учениковъ, такъ и на окружающее населеніе было вѣ всякаго сомнѣнія. Иные изъ нихъ съ теченіемъ времени сдѣлались священниками и съ честью проходили свое служеніе. Присматриваясь къ черемисскому быту, не могли они оставить безъ вниманія того двоевѣрія, въ которомъ находились крещенные черемисы.

Путемъ частыхъ бесѣдъ со школьниками, удалось имъ незамѣтно привить молодому поколѣнію убѣжденіе въ безполезности и разорительности кровавыхъ жертвоприношеній, на которыя такъ часто тратились язычники, а по ихъ примѣру и крещенные черемисы. Особенно грандіозны были подобныя жертвоприношенія, начиная со второй половины 70-хъ годовъ, напр. въ 1875 и въ 1878 годахъ. Такъ какъ собесѣдованія учителей носили совершенно частный характеръ, не имѣли въ себѣ ничего начальственнаго, то они и производили болѣе сильное впечатлѣніе, нежели обличенія и не всегда умѣлыя увѣщанія духовенства. Особенно плодотворны были подобныя бесѣды въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ подвизались два наиболѣе симпатичныхъ учителя: *А. М. Костровъ* и *А. Жилинъ* (позднѣе священникъ). Послѣдній учительствовалъ сначала въ с. *Кичмъ*, почти на границѣ Уржумскаго и Яранскаго уу., потомъ былъ священникомъ въ с. *Верхъ-Ушмуръ*, а первый въ с. *Сернуръ*, вблизи отъ главной языческой святыни черемисъ.

Около 1880 г. Жилинъ началъ замѣчать какое-то возбужденіе

среди черемисъ: они собирались кучками и о чемъ-то оживленно бесѣдовали. Сначала отъ школьниковъ, а потомъ и отъ взрослыхъ черемисъ Жилинъ узналъ, что предметомъ оживленныхъ бесѣдъ черемисъ служить новая секта *кугу сорта*, появившаяся среди язычниковъ въ предѣлахъ Ернурской волости, близъ с. *Ернуръ* (Яранскаго уѣзда Вятской губ.).

Путемъ распросовъ Жилину очень скоро удалось установить, что секту основалъ черемисинъ язычникъ, только недавно уволенный въ безсрочный отпускъ гвардеецъ. Во время службы своей въ Петербургѣ онъ приобрѣлъ нѣкоторый лоскъ и умѣнье обращаться съ людьми. Происходя изъ языческой семьи, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ присмотрѣлся къ кровавымъ жертвоприношеніямъ, посѣщая вмѣстѣ со своими семейными священныя рощи черемисъ. Пока онъ находился въ военной службѣ, на него оказывали сильное вліяніе бесѣды съ сослуживцами, которыя велись въ гвардейскихъ казармахъ. Простой народъ, какъ извѣстно, очень любитъ бесѣдовать о вопросахъ вѣры. Въ казармахъ были представители разныхъ вѣръ и разныхъ народностей, и всѣ они одинаково осуждали кровавыя жертвоприношенія. Тщетно нашъ черемисинъ доказывалъ древность своей Адамовой вѣры: онъ долженъ былъ согласиться, что вѣра эта устарѣла, что Богъ—совсѣмъ не кровожадное существо и ничуть не нуждается въ кровавыхъ жертвахъ; особенно запомнились ему ѣдкія нападки товарищей на черемисское многобожіе. Характерно, что съ черемисскимъ дуализмомъ всѣ собесѣдники легко мирились, но имъ казалось въ высшей степени забавно, что верховный Богъ черемисъ остается совсѣмъ безъ дѣла, такъ какъ подручные ему боги каждый безотчетно завѣдуетъ своей частью: одинъ скотомъ, другой пчелами, третій земными произрастеніями и т. д.

Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ, у гвардейца созрѣлъ планъ радикальной реформы черемисской вѣры. Вернувшись на родину, онъ скоро нашелъ себѣ помощниковъ, въ лицѣ родного брата и сосѣда по деревнѣ, и втроемъ выработали они проектъ новой вѣры. Они упразднили всѣхъ боговъ и оставили одного верховнаго *Кугу Юмъ*; точно также низложенъ былъ злобный *Кереметъ* съ его обширнымъ штатомъ, но дуализмъ все-таки сохранился, потому что носителемъ злого начала остался *Шайтанъ* и масса мелкихъ духовъ. Очистительнымъ началомъ реформаторы наши выставили не огонь,

а воду, быть можетъ потому, что огонь не столько очищаетъ, сколько уничтожаетъ все попавшее въ его власть; вода же самымъ нагляднымъ образомъ способствуетъ удаленію нечистоты. Отвергнувъ принесеніе въ жертву животныхъ, реформаторы ввели жертвы изъ муки, масла и меда, но самую важную жертвой былъ признанъ пчелиный воскъ, какъ вещество, лишенное всякаго животнаго начала; изъ этого воска готовится одна огромная свѣча, напоминающая собою внушительныхъ размѣровъ цилиндръ; сверхъ того допущены восковыя свѣчи меньшихъ размѣровъ, числомъ не болѣе девяти. Изъ жертвеннаго обихода удалено все металлическое и даже гончарное: вся посуда сдѣлана изъ липоваго и березоваго дерева. Но бывшій гвардеецъ невольничко сказался въ томъ, что въ число жертвенныхъ орудій для отогнанія шайтана введено было деревянное ружье и такая же сабля, обшитыя холстомъ.

Съ уничтоженіемъ кровавыхъ жертвъ, исчезла теперь у черемисъ постоянная надобность въ священныхъ рощахъ и въ разведеніи многочисленныхъ жертвенныхъ костровъ: отнынѣ моленія могли совершаться даже въ обыкновенной жилой избѣ, болѣе или менѣе чисто прибранной. Кромѣ жертвеннаго стола, на которомъ середину занимаетъ большая восковая свѣча, а по краямъ расположено все приносимое божеству, найдено было нужнымъ ввести еще другой столъ, на который раскладываются принадлежности новаго языческаго культа: сабля, ружье, а также запасныя восковыя свѣчи. Оба стола стоятъ на подстилкѣ изъ чистаго пеньковаго холста; кромѣ того отъ самаго стола длинный холстъ протянуть изъ избы на дворъ и идти до ближайшаго водовмѣстилища—колодца, ключа или рѣчки, дабы очищающая стихія имѣла непрерывный доступъ къ мѣсту моленія.

Этимъ не ограничились всѣ реформы, введенныя основателемъ новой секты: насмотрѣвшись въ молодости, какимъ излишествомъ, какому объяденію и опивству предавались послѣ жертвоприношенія черемисы, реформаторъ началъ проповѣдь полнаго воздержанія, въ особенности отъ хмельныхъ напитковъ. Основатель секты и его ближайшіе сотрудники совершали свои моленія по новому обряду совершенно открыто, нисколько не таясь предъ своими единоплеменниками; входъ для нихъ былъ совершенно свободенъ, и только русскіе не допускались.

Всѣ вышеприведенныя подробности покойный Жилинъ изложилъ въ пространномъ письмѣ къ бывшему инспектору народныхъ училищъ Уржумскаго у. *В. К. Магнитскому*, нѣкогда своему прямому начальнику, а послѣдній передалъ это письмо мнѣ, передъ самой поѣздкой моей къ черемисамъ въ 1881 г. Кой-что въ этомъ письмѣ оказалось невѣрнымъ, иное пропущено. Въ ту пору мнѣ не удалось попасть на жертвоприношеніе новой секты, и я не могъ узнать о ней болѣе того, чѣмъ сообщало письмо Жилина къ Магнитскому; я собралъ только свѣдѣнія о томъ, что число прозелитовъ новой вѣры ограничивается пока лишь нѣсколькими дворами въ той деревнѣ, гдѣ жилъ ея основатель; что сектанты сами себя называютъ *ош маръи*—„бѣлыми черемисами“, хранителями древней вѣры „настоящихъ черемисъ“ (*чи маръи*), еще не испорченныхъ христіанствомъ. Виѣсть съ тѣмъ я констатировалъ, что секта возбуждала большое вниманіе черемисъ, и многіе прїѣзжали издалека, чтобы ознакомиться со словъ основателя съ новымъ вѣроученіемъ и своими глазами видѣть ритуалъ секты *кугу сорта*. Можно было также констатировать, что рядовые язычествующіе черемисы относились къ новой вѣрѣ въ меньшинствѣ благосклонно, а въ большинствѣ—безразлично; зато черемисы, придерживающіеся русской вѣры, съ презрѣніемъ относились къ новоявленному вѣроученію и въ насмѣшку прозвали новую вѣру „большою свѣчой“—*кугу сорта*, такъ какъ кромѣ этой свѣчи на первыхъ порахъ ровно ничего не усматривали въ новой вѣрѣ, а жрецы не скрывали своего негодованія, хотя негодующихъ было ничтожное меньшинство. Въ ту пору я 8 дней прожилъ у верховнаго жреца черемисъ *Токпая* и былъ необычайно удивленъ обнаруженной имъ полною терпимостью къ новой сектѣ.

О новой сектѣ было вообще мало слышно, и на нее никто не обратилъ вниманія. Въ 1885 г. я перешелъ на службу въ Сибирь и надолго утратилъ живую связь съ черемисами. Въ 1890 г. я командованъ былъ Томскимъ университетомъ на Казанскую научно-промышленную выставку. Посѣщая историко-географическое отдѣленіе выставки, я увидалъ полный наборъ богослужебныхъ предметовъ, выставленный по собственному почину однимъ изъ основателей секты—Якмановымъ, фамилію котораго я теперь только узналъ. Теперь же стало для меня ясно, что совсѣмъ пропущено

въ письмѣ Жилина и что изложено недостаточно вѣрно. Даю полный перечень всѣхъ выставленныхъ предметовъ, съ записанными тогда же черемисскими названіями.

На подстилкѣ изъ „пеньковаго холста“ (*муи-винѣр*) стояли два стола (*ѹитѣл*): одинъ липовый, другой березовый.

А. На „березовомъ столѣ“ (*куѣ ѹитѣл*): поставлены: 1) два деревянныхъ „блюда“ (*теркѣ*).

2) Обшитое пеньковымъ холстомъ деревянное „ружье“ (*тучил*).

3) Деревянная „сабля“ (*кѣрдѣ*) для отогнанія шайтана, также обшитая холстомъ.

4) Круглый „овсяный хлѣбъ“ (*шобакиих*).

5) Пучекъ изъ девяти самодѣльныхъ „восковыхъ свѣчей“ (*шѹитѣ сорти*), длиною $9\frac{1}{2}$ вершковъ каждая; 8 свѣчей не превышали толщины средняго пальца, а одна достигала до вершка толщины.

6) Восковая подставка для свѣчей, на подобіе массивнаго низкаго цилиндра, семи вершковъ въ діаметрѣ.

В. На „липовомъ столѣ“ (*пѹстѣ ѹитѣл*) расположены были предметы другого рода.

1) Средину стола занимала восковая подставка для свѣчей, такихъ же размѣровъ, какъ и на березовомъ столѣ, и на ней лежало семь восковыхъ свѣчей указанной выше мѣры, при чемъ одна была толще остальныхъ.

2) Два куска дерева для добыванія живого огня; одинъ кусокъ имѣлъ форму небольшого липоваго полѣнца съ обтесанными концами, чтобы ловчѣе было держать въ рукахъ, а другой представлялъ собою простой березовый четырехгранный брусокъ.

3) Кусокъ вываренной въ кипяткѣ „березовой губки“ (*куѣ пѹн-ѣ—трутѣ*).

4) Деревянная (березовая) „ступка“ (*шѹир*) для приготовления муки и при ней пестъ (*шѹир бѣндѣ*).

5) Два „бурака“ (*летѣж*) для жертвенныхъ напитковъ и при каждомъ „черпакъ“ (*куѹ корки*).

6) Три „ковша“ съ длинными рѣзными черенками (*шѹилмак*).

7) Четыре малыхъ ковша съ короткими ручками (*корки*).

8) Большая „разливательная ложка“ (*саблѣ*).

9) „Холщевая сумка“ (*винѣр шѹвѣми*) со сверткомъ пеньковаго волокна (*муи*), изъ котораго готовится свѣтильня для восковыхъ свѣчей.

10) Небольшой „мѣдный ножикъ“ (*той кюэ*) съ березовой ручкой для разрѣзанія жертвеннаго хлѣба, и наконецъ—

11) Холщевый колпакъ (*калпак*), надѣваемый основателемъ секты при моленіи; колпакъ этотъ похожъ не то на женскую шапку (повойникъ), не то на татарскую тибетейку; снизу колпакъ этотъ совершенно гладкій, а на верхушкѣ со сборками и небольшимъ нашивнымъ кружкомъ.

С. Сбоку на полу лежали: а) гусли (*кюслэ*), б) барабанъ малыхъ размѣровъ (*тумбур*, яранск. *тумбёр*), в) волынка (*шубур*, яранск. *шубур*), и д) *пуч*—длинная труба, сплетенная изъ лыкъ.

Всѣ вещи выглядели новенькими, чистенькими, и видимо были нарочно заготовлены для выставки. На выставкѣ оказались сами основатели секты, братья Якмановы, которые по очереди объясняли значеніе выставленныхъ предметовъ; подобное объясненіе начиналось обыкновенно съ 8 ч. утра и тянулось часа 2 съ перерывами. Оказалось, что Якмановъ явился на выставку со всѣми принадлежностями культа по собственному почину. Ко времени выставки секта успѣла достаточно окрѣпнуть, число прозелитовъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, и вотъ захотѣлось Якманову показать, что въ его новой вѣрѣ нѣтъ ничего зазорнаго, вреднаго или запрещеннаго. Основатель секты ничего не скрывалъ, „потому что, говорилъ онъ, въ нашей вѣрѣ нѣтъ ничего тайнаго: приходи каждый и спрашивай, о чемъ угодно,—мы ничего не утаимъ“. Мало того, онъ приготовилъ для выставки письменное изложеніе основъ новой вѣры, въ которомъ смѣшаннымъ черемисско-русскимъ языкомъ попытался отмѣтить все существенное, чѣмъ эта вѣра отличается отъ другихъ.

Обратимся къ этому документу.

ГЛАВА II.

Сектантское исповѣданіе вѣры. Комментарій къ нему. Почитаніе пятницы. Жертвенные столы: березовый и липовый. Восковыя свѣчи; ихъ длина, свѣтильня и способъ приготовленія. Восковой кругъ. Неупотребленіе меду и воску отъ умершихъ пчель. Медъ; медовщина и медовая сыта. Овсяный хлѣбъ на меду. Ржаныя лепешки на меду. Блины, каша, коровой ржаного хлѣба. Значеніе термина „непечатый“. Коровье масло и творожныя лепешки. Ступка и пестъ; приготовленіе муки. Деревянный или живой огонь. Трутль, солома и стружки. Роль печного шестка. Вышнее выраженіе почтенія въ Божеству: поклоны, колѣнопреклоненіе, воздѣваніе рукъ. Молитва. Сектантская идея о единомъ Богѣ; его жена. Устраненіе пророковъ, докладчиковъ и посланцовъ вѣствъ съ прочими богами. Ангелъ хранитель.

Олимпъ стараго черемисскаго язычества. Штаты боговъ. Смутное представленіе о Великомъ Богѣ. Скучность мѣстическихъ сказаній. Значеніе Ягманова въ созданіи новой вѣры. Половая свобода молодежи у сектантовъ. Величіе единого Бога. Сектантская молитва: о прощеніи грѣховъ, объ избавленіи отъ бѣдствій, молитва за Царя, воинство и всѣхъ добрыхъ людей, за умершихъ. Списокъ запрещенныхъ (свинина, кобылятина, медвѣдь, заяцъ и бѣлка, равно прочіе звѣри и дикія птицы) и дозволенныхъ иствъ (куры, яйца, рыба, капуста). Запрещеніе вина, чаю, табаку. Уничтоженіе кровавыхъ жертвъ.

Написанный на полулистѣ сѣрой бумаги, документъ этотъ мало обращалъ на себя вниманія. Между тѣмъ онъ содержитъ не болѣе, ни менѣе какъ изложеніе всѣхъ особенностей новаго вѣроученія, нѣчто въ родѣ кугусортинскаго „символа вѣры.“ Начавъ съ описанія обстановки моленія, документъ этотъ приводитъ перечень жертвъ, содержаніе молитвы Великому Богу, списокъ всего дозволеннаго и запрещеннаго для употребленія въ пищу, списокъ запрещенныхъ напитковъ и, наконецъ, даетъ указаніе на то, что сектаюты не допускаютъ кровавыхъ жертвъ.

Приводимъ точную копію этого документа, причемъ недостающіе знаки препинанія ставимъ въ скобкахъ, а новую мысль отъ предыдущей отдѣляемъ знакомъ || .

На Казанскую выставку.

*Краткое разъяснение наблюдателей древно-черемиско-языческой
вѣры, Черемисъ Яранскаго уѣзда.*

Моленіе бываетъ дежепятницу ¹⁾ || къ моленію на столъ ²⁾ приготавливаемъ слѣдующее: кладемъ кругъ воска (,) на которой ставимъ *шеште—сорта* ³⁾ (—)восковыя свѣчи высотой 9½ вершковъ ⁴⁾ (,) свѣтильно ⁵⁾ изъ конопляннаго пѣнки ⁶⁾, некрученное и непрядено ⁷⁾, || за неимѣніемъ восковаго круга ⁸⁾ свѣчи ставимъ на коровай хлѣба, || воскъ и медъ отъ умершихъ пчелъ ⁹⁾ нами не употребляется. (sic) Къ моленію, а считаемъ за грѣхъ ¹⁰⁾ поставить Богу, || *мѹм* ¹¹⁾ (—)медъ въ кадкѣ и блюдѣ ставится, *нѹрѵ* ¹²⁾ (,) т. е. мѣдовщину и *шѹро-шорба* ¹³⁾ (—)неквашенный мѣдовщину || ставится *шобакиах* ¹⁴⁾, изъ овсяной муки на меду, прѣсные лѣпѵшки (—)*шорба-иінде* ¹⁵⁾, *мелна-теркѹль* ¹⁶⁾—блѣны (на) блюдѣ, *немѣр теркѹм* ¹⁷⁾ (—)изъ овсяной крупы кашу, *киндеркеш* ¹⁸⁾ *тычмаи сукѹром пѹштѣна* ¹⁹⁾ (—)коровай непочатаго ²⁰⁾ ржанаго хлѣба, *ѹм* и *туварѹм* ²¹⁾ *пѹштѣна* (—)скорсвное ²²⁾ масло и творожныя лѣпѵшки безъ соли ²³⁾, || изъ хлѣба (sic) ²⁴⁾ изготавляется для языческаго моленія посредствомъ толченіе въ ступкѣ ²⁵⁾, || по изготавленіи всего этаго, огонь для зажигаія восковыхъ свѣчѣй достаемъ изъ берозоваго и липоваго дерева ²⁶⁾ и изъ соломы ²⁷⁾ посредствомъ треніе.

Моленіе бываетъ такъ: всѣ стоимъ на ногахъ, некрестясь, однѣми поклонами ²⁸⁾ до одного ²⁹⁾ съ усердіемъ просимъ Высочайшаго Бога ³⁰⁾, чтобы онъ простилъ намъ грѣхи ³¹⁾, далъ здравія : намъ и нашему скоту, ураждаи хлѣбовъ, сохранилъ бы отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій ³²⁾, благодаримъ Высочайшаго Бога за все прежнее ³³⁾, приносимъ моленіе за Царя и за его вѣсь Царскій домъ ³⁴⁾, за все Воинство ³⁵⁾, начальство и добрыхъ людей ³⁶⁾, за всѣхъ умершихъ ³⁷⁾, которыя бы уготовали (sic) Царствіе Небесное ³⁸⁾. Въ пищу никогда неупотребляемъ ³⁹⁾ изъ скота : свинину ⁴⁰⁾, кобылятину ⁴¹⁾, изъ звѣрей : медвѣдя ⁴²⁾, зайца и бѣлку ⁴³⁾ и проч. (,) изъ птицъ : куриць ⁴⁴⁾ и прочихъ

лѣсныхъ птицъ ⁴⁵⁾ и ящи ⁴⁶⁾, изъ огородныхъ овощей : капу-
сту ⁴⁷⁾, || остальное ⁴⁸⁾ неупотребляемъ, || вина ⁴⁹⁾ никакого-
не пьемъ, чаю тоже ⁵⁰⁾, табакъ некуримъ ⁵¹⁾ и неюхаемъ
Кровопротія ⁵²⁾ намолѣбствіе непроизводимъ.

Это „исповѣданіе вѣры“ соблюдателей древней черемисской вѣ-
ры требуетъ сложнаго комментарія. Если въ ту пору (1890) все
вышеизложенное строго соблюдалось, то вѣрнѣе всего—только въ
кругѣ ближайшихъ къ основателю секты лицъ. Запретительный
списокъ всего того, отъ чего сектантъ долженъ воздерживаться,
слишкомъ великъ и слишкомъ неудобноисполнимъ для зауряднаго
черемисина-прозелита; поэтому современный бытъ сектантовъ
даетъ довольно много мелкихъ отступленій отъ завѣтовъ основа-
теля. Кромѣ того въ приводимомъ малограмотномъ текстѣ есть
много темнаго и неяснаго. Постараемся подробно разсмотрѣть всѣ
мелочи, равно невразумительныя выраженія въ „исповѣданіи вѣры“
кугу-сортинцевъ.

1) *дежепятницу*. Оригинальное слово это построено черемисскимъ
грамотеемъ примѣнительно къ слову *ежедневно*, но начальное мяг-
кое е (*йе* или *је*) получило своеобразную фонетическую окраску
въ произношеніи черемисина и отразилось на его графикѣ. *Пят-*
ница у всѣхъ черемисъ издревле почитается, равносильна нашему
воскресенью и называется *куарни* (т.-е. *куу арня*)—„великая не-
дѣля“, „большой недѣльный день“; къ этому дню приурочены всѣ
крупныя моленія черемисъ въ честь добрыхъ боговъ: а) въ Пет-
ровъ постъ—ближайшая къ Петрову дню (29 іюня) пятница,
в) въ концѣ іюля—ближайшая къ Ильину дню (20 іюля) пятни-
ца и т. д. Неудивительно, что пятница осталась и у кугу-сортин-
цевъ. Вопреки общепринятому мнѣнію, я не отношу возникнове-
ніе почитанія пятницы у нашихъ приволжскихъ финновъ къ на-
чалу распространенія мусульманства въ Приволжьѣ и Прикамьѣ,
а считаю его болѣе древнимъ, когда и славяне чтили пятницу,
посвященную богинѣ любви *Ладо*; почитаніе пятницы сохранялось
въ Западной Руси до XVI в., и сейчасъ пережиткомъ его является
почитаніе русскими повсемѣстно двѣнадцати пятницъ послѣ Пасхи.

2) *на столъ*. Здѣсь разумѣется столъ березовый, играющій роль
жертвенника (*шійи*), устраиваемаго въ священной рощѣ язычни-
ковъ. Такъ какъ березу особенно возлюбили добрые боги и съ
ней связаны у черемисъ легенды о происхожденіи блага чере-

мисскаго костюма и проч., то эта береза осталась и у кугусортинцевъ главнымъ священнымъ деревомъ, изъ котораго сооружается жертвенный столъ. Типы этихъ столовъ довольно однообразны: на четырехъ ножкахъ, связанныхъ вверху рамою (царга), укрѣпляется столешница изъ двухъ или трехъ (смотря по ширинѣ) досокъ. Все это изготовляется изъ березоваго дерева, на березовыхъ же гвоздяхъ. Въмѣсто столешницы изъ досокъ случалось мнѣ видѣть берестяную настилку, пришитую къ царгѣ березовыми прутьями. Кромѣ березоваго стола устраивается еще липовый— для хранения на немъ богослужебной утвари. Длина столешницы березоваго стола имѣетъ 7 четвертей, какъ и липоваго. Вышины ножекъ и ширины столешницы я, къ сожалѣнію, не смѣрялъ.

3) *шіште сорта*, слѣдовало бы написать *шіштѣ сорта*—восковая свѣча. Такія свѣчи издревле признавались единственно достойными для возжиганія Божеству; ни масло, ни сало, никакой другой освѣтительный матеріалъ не допускались для этой цѣли у черемисъ; такой же порядокъ соблюдается у мордвы, чувашъ, вотяковъ и крещеныхъ татаръ, придерживающихся старой шаманской вѣры. При постановкѣ свѣчей на восковой кругъ наблюдается, чтобы на липовомъ столѣ было 7 свѣчей, на березовомъ 9; въ срединѣ обыкновенно помѣщается большая свѣча (*ку.у сорта*), а кругомъ нея звѣздообразно—6 тонкихъ свѣчей на липовомъ и 8 тонкихъ на березовомъ столѣ. Оба эти числа—семь и девять—имѣютъ мистическое значеніе; но только число 7 сектанты приурочиваютъ къ числу дней недѣли, а относительно 9 не даютъ никакихъ объясненій.

4) $9\frac{1}{2}$ *вершковъ*. Черемисы сохранили мистическое значеніе чиселъ 7 и 9; такъ, они насчитываютъ 9 міровъ, среди которыхъ земля занимаетъ послѣднее мѣсто; всѣхъ вѣръ на землѣ 77; умершему въ 7-й день по смерти (равно какъ въ 40-й) обязательно предлагается угощеніе. Это же послѣднее число примѣнено къ свѣчамъ, но почему явился тутъ лишній $\frac{1}{2}$ вершокъ, понять нетрудно. Этой мѣры придерживаются всѣ вообще сектанты, объясняя дѣло довольно просто: свѣча раскатывается на столѣ, принимая цилиндрическую форму, подъ давленіемъ дощечки съ ручкой наверху; нижній конецъ свѣчи гладко срѣзается, чтобы удобнѣе было его ставить на восковой кругъ, а верхъ слегка утончается около свѣтильни и обрѣзать его трудно, потому что свѣтильня (какъ

ниже увидимъ) этого не допускаетъ, ибо нужно, чтобы конецъ ея выставлялся. Сходящій постепенно на-нѣтъ верхній конецъ не имѣетъ, понятно, нормальной толщины, поэтому, чтобы *не портить* на счетъ узаконенной длины, сектанты прибавляютъ лишній $\frac{1}{2}$ вершка. Что касается толщины свѣчей, то она рѣдко бываетъ тоньше мизинца, но достигаетъ часто толщины полувершка и болѣе. 9-вершковый размѣръ восковыхъ свѣчей издавна въ употребленіи на языческихъ моленіяхъ черемись въ рощахъ, равно и на парадныхъ домашнихъ моленіяхъ. При жертвоприношеніяхъ Кереметю свѣчи употребляются тонкія и меньшаго размѣра, а на поминкахъ только ближайшіе родственники и недавно умершіе получаютъ настоящія свѣчи; остальнымъ покойникамъ ставятъ короткіе обрѣзки. Воскъ для свѣчей употребляется всегда желтый (неотбѣленный), непременно свой черемисскій, а не купленный у иноплеменика.

5) *свѣтильно*, вм. „свѣтильня“.

6) *изъ коноплянаго пеньки*. Основатель секты не думаетъ этимъ сказать, что есть еще другая пенька, кромѣ конопляной; онъ хочетъ лишь выразить, что для свѣтильни пригодна только *конопля (муш)*, какъ женскій элементъ растенія, въ противоположность *носкоми (начиш)*—элементу мужскому.

7) *некрученное и непрядено*. Какъ извѣстно, наша церковь употребляетъ восковыя свѣчи со свѣтильной, скрученной изъ пряденой фабричной хлопчатой бумаги; старообрядцы и русскіе крестьяне для самодѣльныхъ восковыхъ свѣчей примѣняютъ крученую свѣтильную изъ льняныхъ нитокъ; язычествующіе инородцы постоянно употребляютъ для этой цѣли свѣтильную, скрученную изъ пеньковыхъ волоконъ, взятыхъ прямо изъ непряденаго повѣсма. Основатель секты забраковалъ тотъ и другой способъ: кугусортинцы берутъ прядь волоконъ пеньки, тщательно расправляютъ и вытягиваютъ ее и кладутъ на длинный лентообразный кусокъ нагрѣтаго воска, прикрывая его сверху другой полоской воска, а потомъ, загнувъ на нижней восковой полоскѣ кромку, начинаютъ катать по столу, нажимая дощечку, и придаютъ свѣчкѣ обычную цилиндрическую форму.

8) *восковаго круга*. Кругъ этотъ наз. теперь *шѣштѣ ѳнѣ* и долженъ обязательно имѣть 7 вершковъ ширины, или діаметра; толщина его—дѣло случайное, но она всегда довольно внушительна,

и кругъ этотъ имѣетъ форму низкаго, довольно тяжелаго по вѣсу цилиндра, замѣтно возвышаясь надъ поверхностью стола. Для полученія круга, обыкновенно расплавленный воскъ выливаютъ въ кадуюшку или шайку нужныхъ размѣровъ, въ которую предварительно налито немного горячей воды; эта вода мѣшаетъ воску пристать къ стѣнкамъ сосуда, и кругъ воска такимъ образомъ легко вынимается. Слышно, что сектанты побѣдише вмѣсто толстаго воскового цилиндра употребляютъ тонкую восковую лепешку соответствующаго діаметра, а если нѣтъ средствъ и для этого—просто коровай хлѣба. И коровай, и кругъ замѣняютъ собою, такимъ образомъ, большой подсвѣчникъ. У остальныхъ черемисъ восковыя свѣчи прилѣпляются въ роцѣ къ особой перекладинѣ, устраиваемой на нѣкоторомъ возвышеніи надъ престоломъ.

9) *воскъ и медь отъ умершихъ пчелъ нами не употребляется.* Здѣсь цѣликомъ выражается древне-черемисское воззрѣніе на чистоту жертвы Божеству. Приносимая жертва у сторонниковъ кроваваго культа должна быть *чиста* (т.-е. омыта водою или выкупана), *непорочна* (т.-е. не испытывавшая случки), безъ всякихъ недостатковъ или уродства (напр. хромая, слѣпая), не только совершенно здоровая, но даже не испытывавшая никакой болѣзни. Понятно, что воскъ и медъ, оскверненные смертью пчелъ, непригодны для жертвы Богу: было бы насмѣшкою надъ Божествомъ употреблять ихъ въ дѣло. Даже русскіе воздерживаются готовить свѣчи изъ такого воска или дѣлать поминальный канунъ изъ подобнаго меду, а объ остальныхъ инородцахъ я уже не говорю.

10) *считаемъ за грѣхъ.* Это воззрѣніе сектантовъ представляетъ уже нѣкоторое приспособленіе къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Язычникъ черемисинъ во всемъ, что составляетъ отступленіе отъ ритуала, видитъ не грѣхъ (*сѹльк*), а ошибку, промахъ (*язык*). Сами они объясняютъ эти промахи тѣмъ, что у нихъ нѣтъ записаннаго откровенія свыше, нѣтъ закона, почему всегда можно въ чемъ-нибудь сдѣлать уклоненіе отъ освященнаго вѣками, стало быть—угоднаго Богу порядка. Вотъ почему черемисы боятся, что при моленіи они всегда могутъ сдѣлать отступленіе въ чемъ-либо. Это прекрасно выражается въ извинительной молитвѣ, читаемой язычниками въ роцѣ на другой день послѣ жертвоприношенія.

Приводимъ эту любопытную молитву.

и въ домашнемъ обиходѣ, то они возстановили употребленіе древнѣйша госсвоего напитка *мурэ* для жертвенныхъ надобностей. Если *мурэ* не подсычено, т.-е. не подслащено свѣжимъ мѣдомъ, то оно кислотовато на вкусъ, тогда какъ сыта (*шорба*) славава на вкусъ, почему и названа здѣсь нѣсколько неправильно *шурй* (вм. *шёрё*) — „сладкая“.

14) *шобакшйхъ* изъ овсяной муки на меду. Это—нѣчто совсѣмъ новое въ числѣ жертвенныхъ приношеній и яствъ. Обыкновенно только по праздникамъ черемисы готовили мелкое печенье на медовой сытѣ (родъ пирожного или пряника), а изготовленіе подобнаго хлѣба есть нововведеніе основателя секты; самое слово *шобакшйхъ* является новостью въ черемисской лексикѣ.

15) *шорби нинде* (читай *индэ*). Словомъ *киндэ* обозначается ржаной хлѣбъ *rag excellence*, а также и всякое мелкое печенье изъ ржаной муки, какъ въ данномъ случаѣ лепешки на медовой сытѣ. Но здѣсь эти лепешки *прѣсыя*, какъ и всякое печенье, назначаемое въ жертву, за исключеніемъ ржаного хлѣба. Другой видъ лепешекъ называется: *эёрчэ* (на яйцахъ), *салма киндэ* (толстыя на маслѣ).

16) *мелна теркяль* буквально значить не „блины (на) блюдѣ“, а *блюдные* или *тарелочные блины*; блины пекутся на сковородкѣ, которая повсемѣстно называется *салма*, а подаются на блюдѣ (*теркэ*), глубиной своей не превосходящемъ обыкновенной глубокой тарелки. По способу подачи на столъ блины и названы здѣсь „тарелочными“ (*теркяль*—прилаг. отъ *теркэ*, по яранск. говору *теркя*). Здѣсь кстати замѣтить, что деревянная посуда, въ которую откладывается и отливается доля для Божества, каждый разъ берется новая, только-что выточенная на станкѣ.

17) *немёр теркэм*. Вин. пад. *теркэм* зависитъ отъ далѣе стоящаго дѣйств. глагола *ныштэнэ*—ставимъ. Выраженіе это буквально значить „кашное блюдо, блюдо съ кашей“; но, строго говоря, *немёр* (вост.-черем. *немёр*) не значить „каша“, а нѣчто приближающееся къ киселю, всего вѣрнѣе—размазня изъ мелкой овсяной крупы, отсѣваемой послѣ толченія зерна въ ступѣ. Самое толченіе зерна обыкновенно исполняется женщинами.

18) *киндер-кеи*. Въ такомъ видѣ слово это не имѣетъ никакого смысла: *киндер*, полузабытое старочеремисское слово, значить „конопля“, а *кеи* не имѣетъ значенія; если разбить слово это на два:

кѣндэ и *еркѣш* или *эркѣш*), то получится невразумительное реченіе: *хлѣбъ на волю*. Остается допустить здѣсь опіску, къ сожалѣнію—трудно исправимую, хотя ясно, что рѣчь идетъ о чистомъ (*эрѣ*) ржаномъ хлѣбѣ (*кѣндэ*), непочатомъ (*тычмаш*), испеченномъ въ видѣ обыкновеннаго корова (*сукур*).

19) *пыитени*—„ставимъ“. Вся фраза построена по-черемиски, а далѣе глаголъ повторяется по-русски.

20) *непочатого* (*тычмаш*). Принести въ жертву что-нибудь „початое“ не полагается: испробованныя до моленія и возношенія Божеству яства негодны послѣдному, какъ испорченныя или оскверненныя; кугусортинцы оставили въ полной неприкосновенности требованія древняго языческаго ритуала.

21) *ѹм* и *туарам*. Винит. пад. зависить здѣсь, какъ и выше, отъ стоящаго далѣе глагола *пыитэна*, хотя употребленный ранѣе глаголъ „ставится“ требуетъ имен. пад. *Туварэ*—по яранскому говору, а обычно *туарэ*, вост.-черем. *торык*, безъ сомнѣнія есть искаженіе русскаго „творогъ“. Упоминаемая здѣсь творожня лепешки—любимое праздничное кушанье всѣхъ черемись.

22) *скоровное*. Странное слово это обязано своимъ происхожденіемъ чисто-черемисской этимологіи: черемисинъ производитъ „скоровный“ отъ „корова“, и для него оно равносильно слову *корой*.

23) *безъ соли*. Характерно, что у черемись вообще все предлагаемое богамъ въ жертву *никогда не солится*; такой же пріемъ усвоили и основатели новой вѣры. По этому поводу невольно напрашивается догадка, не относится ли установленіе жертвенныхъ порядковъ у черемись еще къ той отдаленной порѣ, когда они не знали соли (*шенжѣл*, *шинчѣл*)?

24) *изъ хлѣба*. Здѣсь — неясность, подобная отмѣченной въ примѣчаніи 17. Очевидно, пишущій хотѣлъ сказать: „мука для хлѣба“.

25) *въ ступкѣ*. Эта ступка (*шур*) дѣлается изъ березоваго дерева, какъ и пестъ (*шур бондо*), но приготовляемая въ ступѣ мука имѣетъ массу отрубей, изъ коихъ болѣе крупныя идутъ на кашу или размазю (*немэр*). Въ ступахъ большинство нашихъ инородцевъ повсемѣстно готовятъ крупу для домашняго обихода, особенно вдали отъ мельницъ. Но нельзя сказать, чтобы это былъ единственный древній черемисскій способъ приготовленія отрубей

и муки; какъ показываютъ находки на старыхъ инородческихъ городищахъ, употреблялся также ручной жерновъ.

26) *изъ березоваго и липоваго дерева.* Огонь изъ дерева добывается самымъ примитивнымъ способомъ: черемисы не знаютъ даже смычка, который быстро вращаетъ вертикальную палочку, упирающуюся въ подставку; у кугусортинцевъ одинъ держитъ за концы липовое полѣно, другой быстро водить взадъ и впередъ по этому полѣну четырехграннымъ березовымъ брускомъ. Когда полѣно начнетъ тлѣть, подставляется кусокъ трута, а загорѣвшійся трутъ кладется въ солому, и уже съ помощью послѣдней разжигаются дрова.

27) *изъ соломы.* Современная практика кугусортинцевъ допускаетъ, кромѣ соломы, употребленіе березовой или липовой стружки. Такъ какъ до манифеста о свободѣ вѣроисповѣданій сектанты рѣдко молились въ рощахъ (это было возможно лишь до ссылки братьевъ Якмановыхъ), а большею частью потаенно—въ избѣ съ закрытыми ставнями, которая расположена была гдѣ-нибудь на пчельникѣ и содержалась въ полной чистотѣ,—то сожиганіе жертвы производилось на печномъ шесткѣ (*комага* или *конга бичил*).

28) *одними поклонами.* Молитвенная поза кугусортинцевъ не представляетъ ничего новаго: черемисы язычники точно также во время жертвоприношенія стоятъ на ногахъ, въ шапкахъ; точно также большинство молящихся въ рощѣ, памятуя, что они не въ церкви, ограничиваются одними пояснымъ поклонами, но нѣкоторые по забывчивости осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, а въ Малмыжскомъ уѣздѣ я видалъ и такихъ черемисъ, которые закрывали себѣ ладонями лицо и проводили ими сверху внизъ совершенно по-мусульмански: эти послѣдніе, когда наступалъ моментъ колѣнопреклоненія, не становились на колѣни, какъ христіане, а просто садились на подогнутыя подъ себя ноги. Сектанты допускаютъ только поясной поклонъ и колѣнопреклоненіе съ наклономъ головы до земли; молясь, они совсѣмъ не снимаютъ шапокъ или бѣлыхъ войлочныхъ своихъ шляпъ (о чемъ основатель секты не упоминаетъ). Якмановъ пропустилъ самое важное: что совершающій моленіе жрецъ и его помощникъ въ важнѣйшіе моменты молитвы „воздѣваютъ руки“, поднимая ихъ вровень съ головою и обращая ладони въ ту же сторону, куда обращено

лицо. Конечно, сектанты много разъ видали, какъ православный священникъ молится въ алтарѣ съ воздѣтыми руками.

29) *до одного*— „всѣ до единого, до послѣдняго“. Въ данномъ случаѣ видимъ мы полное сходство съ молитвою остальныхъ черемисъ: обыкновенно каждый вполголоса повторяетъ слова произносимой жрецомъ молитвы, а въ моментъ сожиганія жертвы всѣ мысленно стараются высказать Божеству свои завѣтныя желанія и просьбы.

30) *высочайшаго Бога*. Отвергая всѣхъ второстепенныхъ боговъ и богинь черемисскаго Олимпа, число которыхъ очень велико, Якмановъ признаетъ одного „Великаго Бога Творца“—*Кулу пуйриш Юмъ* и его жену, мать его дѣтей, *Кулу пуйриш Юмън авижѣ*— „мать-жена Великаго Бога Создателя“. Жена Великаго Бога—персона безъ всякихъ функций. Когда сектантамъ указываютъ на это, они обыкновенно отвѣчаютъ: „у васъ, вѣдь, тоже есть Божія Матерь“. Состоящіе по штату у cadaго изъ главныхъ боговъ пророки (*тамбар*), докладчики черемисскихъ нуждъ (*вѣднѣзѣ*) и ангелы-адъютанты, посылаемые богами на землю (*сукчѣ*), равно ангелы у второстепенныхъ боговъ признаны также излишними; но ангелъ хранитель, даруемый каждому черемисину со дня рожденія, постоянно, до самой смерти невидимо сидящій на правомъ плечѣ черемисина (почему и называется *вачѣвал сукчѣ*, т.-е. „на плечѣ ангелъ“), остался по-прежнему хранителемъ кугусортинца.

Старый языческій Олимпъ соблюдалъ въ управленіи человѣчествомъ строгое раздѣленіе труда и наблюденія: всякое занятіе, всякій промыселъ, всѣ явленія природы (вѣтеръ, морозъ, дождь, громъ, молнія), небесныя свѣтила, звѣзды, земля и вода—все управлялось отдѣльными божествами; даже зачатіемъ младенца и формированіемъ его въ утробѣ матери завѣдывала особая богиня. А надъ всѣми этими богами и богинями, гдѣ-то въ невѣдомой дали лазурнаго неба обиталъ „Великій Богъ“—*Кулу пуйриш Юмъ* съ женою. Слишкомъ далекъ онъ былъ отъ грѣшной земли, и труденъ былъ къ нему доступъ для молитвы бѣдныхъ черемисъ: если эту молитву принялъ *вѣднѣзѣ* Великаго Бога, онъ не можетъ миновать *Капка орѣлѣ* (привратника), „охранящаго ворота въ усадьбѣ Великаго Бога, а если умилостивленный привратникъ пропустить, нужно входить въ сдѣлку съ состоящимъ при Богѣ „пророкомъ“ (*тамбар*). Однимъ словомъ, доступъ къ

Великому Богу столь же труденъ для черемисской молитвы, какъ самому черемисину трудно, напр., добраться до губернатора.

Только послѣ столь сложной процедуры молитва черемисина язычника достигаетъ наконецъ Великаго Бога, безстрастно возсѣдающаго въ богатой горницѣ, выстроенной среди окруженнаго новымъ высокимъ заборомъ двора, покрытаго богатою растительностью, среди которой пасутся обширныя стада Бога, пополняемые постоянно приносимыми жертвами.

Крупную фигуру Великаго Бога заслонялъ цѣлый штатъ другихъ боговъ, а такъ какъ судьбой каждого человѣка завѣдывалъ особый „Богъ судьбы“ — *Kavan юмъ* или *Kavi юмъ*, то фигура Великаго Бога, безконечно добраго (*норъ*) къ людямъ, рисовалась черемисамъ очень туманно: теоретически какъ-будто все должно было быть въ его рукахъ, отъ него зависѣть, но на практикѣ, при совершенномъ раздѣленіи труда, Великій Богъ являлся для черемисъ чѣмъ-то призрачнымъ, крайне неяснымъ, а его функціи сводились почти къ нулю. Полная беспомощность „добраго Великаго Бога“ особенно ясна дѣлалась черемисамъ, когда они сопоставляли ее съ могуществомъ „злбнаго“ (*оса*) Кереметя, его младшаго брата: въ то время, какъ Великій Богъ терпѣливо ждалъ обѣщанной жертвы, Кереметю надо было приносить ее безъ замедленія. Всякій другой народъ на мѣстѣ черемисъ, создавъ столь обширный штатъ боговъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выработалъ бы и цѣлый рядъ миѳическихъ сказаній. Но у черемисъ въ этомъ отношеніи замѣчается поразительная бѣдность.

Подъ влияніемъ моихъ вопросовъ, черемисскіе жрецы часто сознавались, что имъ самимъ трудно дать себѣ отчетъ въ томъ, какую же, наконецъ, роль играетъ Великій Богъ въ міроуправленіи? Не странно ли, что, молясь напр. о прибыльномъ пчеловодствѣ, черемисинъ долженъ былъ непременно принести жертву „богу пчелъ“ (*моки он*) и его женѣ (*моки авд*), а жертва Великому Богу была при этомъ необязательна; точно также, молясь объ избавленіи отъ градобитія, черемисинъ обращался къ „гремящему, молніеносному богу“ (*Кудурчъ волокч юмъ*), а не къ великому *Кугу Юмъ*... Основатель новой секты глубоко продумалъ всю несообразность такого порядка. Если мы только представимъ себѣ всю сложность и трудность логическаго процесса, какой онъ продолжалъ, то мы поймемъ, какъ громадна была работа этого недужин-

наго ума. Безконечное число дней и ночей ушло у отставного гвардейца съ товарищами на продумываніе и взвѣшиваніе всѣхъ несообразностей въ черемисской мѣологіи. Но мало было продумать: надо было обосновать солидными аргументами свою новую религіозную систему, предвидѣть всѣ возможныя на первыхъ порахъ возраженія со стороны приверженцевъ „старой Адамовой вѣры“, которые начало кроваваго жертвеннаго культа относить къ эпохѣ, близкой къ сотворенію человѣка. Гвардеецъ и здѣсь нашелся, ссылаясь въ бесѣдахъ съ черемисами на грубость древняго человѣчества, а съ другой стороны прототипъ новой своей вѣры Якмановъ видитъ въ безкровномъ жертвоприношеніи Авеля. И я представляю себѣ, что черемисы жадно слушали апостола новой вѣры. Должно быть, рѣчи его были убѣдительны, если число прозелитовъ росло со дня на день, и ко времени ссылки въ Сибирь основателей секты пять волостей съ черемисскимъ населеніемъ уже исповѣдывали новое ученіе, а въ настоящее время въ трехъ смежныхъ уѣздахъ почти половина черемисскаго населенія тяготеетъ къ новой сектѣ.

31) *простили намъ грѣхи*. Выше, въ примѣч. 9, я указалъ, что черемисы вообще не каялись Богу въ своихъ грѣхахъ. Самое воззрѣніе язычествующихъ черемисъ на грѣхъ крайне своеобразно. Грѣхъ незамолимъ: его нельзя покрыть ни кровавыми жертвами, ни свѣчами, ни усердными моленіями,—только дѣла благотворенія и возмѣшеніе нанесеннаго ущерба покрываютъ грѣхъ. Но грѣховными поступки черемисина становятся тогда, когда они наносятъ ущербъ ближнему (отнятіе жизни и имущества, колдовство и порча, присвоеніе путемъ кражи или хитрости, порча чужого добра, непочтеніе къ Богу, къ родителямъ и старшимъ, ложь, зависть и злоба, клевета и ябеда); все же остальное, отражающееся главнымъ образомъ на личности самого согрѣшающаго, напр., пьянство и дурное поведеніе вообще, небрежность въ дѣлахъ и хозяйственная нерадивость,—это будетъ не грѣхъ, а проступокъ, за который виновный накажется или Богомъ, или презрѣніемъ ближняго.

Кугосортинцы значительно расширили списокъ грѣховъ; въ число послѣднихъ внесены: невоздержаніе (отъ вина, чаю, табаку), несоблюденіе чистоты, употребленіе въ пищу нѣкоторыхъ звѣрей и птицъ (о нихъ рѣчь впереди); требованія морали они также

весьма замѣтно повысили; впереди стоитъ заповѣдь о томъ, что всѣ люди-братья, а изъ нея вытекаетъ много такого, что приближаетъ ученіе секты къ христіанству и ставить это ученіе недосыгаемо выше черемисскаго язычества. Но Якмановъ не рѣшился воспретить добрачную половую свободу: слишкомъ ужъ глубоко лежитъ она въ нравахъ черемисъ и слишкомъ дорожатъ они продолженіемъ рода, во имя котораго дѣвушка можетъ не выходить замужъ, но *должна* имѣть хотя одного ребенка... И кугусортинская дѣвушка въ короткія іюньскія ночи жадно прислушивается къ звукамъ *пуча*—длинной лычной трубы,—которыми парень вызываетъ ее на свиданіе. Въ этомъ отношеніи у сектантовъ все осталось по-старому.

32) *отъ всѣхъ несчастныхъ бѣдствій.* Молились объ этомъ черемисы и раньше, до появленія секты *кугу сорта*, но тогда ихъ молитва поневолѣ теряла характеръ цѣльности, разбиваясь по адресу цѣлаго ряда боговъ, сообразно специальной функціи cadaго. Величіе Верховнаго Бога теперь значительно выиграло, когда въ лицѣ его соединилась власть надъ *всѣмъ міромъ* и человѣкомъ, до этого по частямъ распределенная между многими божествами. Можно сказать, что черемисинъ (язычникъ и крещеный, но несвѣдущій въ христіанской вѣрѣ) только теперь началъ отдавать себѣ отчетъ, что такое *всемогущій Богъ*, когда секта отвергла всѣхъ другихъ боговъ, равно перестала признавать Кереметя, который безсиленъ вредить черемисину, находящему защиту въ великомъ и единомъ Богѣ.

33) *благодаримъ Бога за все прежнее.* Какъ бы ни было неприглядно прошлое, кугусортинецъ не жалуется, а благодаритъ за него Бога; точно также онъ прощаетъ и забываетъ причиненныя ему обиды и притѣсненія со стороны начальства. Эта незлобивость поражала не только меня, но и всѣхъ, кто соприкасался съ сектантами (Угрюмовъ, Мошковъ, Кобловъ). Только высокимъ подъемомъ религіознаго духа, очищеніемъ помысловъ отъ всего грѣховнаго и широкою любовью къ ближнему можно объяснить подобное явленіе. Намекъ на прежнее время всегда замѣтенъ былъ въ молитвахъ черемисъ. Но, ссылаясь на времена предковъ (*тошты марі шимыч*), язычникъ отмѣчалъ только, что при предкахъ всего было „изобильно“: хлѣба, скота, звѣрей, денегъ, что предкамъ во всемъ была „удача“; такой же удачи и изобилія

просилъ язычникъ и для себя, по примѣру предковъ, и если желаніе его исполнялось, онъ считалъ, что Богу угодна была жертва, и за нее именно Богъ наградилъ черемисина изобиліемъ. Обратнo, если, напримѣръ, прошеніе объ урожаѣ не исполнялось, какъ въ 1875 и 1879 гг., черемисы приносили болѣе обильныя жертвы, вновь повторяя въ молитвахъ свои желанія. Благодарить за неурожай не приходилось, а нужно было умиловать Бога обѣщаніемъ новой жертвы. Словомъ, въ чистомъ язычествѣ черемисинъ какъ бы вступаетъ съ Божествомъ въ сдѣлку: „ты мнѣ, а я тебѣ“, и только немногіе черемисы доходили до болѣе возвышеннаго понятія о Богѣ, какъ Существо, дѣйствующемъ по началамъ высшей справедливости, да и то такыя оказывались преимущественно среди жрецовъ.

Воззрѣнія сектантовъ на Верховнаго Бога значительно облагорожены, а вмѣстѣ съ тѣмъ кугусортинецъ, вручивъ свою судьбу единому Богу, не чувствуетъ себя такимъ растеряннымъ и безпомощнымъ, какъ прежде, когда ему приходилось выбирать заступника и покровителя среди цѣлаго сонма боговъ. Но при этомъ поражаетъ въ сектанствѣ одна черта, которая нечасто встрѣчается даже среди христіанъ: это—полное и всецѣлое подчиненіе себя волѣ Божіей. Оно столь трогательно въ нашъ матеріальный вѣкъ, столь необычно для малокультурной инородческой среды, что невольно переноситъ наблюдателя въ тѣ отдаленныя эпохи, когда человекъ умѣлъ еще уходить отъ всего земнаго и сливаться съ Божествомъ. Удивительно, что сектанты, живя въ мірѣ, ведутъ часто полу-аскетическій образъ жизни, а обузданіе своихъ помысловъ и подчиненіе своей воли и поступковъ требованіямъ морали доводятъ до той степени, которая не для всякаго досягаема.

34) *приносимъ моленіе за Царя и за его весь Царскій домъ.* Ранѣе у язычествующихъ черемисъ моленіе за Царя выражалось только тѣмъ, что они просили у Великаго Юмы урожая и изобилія главнымъ образомъ для того, чтобы исправно уплатить подати (*юзѣк*, т.-е. ясакъ). Теперь сектанты внесли еще особое прошеніе о дарованіи Государю (*ош куужѣ*—„бѣлый Царь“) здравія и долголетія, равно и всей его семьѣ.

35) *за все воинство.* Молитва за все воинство, сколько знаю, читалась на моленіи только однажды—въ 1881 г., когда, вскорѣ послѣ кончины Императора Александра II, духовный глава чере-

мись видѣлъ сонъ, будто турки вновь собираются воевать съ нами. Кугусортинцы внесли разъ навсегда въ молитву прошеніе о дарованіи воинству русскаго „бѣлаго Царя“ побѣды и постоянно читають ёго на моленіяхъ; въ этомъ случаѣ невольно сказался въ основателѣ секты солдатъ, бывший гвардеецъ.

36) *начальство и добрыхъ людей.* Ничего подобнаго не знало черемисское язычество. Да и трудно было язычеству черемисамъ молиться за начальство духовное и свѣтское, кторое причиняло имъ много безпокойства. стѣсня въ дѣлахъ вѣры и облагая часто незаконными поборами; ряса миссіонера и форменная фуражка были одинаково страшны язычнику и придерживающемуся старины крещеному черемисину. Постоянныя гоненія на черемись вызвали у послѣднихъ не молитву за притѣснителей, а оригинальную вставку въ молитву, въ которой они просятъ обыкновенно объ избавленіи отъ злодѣевъ дневныхъ и ночныхъ; черемисы прибавили сюда специальное прошеніе объ избавленіи „отъ мошенника-исправника, отъ мошенника-попа и отъ всякаго мошенника-чиновника“. Это показывасть, какъ мало инородецъ довѣрялъ начальству. У кугусортинцевъ нѣтъ въ молитвѣ этой оскорбительной для русскаго вставки, и они молятся не только за всѣхъ участниковъ безкровнаго жертвоприношенія, но и „за все вообще начальство и всѣхъ добрыхъ людей“. Мы видимъ отсюда, насколько любовь къ ближнему беретъ перевѣсъ у сектанта надъ всѣми другими чувствами. А, казалось бы, достаточно было одной административной высылки въ Сибирь, чтобы надолго могло сохраниться у основателя секты недовѣріе и злоба къ начальству...

37) *за всѣхъ умершихъ.* Молитвы за умершихъ читаются у язычниковъ только на поминкахъ; обращенная къ главѣ загробнаго міра, молитва не просить о прощеніи грѣховъ умершихъ и объ улучшеніи ихъ участи; это послѣднее если и возможно, то не навсегда, а только на время, подъ вліяніемъ жертвъ, приносимыхъ владыкѣ загробнаго міра: онъ можетъ лишь на время отпускать души умершихъ на землю. Но чтобы хотя ненадолго освѣтить темный загробный міръ и доставить нѣкоторое удовольствіе для грѣшниковъ, продолжающихъ сохранять чисто земныя потребности, живые родственники должны предлагать имъ время отъ времени трапезу и ставить восковыя свѣчки. Сектанты хотѣли бы реорганизовать и эту сторону черемисскихъ вѣрованій, но у нихъ какъ-буд-

то не хватило умѣнья. Хотя Якмановъ и говорить въ своемъ исповѣданіи, что сектанты молятся, чтобы умершіе

38) *уготовали* (читай „себѣ, т.-е. удостоились“) *Царствіе Небесное*, по этого „царствія“ кугусортинцы даже и приблизительно себѣ не представляютъ: они свели молитву, подобно язычникамъ, къ тому, чтобы Великій Богъ дозволилъ „ходить умершимъ при свѣтломъ солнцѣ“, а не во мракѣ. У нихъ нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы души умершихъ находились ближе къ Богу и наслаждались созерцаніемъ его величія: это кажется имъ еще кощунствомъ. Но такъ какъ въ послѣднее время среди черемисъ усердно распространяется переводъ апокрифическаго „Хожденія св. Теодоры по мытарствамъ“, то очень можетъ быть, что они выработаютъ себѣ болѣе детальное представленіе о загробной участи и о блаженствѣ въ царствѣ небесномъ. Но въ данное время сектанты, отбросивъ старочеремисское воззрѣніе на загробный міръ, какъ блѣдную копию настоящаго, гдѣ умершіе продолжаютъ жить по-земному, отказываются нарисовать картину загробнаго быта. Любопытно, надолго ли сохранится такое воззрѣніе.

39) *въ пищу никогда не употребляемъ*. Якмановъ могъ это сказать только про себя и про своихъ первыхъ, наиболѣе экзальтированныхъ прозелитовъ. Приводя перечень всего неупотребляемаго въ пищу, основатель секты смѣшиваетъ иной разъ въ своемъ изложеніи употребляемое съ неупотребляемымъ, дозволенное съ запрещеннымъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

40) *свинину*. Свиной (*сѣснѣ*) черемисы вообще разводять мало, ибо онѣ причиняютъ много хлопотъ: ломаютъ изгородь, портятъ выгоны и непригодны для жертвы богамъ. Кугусортинцы еще потому чувствуютъ отвращеніе къ свиньѣ, что она питается всякою мерзостью. Язычники избѣгаютъ приносить свиной въ жертву даже Кереметю: никому не нравится это грязное животное... Но вообще черемисы, язычники и крещеные, довольно неразборчивы въ пищѣ. Случалось видать, что они употребляютъ въ пищу вареную сороку, лисицу, бурундука. Это чаще наблюдается на лѣвомъ берегу р. Вятки, въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

41) *кобылятину*. Конина издревле употреблялась въ пищу всѣми нашими инородцами; на рынкахъ сѣверной Россіи лошадиное мясо продавалось наряду съ зайчиной, бѣлкой и бобровиной еще въ XV в. Татары колютъ только старыхъ лошадей, а жеребятъ-

ми лакомятся болѣе богатые. За послѣднее 25-лѣтіе лошадиное мясо черемисы ѣли только при большихъ моленіяхъ и на богатыхъ поминкахъ; но для этихъ цѣлей закалывалось обыкновенно животное не старше 1½, много 2 лѣтъ. Отвычка отъ конины производила то, что многіе объѣдались ею на моленіяхъ. Когда начиналась острая боль въ желудкѣ, объѣвшагося отхаживали тѣмъ, что или катали по землѣ, старательно при этомъ растирая животь, или гоняли до полного изнеможенія, какъ лошадь на кордѣ, по полянѣ, подстѣгивая прутьями. При каждомъ большомъ моленіи возможны случаи смерти отъ объяденія: умираютъ не только бѣдняки, давно не выдавшіе мяса, но и люди богатые, какъ ревнитель древняго язычества Александръ изъ дер. Тамшинери (около 1903 г.). Памятуя такіе случаи, Якмановъ устранилъ конину (*имѣе шыл*) совершенно.

42) *медвѣдя*. Теперь медвѣдь (*маски*) составляетъ рѣдкость на черемисской территоріи; въ языческихъ молитвахъ черемисъ онъ упоминается наряду то со звѣрями, вредящими домашнему скоту, то въ числѣ промысловыхъ звѣрей. Но лѣтъ 60 тому назадъ медвѣдя было еще много и за нимъ охотились; такъ напр., верховный жрецъ черемисъ *Токпай*, умершій около 1900 г., много разъ ходилъ на медвѣдя съ рогатиной (*маски ѹмдѣ*). Охота производилась на этого хищника главнымъ образомъ ради шкуры, а въ пищу употреблялось далеко не все мясо, но только голова, лапы и окорока; сало извлекалось для хозяйственныхъ и лѣчебныхъ надобностей.

43) *зайца и бѣлку*. Эти грызуны всегда употреблялись черемисами въ пищу и приносились въ жертву кереметямъ. Но такъ какъ основатель секты довольно строго провелъ неупотребленіе въ пищу всѣхъ звѣрей, равно животныхъ и птицъ, которыхъ черемисы не разводять сами, то онъ поступилъ совершенно логически, возбранивъ употребленіе мяса зайца (*мерян*) и бѣлки (*ур*); въ то же время черемисская бѣднота, примкнувъ къ сектѣ лишается существеннаго пищевого подспорья при скудномъ инородческомъ хозяйствѣ. Остается одно: нарушать иногда кугусортинскую заповѣдь, а потомъ приносить Богу покаяніе; такъ большинство по нуждѣ и дѣлаетъ въ послѣднее время.

44—46) *курицы и яйца*. Здѣсь мысль выражена такъ, какъ-будто куры и куриныя яйца не употребляются въ пищу, наравнѣ

„съ прочими лѣсными птицами“. Но курица—птица домашняя, а не лѣсная, какъ тетеревъ, рябчикъ, куропатка. Кугусортинцы употребляютъ въ пищу куръ (*чибѣй*) и яйца (*мунѣ*); глава уржумскихъ кугусортинцевъ, угощая меня чаемъ, велѣлъ мнѣ подать сваренныхъ всмятку куриныхъ яицъ и огурцовъ съ медомъ, и ѣлъ при мнѣ яйца. Мнѣ разрѣшено было курить; мало того, я послалъ за бутылкой водки и угощалъ собравшихся ко мнѣ черемисъ, не принадлежащихъ къ сектантамъ. Это показываетъ, насколько велика терпимость сектантовъ и какъ они снисходительны къ людскимъ слабостямъ.

47) *капусту*. Какъ увидимъ ниже, огородныя овощи не изгояются изъ кулинарнаго черемисскаго обихода, и дѣло не ограничивается одной капустой (*кобытѣй*).

48) *остальное не употребляемъ*. Къ „остальному“ относятся: огурцы (*кѣйр*), рѣдька (*кочѣ ушмѣн*), картофель (*парѣтѣ*), свекла (*йошкѣйр ушмѣн*), горохъ (*пурсѣй*), бобы (*нѣмѣч пурсѣй*), лукъ (*шошѣч*), морковь (*кѣшѣйр, мскрождѣ*), рѣпа (*вурѣвѣй*), брюква (*шѣрѣ ушмѣн*). Все это, наряду съ подсолнухами (*кѣчѣ шѣдо*), я видѣлъ во всѣхъ сектантскихъ огородахъ (*пакѣй*). Примирить такое явное противорѣчіе дѣйствительности съ завѣтомъ основателя секты крайне трудно; но такъ какъ дѣти сектантовъ до извѣстнаго возраста свободны отъ всѣхъ строгостей кугусортинскаго устава, то вѣрнѣе всего—какъ бы для нихъ разводятся эти овощи. Въ то же время взрослые, оправдывая себя грѣховностью и слабостью человеческой природы, часто погрѣшаютъ, употребляя въ пищу овощи. Такимъ образомъ, не погрѣшая противъ завѣтовъ Якманова, сектанты могутъ употреблять въ пищу только капусту, баранину (*таѣй шѣл*) и говядину или коровье мясо (*йѣшкѣл шѣл*).

49) *вина никакого не пьемъ*. Это совершенно вѣрно; даже кумышка, черемисская водка самосидка, совершенно устранена изъ домашняго и жертвеннаго обихода. Но такъ какъ человѣку трудно обойтись безъ возбуждающихъ напитковъ, то основатель секты оставилъ медовщину (*пурѣй*), которая, по своимъ опьяняющимъ свойствамъ, значительно сильнѣе водки и кумышки, но употребляется она въ малыхъ дозахъ и не чаще одного раза въ недѣлю, поэтому сектантовъ нужно считать людьми безусловно трезвыми. Число сектантовъ значительно бы возрасло, если бы Якмановъ не возбранялъ употребленіе водки; такъ какъ

отстать отъ водки очень трудно, то для многихъ, сочувствующихъ сектѣ, фактическое вступленіе въ послѣднюю затягивается на цѣлые годы. Я знаю семьи, женская половина которыхъ давно примкнула къ сектѣ, а взрослые мужчины, при всей симпатіи къ ней, не могутъ этого сдѣлать, не въ состояніи будучи отказаться отъ водки и табаку.

50) *чаю тоже*. Братья Якмановы и всѣ живущіе съ ними въ Царевококшайскѣ чаю дѣйствительно не пьютъ; но это—подвижники и люди не отъ міра сего. Остальная масса сектантовъ слишкомъ слаба, чтобы довести свою ѣду и питье до того минимума, который установилъ основатель секты. Легко себѣ представить, къ чему свелось бы питаніе черемисъ, если бы всѣ сектанты употребляли изъ овощей *только капусту* и не пили чаю! За послѣдніе сорокъ лѣтъ употребленіе чая страшно возрасло: черемисинъ, какъ и русскій, чаепитіемъ, вмѣсто завтрака, начинаетъ день, пьетъ чай съ хлѣбомъ вмѣсто обѣда и чаемъ же, вмѣсто ужина, заканчиваетъ. Отнять у него теперь чай, котораго черемисы не знали два поколѣнія тому назадъ, значитъ—обречь его на голоданіе. Поэтому чай остается напиткомъ допустимымъ у большинства кугусортинцевъ; онъ допускается наравнѣ съ употребленіемъ рыбы (*кш*)—„ради слабости человѣческой“.

51) *табакъ не куримъ и не нюхаемъ*. Табакъ извѣстенъ нашимъ инородцамъ со второй половины XVII вѣка. Обыкновенно курятъ не только мужчины, но и женщины, а нюхаютъ главнымъ образомъ при болѣзняхъ глазъ и головы. Когда табакъ нѣтъ, черемисы крошатъ, какъ крупку, старые прокуренные чубуки, мохъ или трутъ и курятъ. Особенно часто начинаетъ съ этихъ суррогатовъ свое куренье молодежь. Наряду съ запретомъ употреблять водку, устраненіе табаку (*томик*) составляетъ самое тягостное лишеніе для черемисъ и для многихъ изъ нихъ, симпатизирующихъ сектѣ, является трудно-одолимымъ препятствіемъ.

52) *кровопролитіа*. Якмановъ разумѣетъ, здѣсь кровавыя жертвы, начало которыхъ относится у черемисъ, какъ и у всѣхъ народовъ, ко временамъ отдаленнѣйшей древности, вѣрнѣе всего—ко временамъ кочевого быта. Появленіе земледѣлія не уничтожило кровавыхъ жертвъ, а только внесло въ жертвенный ритуалъ нѣкоторое дополненіе и разнообразіе. Со времени покоренія Казани (1552), духовенство сильно боролось съ кровавыми жертвами, и

то, чего не могли русскія власти уничтожить въ три съ половиною вѣка, братья Якмановы уничтожили въ нѣсколько лѣтъ... Это показываетъ, какъ сильно дѣйствуетъ новая вѣра на массу.

Кончая комментарій на кугусортинское исповѣданіе вѣры, не могу умолчать въ заключеніе, что возведенное Якмановымъ зданіе новой вѣры выглядит неуклюже, сложено изъ разнороднаго матеріала, кой-гдѣ какъ будто недостроено. Но это зданіе такъ крѣпко связано цементомъ глубокой вѣры, разведеннымъ на широкой любви къ человѣчеству, что оно обѣщаетъ быть долговѣчнымъ...

Г Л А В А III.

Географическій очеркъ родины новой вѣры. Экономическій бытъ, костюмъ и языкъ мѣстнаго населенія. Иностранческіе приходы и духовенство. Обрученіе. Праздничная картинка. Новая вѣра послѣ Казанской выставки. Быстрое распространеніе секты. Отказъ духовенству въ ругѣ. Притѣсненіе сектантовъ. Административная ссылка въ Сибирь основателей секты. Житіе въ Сибири: поленная работа, изготовленіе валенокъ и деревянной посуды. Моленія сектантовъ. Первые извѣстія о нихъ въ сибирской печати. Манифестъ 14 мая 1906 г. и возвращеніе сектантовъ на родину. Выселеніе въ Царевококшайскъ. Какъ сектанты устроились на новомъ мѣстѣ. Отношеніе братьевъ Якмановыхъ къ сектантамъ.

Съ Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. перенесемся теперь въ добри родной для меня Вятской губ., именно въ тотъ Ю.-З. уголь ея, гдѣ лежитъ Яранскій уѣздъ, сѣвернымъ краемъ соприкасающійся съ Варнавинскимъ у. Костромской губ. западнымъ—съ Макарьевскимъ у. Нижегородской губ., а южнымъ краемъ—съ Царевококшайскимъ у. Казанской губ. Край этотъ еще изобилуетъ дарами природы: здѣсь довольно еще лѣсовъ, а обильныя водою рѣчки и ручьи текутъ по всѣмъ направленіямъ, входя въ составъ рѣчныхъ системъ Малой и Большой Кокшаги (*Изи Кокшиі, Кундъ Кокшиі*), Кундыша и Рутки (*Рудъ*), впадающихъ въ Волгу. Въ рѣкахъ довольно рыбы, въ лѣсахъ еще водятся промысловые птицы и звѣри, а рѣчныя поймы даютъ много сѣна и доставляютъ возможность вести порядочное скотоводство. Близость огромныхъ лѣсныхъ площадей даетъ населенію возможность заниматься заготовкой лѣса, который сплавляется на Волгу. На-

селеніе здѣсь главнымъ образомъ черемисское, живущее въ достаткѣ, зачастую имѣющее запасныя кладухи хлѣба и не знающее еще земельного утѣсненія.

Это населеніе передвинулось сюда въ отдаленныя времена, во всякомъ случаѣ не позднѣе X, много XI вѣка по Р. Х., изъ древней Мерянской территоріи; здѣшній черемисскій языкъ занимаетъ средину между горночеремисскимъ и луговымъ нарѣчіемъ, образуя так. наз. яранскій говоръ. По костюму, главнымъ образомъ женскому головному убору (*сорока*), съ широкимъ лопатовиднымъ верхомъ, здѣшніе черемисы примыкаютъ къ черемисамъ царевкокшайскимъ. Благодаря лопатовидной сорокѣ, русскіе называютъ „черемисской лопаткой“ не только женщину, но и мужчину черемисина.

Села встрѣчаются здѣсь довольно рѣдко; приходы поражаютъ своей величиной, а матеріальный бытъ мѣстнаго духовенства отличается полнымъ довольствомъ, не оставляя желать ничего лучшаго, не смотря на то, что приходы часто на $\frac{9}{10}$, а иногда и сплошь состоятъ изъ черемисъ. Язычество было сильно здѣсь еще во второй половинѣ минувшаго столѣтія, миссіонерская же дѣятельность была въ зачаточномъ состояніи. Въ этомъ краю сохранилось довольно много остатковъ древняго язычества, въ видѣ языческихъ рожей, и только нѣкоторыя изъ нихъ, напр. Юманурская, жалкими остатками которой любовался въ 1904 г. еп. Никонъ, уничтожены довольно варварскимъ способомъ.

Какъ и вездѣ, гдѣ виѣдрилось русское населеніе, черемисы находятъ здѣсь въ разныхъ степеняхъ обрусѣнія; послѣднее всего больше сказалось въ крупныхъ селахъ. Тутъ встрѣчаются черемисы, порвавшіе уже всякую духовную связь съ своимъ племенемъ.

Въ селѣ праздникъ... Вотъ по широкой улицѣ двигается кучка черемисской молодежи: картузы на затылкѣ, сапоги со сборами. Впереди всѣхъ идетъ франтъ въ пиджакѣ, надѣтомъ поверхъ расшитой черемисской рубахи; это—сынъ мѣстнаго богатѣя-черемисина и церковнаго старосты. Нещадно растягивая свою гармошку, онъ орётъ во все горло модную часгушку:

Кабы мать-та не „лопатка“,
Я бы русскую любилъ...

Но въ томъ-то и бѣда, что у этого молодца мать носить еще на

головѣ черемисскую сороку. Ну, а русская дѣвушка не соблазнится женихомъ изъ такой семьи.

Въ то же время гдѣ-нибудь на заваленкѣ сидитъ толпа молодежи обоого пола, одѣтая во все бѣлое, и негромко поетъ не то заунывную пѣсню, не то какой-то духовный стихъ.

Грѣшный мы, поддымный ¹⁾ народъ...
 Куда и на что мы годимся?
 Слабы мы стали во всемъ,
 И на одного Великаго Бога-Создателя
 Остается намъ надвяться...

Что это за странная пѣсня? почему раздается этотъ похоронный мотивъ въ праздничное время, когда все зоветъ молодежь къ веселью?

Причина будетъ понятна, если я скажу, что мы находимся въ селѣ *Ернуръ*, подлѣ котораго суждено было народиться новой черемисской вѣрѣ *кудъ сорти*.

Это поютъ сектанты...

Выставка предметовъ кугусортинскаго культа возбудила нѣкоторое вниманіе, а выставочный комитетъ присудилъ даже старшему Якманову почетный отзывъ. Вернувшись къ себѣ на родину съ такою важною бумагой, въ заголовкѣ которой стоялъ двухглавый орелъ, братья начали дѣйствовать нѣсколько смѣлѣе. И до выставки свѣтское и духовное начальство давно уже—цѣлыхъ десять лѣтъ—знало, что братья придумали какую-то новую вѣру, но такъ какъ они были люди трезвые, во всемъ исправные, то на нихъ и не обращали вниманія. Можетъ быть, все шло бы спокойно и дальше, да на бѣду секта успѣла сильно распространиться среди крещеныхъ черемисъ Юкшумской, Ихтиальской, Великорѣченской, Ернурской и Кодамской волостей ²⁾; она укоренилась въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно же въ с. *Покровскомъ*—*Ушиа* (Спис. нас. м. № 16865) и въ трехъ селеніяхъ: *Керда* Яндушевская (№ 16869),

¹⁾ Т.-е. выросшій въ дыму курной избы (безъ трубы, съ глинобитной печью).

²⁾ *Мошкова* называетъ волости: Юкшанскую (такой нѣтъ), Великорѣченскую, Ернурскую и Кодамскую, а изъ селеній: дер. Ушиа, Большой Ершъ, Керда и несуществующую Яштуруду. Мы приводимъ №№ селеній по „Списку населенныхъ мѣстъ Вятской губ.“ Спб. 1876.

Головной Ернь (черем. *Орньи* № 17209) и с. *Ермурь* (№ 16949). На моленія въ рощѣ теперѣ стекалось уже отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ. Это начало вызывать вниманіе властей. Неожиданно нашлись довольно усердные приверженцы новой вѣры, которые наотрѣзъ отказались платить духовенству ругу и принимать его съ требами.

Это не былъ бунтъ противъ духовенства, хотя оно, по словамъ Якманова, „драло съ нихъ здорово“, и никому не было нанесено оскорбленія не только дѣйствіемъ, но и словомъ, потому что иначе не обошлось бы безъ суда. Былъ только рѣшительный отказъ отъ притязаній духовенства, и больше ничего. Но до сихъ поръ еще рассказываютъ, что будто одинъ изъ Якмановыхъ, получившій на выставкѣ похвальный листъ, вывѣсилъ его въ рамкѣ за стекломъ надъ воротами, а другой просверлилъ дырку въ полученной имъ серебряной медали (которой ему никто не давалъ), надѣлъ ее на шею, и оба, указывая на царскую награду за изобрѣтеніе новой вѣры, встрѣчали оглоблями всякое начальство, являвшееся къ нимъ. Но это—злостная сплетня, не больше.

Тѣмъ не менѣе дѣло было испорчено. Пошли доносы со стороны духовенства, и начались всевозможныя придирки. По настоянію вятскаго архіерея, губернаторъ предложилъ чрезъ земскаго начальника, чтобы сельское общество дало приговоръ объ административной высылкѣ братьевъ Якмановыхъ въ Сибирь, безъ всякаго суда. Дѣло долго не налаживалось, потому что односельчане Якмановыхъ ничего не имѣли противъ нихъ, ничего дурного за ними не обрѣталось, и даже самъ земскій начальникъ принялъ сторону братьевъ.

Началась довольно длинная канцелярская волокита, на цѣльяхъ два года. Вожакъ былъ отданъ подъ особый надзоръ, и къ каждому изъ нихъ приставленъ особый „опекунъ“, который слѣдилъ за всякимъ шагомъ сектанта: безъ разрѣшенія опекуна нельзя было никуда отлучиться изъ селенія, хотя бы на мельницу или на пчельникъ. Случалось и такъ, что нужно одному изъ Якмановыхъ ѣхать на мельницу, а опекунъ не пускаетъ: „ступай, говорить, на пчельникъ!“.

Кончилось все тѣмъ, что лѣтомъ 1893 г. братья Якмановы и съ ними еще шесть апостоловъ новой вѣры, согласно опредѣленію Вятскаго губернскаго присутствія, были высланы безъ суда

въ Сибирь на поселеніе: четверо (въ томъ числѣ оба брата Яковлевы) попали въ Маріинскій округъ Томской губ., а другіе четверо—въ Ишимскій округъ Тобольской губ.

Братья безъ всякой злобы, совершенно благодушно рассказываютъ о своей ссылкѣ. Въ Сибирь пришли они въ самый разгаръ жатвы и въ качествѣ жнецовъ зашибли копейку. Когда страда окончилась и наступила длинная сибирская осень, то каждый принялся за то, что умѣлъ: двое катали валенки, одинъ дѣлалъ кадки и бочки, а четвертый точилъ на станкѣ деревянныя чашки. Всему этому былъ хорошій сбытъ, такъ какъ старожилы сибиряки производствомъ подобныхъ издѣлій занимаются очень рѣдко, а предпочитаютъ пріобрѣтать у новоселовъ; даже деревянныя ложки до конца 80-хъ годовъ привозились въ Сибирь изъ Вятки. Изготовление чашекъ оказалось самымъ прибыльнымъ дѣломъ, и понемногу всѣ обучились этому ремеслу. Черезъ годъ началась постройка Средне-Сибирской желѣзной дороги, и ссыльные сектанты нанялись поденщиками у подрядчика по земляной части, инженера *Бонди*. Поденщина была высокая, и трезвые сектанты заработали порядочныя деньги.

Положеніе братьевъ сдѣлалось теперь настолько сносно, что они возобновили свои моленія. Совершаемая открыто, подъ сѣнью сибирскихъ березъ, моленія эти возбуждали вниманіе сибиряковъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Обратилъ на нихъ вниманіе также жившій въ Маріинскѣ сотрудникъ газеты „Сибирскій Вѣстникъ“ (фактическимъ редакторомъ котораго состоялъ въ то время я)—*Урюмовъ* и далъ объ нихъ, по моей просьбѣ, замѣтку для газеты, которую перепечаталъ потомъ въ „Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“; эта статья вызвала большія симпатіи къ ссыльнымъ братьямъ со стороны сибирской публики. Одно огорчало нашихъ ссыльныхъ, что въ послѣдній годъ ссылки умеръ ихъ товарищъ токарь, ревностный кугусортинецъ.

Въ 1896 г., по случаю коронаціи 14 мая, вышелъ манифестъ объ освобожденіи нѣкоторыхъ категорій административныхъ ссыльныхъ. Сектанты подали прошеніе томскому губернатору (теперь сенаторъ) Г. А. Тобизену и получили билетъ на свободное возвращеніе въ Россію, но безъ права проживать въ своемъ родномъ Яранскомъ уѣздѣ.

Вернулись ссыльные въ Вятскую губ. и прежде всего, конечно,

прямо съ пароходной пристани отправились домой, гдѣ оставались ихъ семьи, гдѣ у всѣхъ еще сохранялись избы и хозяйство, потому что имъ некуда было больше итти. Разойдясь по роднымъ селеніямъ, спокойно прожили сектанты въ кругу своихъ семей около двухъ мѣсяцевъ, принялись было уже устраивать домашнія моленія, но... узнало объ нихъ духовенство и донесло, куда слѣдуетъ. Пришлось высидѣть сектантамъ четыре дня подъ арестомъ, за переходъ заповѣдной границы, а потомъ этапнымъ порядкомъ препроводили ихъ въ сосѣдній городъ Царевококшайскъ, Казанской губ.

Попавши въ совсѣмъ неподходящую обстановку уѣзднаго города и не имѣя, гдѣ приклонить голову, сектанты поселились въ лачугѣ на окраинѣ города и кое-какъ перебивались нѣкоторое время. Не находя почти никакого заработка, упросили они мѣстнаго исправника, чтобы онъ позволилъ имъ жить въ дер. *Ошла-мучаки* (№ 2121) ¹⁾ Арванской волости, Царевококшайскаго у.: это было и за предѣлами Яранскаго у., и всего въ какихъ-нибудь пяти верстахъ отъ родной деревушки братьевъ Якмановыхъ. Имъ разрѣшили; но не успѣли они прожить здѣсь и двухъ мѣсяцевъ, изрѣдка видаясь со своими родными, какъ ихъ потребовали въ волостное правленіе. Тамъ ожидалъ ихъ царевококшайскій исправникъ и объявилъ, что имъ слѣдуетъ опять переѣхать въ Царевококшайскъ, такъ какъ яранское духовенство не желаетъ, чтобы они жили такъ близко отъ своей родины. Сектанты вынуждены были окончательно переселиться въ Царевококшайскъ, и уже оттуда никуда больше не отлучались. Только одинъ изъ нихъ пытался было наниматься въ сторожа на мельницу въ дер. *Нужьяль* (№ 2336, на р. Манагѣ) ²⁾, Арванской вол. Прожилъ онъ тутъ недѣли три. Вдругъ ночью пріѣхалъ какъ-то разъ урядникъ изъ Яранскаго у. на мельницу; узнавъ, что здѣсь живетъ бывший ссыльный, онъ постучался къ нему, посмотрѣлъ на него, не говоря ни слова, и уѣхалъ. Скоро изъ Яранска пришла бумага въ Царевококшайскъ; сектанта вернули изъ Нужьяла и водворили вмѣстѣ съ другими.

1) А не *Ошлам Чакша*, какъ пишетъ Мошковъ. №№ приведенныя по „Списку насел. мѣстъ Казанск. губ.“. Спб. 1866.

2) Но не въ селѣ *Кужьяль*, какъ пишетъ Мошковъ.

Съ тѣхъ поръ кугусортинцы окончательно поселились: бывшіе въ ссылкѣ въ Маріинскомъ округѣ—въ Царевokokшайскѣ, а ишимскіе ссыльные—въ ближайшей дер. Вараксинѣ, выписали своихъ женъ, семьи и зажили съ грѣхомъ пополамъ. На родинѣ имъ пришлось продать все за безцѣнокъ, а землю передать обществу безвозмездно и обратиться изъ людей зажиточныхъ въ бобылей; у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора. Братья Якмановы, какъ болѣе зажиточные, завели въ городѣ небольшую баналейную торговлю, но она шла очень плохо, и только въ базарные дни (два раза въ недѣлю) можно было кое-что выручить. Нужда заставила апостоловъ новой вѣры прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ: одинъ сдѣлался стекольщикомъ, другой нанялся въ ночные караульщики, а третій вѣтъ веревки. Братья только въ послѣдніе годы стали выѣзжать на базары въ ближайшія селенія: Шой-булазь, Пуяль, Шапы, Апашево и село Ронгу.

Понемногу сектанты устроились въ Царевokokшайскѣ. И жили бы имъ тутъ совсѣмъ недурно, потому что мѣстное населеніе очень скоро оцѣнило ихъ, какъ людей честныхъ, трезвыхъ и работающихъ, хотя нерѣдко подшучиваетъ надъ ними, называя ихъ „бѣлыми голубями“; но бѣда въ томъ, что вплоть до 1905 г. (да вѣроятно и теперь еще) они нигдѣ не были приписаны, а жили по паспортамъ, получаемымъ изъ Сибири, которые для нихъ ежегодно выписываетъ мѣстный исправникъ.

Одно время сектанты пытались приписаться къ царевokokшайскому мѣщанскому обществу. Все было налажено: городской голова изъявилъ согласіе, мѣщанскій староста тоже, и самъ исправникъ смотрѣлъ на это благосклонно, но... яранское духовенство написало по этому поводу куда слѣдуетъ, и ходатайство сектантовъ было отклонено. Приписка къ ближайшимъ сельскимъ обществамъ также не удалась, потому что сектантамъ надо было отвести земельный надѣлъ, а въ землѣ не всегда встрѣчается избытокъ; кромѣ того нельзя было и думать о припискѣ къ какой-нибудь инородческой деревнѣ, потому что духовное начальство опасалось ихъ вліянія на единоплеменниковъ.

И живутъ сектанты совершенно особнякомъ, рѣдко сообщаясь со своими единоплеменниками; но сношенія все таки бываютъ, хотя руководить постоянно приверженцами своей секты братья Якмановы уже не могутъ; поэтому ихъ мѣсто болѣе или менѣе

давно заступили другіе вожаки: изъ нихъ одинъ живетъ близъ с. *Ермурь*, Яранскаго у., другой—около с. *Сермурь*, Уржумскаго у., третій—около с. *Новый Торъяль*. Но уваженіе къ братьямъ Якмановымъ замѣтно во всей обширной области распространения секты *куу сорта*.

Перейдемъ теперь къ кугусортинскому жертвенному ритуалу.

ГЛАВА IV.

Сектантство въ первые годы существованія. Внѣшнія и внутренія реформы, произведенныя Якмановымъ въ старомъ язычествѣ. Новыя роши (*куурля*); береза и липа—священныя деревья. Истинный востокъ. Устройство жертвеннаго стола. Виды жертвъ; большая свѣча. Распорядитель моленія; его костюмъ. Группировка молящихся по поламъ. Живой огонь и жертвенный костеръ. Молитва въ три приема. Сожиганіе жертвы Божеству. Жертвенная трапеза. Перечень важнѣйшихъ молевій сектактовъ.

Какъ я выше замѣтилъ, первоначально секта отправляла свои богослуженія совершенно открыто. Такъ какъ въ ту пору, съ 1880 г. вплоть до самой Казанской выставки, не было никакихъ преслѣдованій противъ сектантовъ, то они совершали свои моленія въ священныя рощахъ, по внѣшнему виду мало чѣмъ отличающихся отъ тѣхъ языческихъ „божскихъ рощей“ (*Юмон отъ*), гдѣ производились кровавыя жертвоприношенія. Но кугусортинцы тщательно избѣгали старыхъ языческихъ рощей, какъ оскверненныхъ, по ихъ мнѣнію, пролитіемъ жертвенной крови; они выбирали въ лѣсу новыя, „чистыя“ мѣста для своихъ жертвоприношеній, которыя огораживали высокой загородкой съ воротами. Посрединѣ роши устраивалась площадка (если только не находилось таковой въ натурѣ), съ такимъ расчетомъ, чтобы на востоко-юго-восточномъ краю этой площадки, т.-е. въ той сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце большую часть года—а эта сторона, по мнѣнію Якманова, и есть истинный востокъ (черем. *кѣчѣ лѣкманш*)—находилось два дерева: береза (*куэ*) и липа (*нистѣ*). Только эти два дерева кугусортинцы считаютъ священными, способными привлечь Божество во время моленія, но береза ставится выше липы и посвящена самому Великому Богу, а липа—его женѣ.

Такія рощи получили новое названіе—*куэри* *). На моленія народъ собирался (да и теперь собирается, гдѣ это возможно) по звуку барабана, замѣняющаго колокольный звонъ. Передъ священными деревьями устраивается жертвенникъ, укрѣпленный на четырехъ березовыхъ столбахъ, съ частыми перекладинами (числомъ 7 или 9) изъ тонкихъ березокъ, поверхъ которыхъ густо накладываются березовыя вѣтки, а сверху все это накрывается пеньковой бѣлой скатертью. За жертвенникомъ сохранилось старое языческое названіе „престола“ (*шагы*).

На жертвенникъ въ извѣстномъ порядкѣ полагаются два хлѣба—обыкновенный ржаной (*уржа иноѡ*) и овсяный на меду (*шобакшых*), медовая брага (*турѡ*), свѣжая медовая сыта (*шорба*), коровье масло (*шкал ѳ*), творожные сырчики (*туарѡ*), овсяная каша (*немѡр*) и небольшія лепешки изъ ржаной муки (*шорба инде*), заведенной на медовой сытѣ. Средину жертвенника занимаетъ восковой кругъ, въ центрѣ котораго поставлена восковая свѣча; толщина ея и вѣсъ зависятъ отъ усердія молящихся: чѣмъ больше богомольцевъ, тѣмъ болѣе жертвуется воску, и часто средняя „большая свѣча“ даже на моленіяхъ Якманова въ Царевококшайскѣ достигаетъ 1½ пудовъ вѣсу, а въ Уржумскомъ уѣздѣ—до трехъ пудовъ... Кругомъ „большой“ свѣчи звѣздообразно ставятся еще восемь свѣчей меньшаго діаметра; всѣ свѣчи имѣютъ одинаковую длину—9½ вершковъ. Свѣчи ставятся не только отъ мужчинъ, но и отъ имени женщинъ, и черемиски очень цѣнятъ такое равноправіе съ мужчинами.

Всѣми распорядками на такихъ моленіяхъ завѣдуетъ глава сектантовъ въ данной мѣстности и наиболѣе почтенныя лица, избираемая общиной; жреческій персоналъ располагается подлѣ жертвенника, при чемъ у старшаго на головѣ бѣлый холщевый колпакъ, а у остальныхъ—бѣлыя шляпы. Колпакъ этотъ замѣнилъ ту высокую остроконечную шапку, какую черемисскіе жрецы носили въ отдаленное время.

Хотя кугусортинскіе порядки вообще допускаютъ участіе на моленіяхъ женщинъ и имѣющихъ ребенка дѣвицъ, однако онѣ

*) Слово это несомнѣнно происходитъ отъ *куэ*—береза, но со страннымъ суффиксомъ. Кроме *Юмн ѡтѡ* подобныя рощи называются еще у язычниковъ *кѳс ѡтѡ* (отъ *кѳсэ* моленіе)—„молебная роща“.

стоять особнякомъ и не ближе, какъ въ девяти саженьяхъ отъ священныхъ деревьевъ, а мужчины располагаются поближе—въ семи саженьяхъ. Если площадка мала, то указанная разстоянія измѣряются шагами.

На самой срединѣ поляны, между молящимися мужчинами и жертвенникомъ, при помощи живого огня разводится костеръ, непременно изъ березовыхъ дровъ, и начинается моленіе, безъ всякаго предварительнаго гаданія (какъ у язычниковъ) о томъ, угодны ли Богу приносимыя жертвы. Стоя передъ жертвенникомъ и обративъ взоры на священныя деревья, старшій жрецъ начинаетъ молитву „Великому Богу Создателю“—*Кугу ну́йриш Юмълан*—и его женѣ—*Кугу ну́йриш Юмън авалан*. Молитва эта почти ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ молитвъ, читаемыхъ язычниками; но здѣсь слышатся своеобразныя вставки, заключающія въ себѣ моленіе за всѣхъ добрыхъ людей, принесеніе покаянія во грѣхахъ, молитву за Царя и все царское семейство, а также и за русское воинство. Въ послѣдней молитвѣ невольно сказался основатель секты, бывшій гвардеецъ.

Все моленіе распадается на три части; при первой молитвѣ жрецъ и его помощники указываютъ Божеству на приносимыя жертвы; при второй отгоняется Шайтанъ, при чемъ главный жрецъ машетъ саблей, а помощникъ цѣлится на западъ изъ ружья, угрожая враждебному духу; при третьей молитвѣ жрецы приподнимаютъ руками всѣ приносимыя жертвы по направленію къ священнымъ деревьямъ, прося Великаго Бога и его жену благосклонно принять эти жертвы, а затѣмъ становятся предъ жертвенникомъ съ воздѣтыми кверху руками, ладони коихъ приходятся вровень съ головой.

Послѣдняя просьба повторяется трижды; всѣ молящіеся, повторяя вполголоса слова молитвы, складываютъ руки крестообразно на груди и кланяются въ поясъ, какъ-бы молчаливо выжидая благосклоннаго отвѣта Божества, но не падаютъ съ распростертыми руками (крыжемъ) на землю, какъ язычники. Въ этотъ моментъ гусярь начинаетъ брать тихіе, меланхолическіе аккорды на гусяхъ и этимъ, по словамъ кугусортинцевъ, „умягчаетъ душу молящихся“, располагая ихъ къ молитвенному настроенію.

Послѣ этого въ каждомъ жертвенномъ хлѣбѣ мѣднымъ ножомъ вырѣзается изъ середины по кусочку, точно также по кусочку

отдѣляется отъ всѣхъ остальныхъ жертвъ и складывается на чистое, совершенно новое липовое блюдо; въ другое блюдо отливается часть напитковъ. Сопровождаемый всѣми своими помощниками, жрецъ несетъ оба блюда на костеръ и осторожно ставитъ ихъ на самую середину.

Музыка все это время не прекращается. Всѣ молящіеся, сложивъ руки на груди, кланяются въ поясъ, и теперь каждый уже молится про себя, высказывая Великому Богу свои сокровенныя мольбы и желанія.

Когда блюда сгорятъ безъ остатка со всѣмъ содержимымъ, молящіеся поднимаютъ головы и принимаются за жертвенную трапезу; но при этомъ соблюдается строжайшій порядокъ: сначала подходятъ мужчины, потомъ женщины. Тѣ и другія получаютъ въ особую чашку внушительныхъ размѣровъ (*алдыр*) по частицѣ отъ всѣхъ жертвенныхъ яствъ, лежащихъ на престолѣ, а къ этому въ изобиліи добавляется еще изъ запасовъ, принесенныхъ вѣрующими богомольцами.

Главный жрецъ самъ черпаетъ разливательной ложкой освященные напитки—медъ и шорбу, и разливаетъ ихъ по ковшамъ, которые раздаются каждой группѣ богомольцевъ. Тѣ благоговѣнно пробуютъ, а потомъ выливаютъ въ принесенные съ собой бураки съ напитками, какъ бы освящая содержимое послѣднихъ.

Кугусортинскій жертвенный пиръ сильно отличается отъ подобнаго же пиршества остальныхъ черемисъ: здѣсь во всемъ царитъ умѣренность и полный порядокъ, и только немногіе хмелѣютъ отъ крѣпкой медовщины. По окончаніи трапезы, богомольцы расходятся по домамъ, а жрецы остаются въ рощѣ до тѣхъ поръ, пока костеръ не сгоритъ дотла и не погаснетъ послѣдняя искра.

Подобнаго рода многолюдныя моленія совершали кугусортинцы до начала гоненій, равно совершаютъ и теперь, если окажется возможнымъ, нѣсколько разъ въ годъ: а) въ концѣ Петрова поста (*сюрдэм*), б) около Ильина дня—начало жатвы, в) осенью, около половины сентября—конецъ жатвы, d) между Новымъ годомъ и Крещеньемъ (*шорбк йол*), е) около нашей Пасхи (*кугу кечѣ*) f) въ маѣ, передъ началомъ полевыхъ работъ (*ани пайрам*), и всякій разъ на эти моленія собираются сотни приверженцевъ новой вѣры.

ГЛАВА V.

Новые вожаки секты. Кугусортинская мораль; подчинение воле Божией; любовь къ ближнему. Вротеримость. Трудъ—основа благосостоянія. Тяжкіе грѣхи: ложь, обманъ, зависть, убійство. Воздержаніе отъ употребленія въ пищу дикихъ звѣрей и птицъ, свинины и конины. Чистота тѣлесная и бѣлизна костюма. Сохраненіе вышивокъ на костюмѣ.

Послѣ ссылки въ Сибирь основателей секты, кугусортинцы растерялись и нѣкоторое время совсѣмъ не отправляли моленій въ жертвенныхъ рощахъ; эти моленія возобновились только послѣ 1896 года, когда основатели секты вернулись изъ ссылки. Но вскорѣ выяснилось, что за невозможностью проживать въ родныхъ краяхъ, они не могутъ руководить кугусортинцами; тогда во главѣ секты встали три черемисина, люди довольно зажиточные, безусловно трезвые и весьма почитаемые во всей округѣ. Глава яранскихъ кугусортинцевъ проживаетъ близъ с. *Ермурь*, двое уржумскихъ—близъ с. *Сермура* и с. *Новаю Торьяла*.

Я познакомился довольно коротко съ однимъ изъ нихъ два года тому назадъ и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Представьте себѣ человѣка лѣтъ за 40, роста—выше средняго, съ выразительнымъ худощавымъ лицомъ и темнокакими горящими глазами. Крайне сдержанный, осторожный въ выраженіяхъ, Ермолай Елифановъ откровенно сознается, что онъ примкнулъ къ кугусортинцамъ только потому, что вѣра ихъ очень проста и требуетъ отъ человѣка прежде всего воздержанія, а въ христіанствѣ онъ мало свѣдуецъ и отъ духовенства ничего хорошаго не видалъ. Его уже привлекали къ отвѣту за кощунство надъ Божіей Матерью и за попытку принести въ жертву человѣка; но такъ какъ обвиненіе это было чудовищно нелѣпо, то онъ легко оправдался. Изъ бесѣды съ нимъ я и выяснилъ себѣ основныя черты новой вѣры.

Кромѣ того двое надежныхъ лицъ изъ инородцевъ (учителя) по моему порученію посѣтили сектантовъ, проживающихъ въ Вараксинѣ, и братьевъ Якмановыхъ въ Царевкокшайскѣ, которыхъ опросили по особой, выработанной мною программѣ.

Всего больше и точнѣе разработана у кугусортинцевъ внѣшняя сторона новаго культа; этическая сторона выработана также удовлетворительно и по сравненію съ языческою этикою предъ-

ставляетъ значительный шагъ впередъ. Въ то время какъ всѣ правила старой языческой морали построены главнымъ образомъ на утилитаризмѣ, кугусортинцы фундаментомъ для себя ставятъ любовь къ человѣчеству и полное подчиненіе волѣ Верховнаго Бога, который самъ по себѣ есть совершенство. Найти внутреннюю связь между отдѣльными требованіями этой морали сектанты не могутъ, но гдѣ это возможно, они указываютъ на ихъ логическую связь между собою.

На первомъ планѣ у нашихъ сектантовъ стоитъ полная вѣротерпимость: всѣ вѣры, которыхъ счетомъ 77, равны между собой; всѣ люди братья, и если кому нужно помочь, они не спрашиваютъ, какой вѣры нуждающійся. Кугусортинцы не чуждаются общенія съ кѣмъ бы то ни было и даже ѣдятъ съ инновѣрцами изъ одной посуды, не видя въ этомъ оскверненія. Честный трудъ, упорный и постоянный, считаютъ они единственною основой матеріальнаго благополучія.

Ложь и обманъ—самыя большіе грѣхи. Въ этомъ отношеніи кугусортинцы стоятъ такъ высоко, что слову ихъ можно вполне довѣряться. Чужого не слѣдуетъ не только отнимать, не только брать тайно или добывать путемъ обмана, но даже и желать зазорно.

Убить человѣка—большой грѣхъ; точно также безъ крайней надобности не слѣдуетъ убивать домашнихъ животныхъ, звѣрей и птицъ, потому что нельзя вернуть имъ жизни, которая у нихъ отнимается. Тѣмъ не менѣе, уступая слабости человѣческой, кугусортинцы допускаютъ употребленіе въ пищу мяса коровъ и овецъ, куръ, гусей, утокъ; ѣдятъ и куриныя яйца: „потому“, говорятъ кугусортинцы, что мы сами разводимъ и выкармливаемъ ихъ“.

Рыбу они употребляютъ въ пищу, считая это на половину грѣхомъ, и почему-то убѣждены, что предки ихъ не употребляли рыбы. Всякаго рода дикихъ звѣрей и птицъ (медвѣдей, зайцевъ, бѣлокъ; тетеревей, рябчиковъ, дикихъ гусей и утокъ) въ пищу они не употребляютъ: „потому что это—звѣри и птицы вольные, не человѣкомъ выкормленные; а надъ чѣмъ мы не трудились, тѣмъ грѣшно и пользоваться“.

Изъ домашнихъ животныхъ кугусортинцы совсѣмъ перестали разводить свиней и не употребляютъ въ пищу ихъ мяса: „такъ какъ свинья—животное грязное, ѣсть всякую нечистоту и даже

падалъ“. Точно также они не употребляютъ въ пищу конину. Помимо этого нужно быть вообще умѣреннымъ и не позволять себѣ излишествъ ни въ питьѣ, ни въ ѣдѣ, а наканунѣ моленія воздерживаться даже отъ супружескихъ сношеній.

Чистота физическая у кугусортинцевъ играетъ довольно важную роль. Предъ моленіемъ нужно вымыться въ банѣ, надѣть чистое бѣлье и платье. Правда, такое же требованіе существуетъ и у остальныхъ черемисъ, но оно не проводится въ повседневной жизни, а у сектантовъ чистота и опрятность постоянно наблюдаются во всемъ домашнемъ обиходѣ. Многіе даже стараются выбѣлить внутренность своихъ избъ. Платье сектантовъ исключительно бѣлаго цвѣта, не въ подражаніе березѣ, какъ говорятъ остальные черемисы, но „потому, говорятъ кугусортинцы, что мы молимся свѣтлому Божеству, а не мрачному злему духу“. Бѣлизна одежды проведена у нихъ очень строго: не только рубахи и кафтаны, шляпы, валенки и онучи, но даже полушубки у нихъ не дубленые, а бѣлые, и зимой по этому бѣлому костюму кугусортинца легко отличить въ массѣ остальныхъ черемисъ. Фабричныхъ издѣлій они не носятъ: „потому что намъ неизвѣстно, изъ чего они сдѣланы, кромѣ того предки наши избѣгали фабричныхъ издѣлій“. Единственное въ этомъ родѣ исключеніе сдѣлано для вышивокъ всякаго рода на мужскихъ и женскихъ сорочкахъ и кафтанахъ, которыя кугусортинцы не только употребляютъ, но даже примѣняютъ для нихъ покупной шелкъ и цвѣтную бумагу, особенно для женскихъ головныхъ уборовъ, не ограничиваясь для этого цвѣтною шерстью домашняго производства.

Обратимся теперь къ критикѣ кугусортинскаго вѣроученія, безпристрастной, насколько это возможно.

ГЛАВА VI.

Критика кугусортинскаго вѣроученія. Вліяніе христіанства и древнеязыческаго преданія. Параллель Якманова съ Александромъ Тамшинерскимъ. Новшества Якманова. Покаяніе во грѣхахъ. Новый видъ жертвъ. Новости жертвенной обстановки: восковой кругъ, большая свѣча, липовый и березовый столы, деревянныя ружье и сабля, хлѣбъ и лепешки на медовой сытъ, мѣдный ножъ. Якмановъ дѣйствуетъ безъ откровенія свыше. Древнее язычество не знало ничего подобнаго. Элементъ выдумки въ новой вѣрѣ. Дѣтская аргументація новшествъ.

Отсутствіе сектантской пропаганды. Обычныя признаки появленія секты. Мѣстныя условія. Ошибка властей въ способахъ борьбы съ сектой. Натяжки въ этомъ дѣлѣ. Несправедливая ссылка сектантовъ. Неувѣрный взглядъ на секту, какъ на особый видъ религіозно-политическаго сепаратизма. Последняя попытка еп. Никона уничтожить секту. Обращеніе его къ казанскому архіеп. Дмитрію. Новое изслѣдованіе сектантства. Благопріятный отзывъ г. *Коблова*. Божье ранній отзывъ г. *Мошкова*.

Обзоръ этической стороны новой вѣры убѣждаетъ насъ какъ нельзя лучше, что вѣроученіе кугусортинцевъ въ значительной мѣрѣ, но не исключительно, сложилось подъ вліяніемъ христіанства. Хотя Якмановъ говоритъ, что онъ только возстановилъ вѣру старыхъ черемисъ, т.-е. настоящихъ *чи марі*— „истинныхъ марі“, но это несовсѣмъ вѣрно. Онъ привнесъ въ свою вѣру много такого, чего совсѣмъ не знаютъ черемисы язычники, придерживающіеся стараго порядка кровавыхъ жертвоприношеній; а сторонники послѣднихъ точно также настаиваютъ на томъ, что они соблюдаютъ древнія преданія и жертвенныя приемы. Въ этомъ отношеніи попытки Александра Тамшинерскаго реставрировать черемисское язычество въ его древнемъ обликѣ имѣютъ подъ собой далеко болѣе твердую почву: онъ ничего не придумалъ, а только возстановилъ то, что вышло изъ обрядоваго употребленія, но еще сохранилось въ той или иной формѣ въ народной памяти. Оттого такъ быстро сказалось вліяніе Александра, и произведенное имъ возобновленіе старины можно видѣть на всей черемисской терригоріи въ болѣе или меньшей степени однообразія.

Иначе обстоитъ дѣло у Якманова. У Якманова такъ много новаго и въ понятіи о Божествѣ, и въ ритуалѣ, и въ жертвенной обстановкѣ, что невольно напрашивается вопросъ: откуда онъ взялъ это? Если мы допустимъ, что въ кугусортинскомъ ученіи о Великомъ

единомъ Богѣ возродилось древнее вѣрованіе въ единого Бога, утраченное человѣчествомъ на зарѣ своего бытія, какъ учать насъ христіанскіе богословы, то по отношенію къ Якманову такое духовное возрожденіе прямо невысказуемо. Остается, за отсутствіемъ иныхъ источниковъ, допустить заимствованіе изъ христіанства; отсюда же взято и пониманіе Божества, какъ Существа всемогущаго, безконечно добраго.

Кугусортинскій религіозный обрядъ есть видоизмѣненное сокращеніе обычнаго ритуала кровавыхъ жертвоприношеній. Изъ массы отдѣльныхъ молитвъ, обращенныхъ къ сонму специальныхъ божествъ, основатели секты составили одну, объемяющую всѣ нужды черемисъ, духовныя и матеріальныя; эту молитву адресуютъ они Великому Богу-создателю и его женѣ въ три приема, какъ и прочіе язычники. Но въ средней (второй) молитвѣ есть вставка, представляющая покаяніе молящихся во грѣхахъ, и особая вставка о Царѣ, его воинствѣ и о всѣхъ добрыхъ людяхъ. Эти вставки навѣяны уже христіанствомъ, потому что древнее язычество не знало покаянія во грѣхахъ, не знало и молитвъ за всѣхъ добрыхъ людей. Заимствованіе тутъ—вѣтъ всякаго сомнѣнія.

Другое дѣло—новый видъ жертвъ и особый колоритъ всей жертвенной обстановки: все это явилось внезапно и было невѣдомо черемисской массѣ. Правда, теперешній ближайшій сотрудникъ Якманова—Иванъ Ивановъ, говоритъ, что кугусортинская вѣра существуетъ уже пятое поколѣніе, т.-е. свыше 100 лѣтъ, но это едва ли справедливо, потому что всѣ остальные сектанты, даже самъ Якмановъ, молчатъ объ этомъ фактѣ, а онъ не могъ бы остаться незамѣченнымъ со стороны черемисъ. Я могу только допустить, что слишкомъ сто лѣтъ назадъ, подъ вліяніемъ христіанской проповѣди, могло зародиться въ Яранскомъ уѣздѣ. на мѣстѣ возникновенія секты и среди самихъ черемисъ, мнѣніе о бесполезности кровавыхъ жертвъ, но не больше. Если бы кугусортинская вѣра существовала такъ давно, то жертвенные ея порядки не поражали бы черемисъ на первыхъ порахъ; но извѣстно, что вначалѣ черемисы потѣшались надъ новоявленной „старой вѣрой“, въ которой все казалось имъ необычно и дико, и вниманіе ихъ остановилось только на громадныхъ размѣровъ восковой свѣчѣ, почему новая вѣра получила отъ нихъ въ насмѣшку названіе „большой свѣчи“ (*кугу сорта*), которое такъ и

осталось за ней, вмѣсто даннаго Якмановымъ названія „древне-черемисско-языческой вѣры“ (*тѣшитѣ чи марѣ верѣ*).

Для рядовыхъ черемисъ однако не все было ново въ кугусортинской вѣрѣ, что касалось внѣшней обстановки моленій: они знали и сами добывали живой огонь, употребляли восковыя свѣчи; ленгежи (бураки), разливательная ложка, ковши, гусли—все это хорошо было имъ знакомо. Но они съ изумленіемъ смотрѣли на восковой кругъ внушительныхъ размѣровъ, на липовый и березовый столы, на деревянное ружье и саблю; не столько возбуждалъ ихъ вниманіе овсяный хлѣбъ на медовой сытѣ, сколько мѣдный ножъ. До сихъ поръ никто изъ посѣщавшихъ Якманова не догадался спросить, откуда взялъ онъ все это? Сторонники кровавыхъ жертвъ отгоняютъ Шайтана по древнему способу—головешкой и ударами ножа по топору; основатели секты ввели ружье и саблю, но деревянные, а не металлическія, потому что изгнали все металлическое изъ жертвеннаго обихода. Но такъ какъ деревяннымъ ножомъ хлѣба отрѣзать нельзя, то введенъ мѣдный. Несомнѣнно, что въ глубокой древности черемисы знали мѣдъ и бронзу, какъ единственный металлъ, а еще раньше знали кремень, какъ рѣзущее орудіе, но память черемисская не могла объ этомъ сохранить воспоминанія. Повидимому, на примѣненіе мѣди натолкнула основателей случайная находка на поляхъ мѣднаго или бронзоваго ножа, а такія находки въ предѣлахъ Яранскаго и Уржумскаго уѣздовъ не составляютъ рѣдкости.

Возстановляя саблю и ружье, какъ якобы принадлежность древняго культа черемисъ, Якмановъ не могъ взять ихъ изъ народныхъ преданій, потому что таковыхъ нѣтъ; черемисы помнятъ только копье (*у́мѣѣ*), мечъ (*кѣрдѣ*) да лукъ (*ѣомѣж*) со стрѣлами (*тикш*), а съ ружьемъ (*пушл*) познакомились они уже въ эпоху русскаго владычества, когда увидали „пищали“. Допустимъ, что „древніе черемисы“ знали ружье, употребляли его. При чемъ же тутъ холщевая обшивка, которая примѣнена даже къ саблѣ? Развѣ, благодаря холсту, ружье и сабля дѣлаются болѣе страшными для Шайтана? Или, быть можетъ, Шайтанъ не догадается, что ему грозятъ не настоящимъ ружьемъ и саблей, коль скоро они обшиты холстомъ? Все это до крайности забавно и ни на какомъ преданіи не основано. Но Якмановъ не опирается въ данномъ случаѣ и на откровеніе свыше, которое истинно вѣрующимъ чере-

мисамъ Божество дѣлаетъ иногда во время сна. Такъ было съ Александромъ Тамшинерскимъ, видѣвшимъ во снѣ Великаго Юму въ благолѣпномъ бѣломъ одѣяніи и съ серебрянымъ посохомъ въ рукахъ. Якмановъ не дѣлаетъ ссылки на подобное откровеніе, а говоритъ только, что все введенное имъ въ ритуаль и жертвенную обстановку сектанты заимствовали „отъ отцовъ своихъ“.

Такое утвержденіе несправедливо. Среди огромной массы сторонниковъ кровавыхъ жертвъ очень много черемисъ, глубоко и искренно вѣрующихъ, бережно сохраняющихъ всѣ остатки старины, и однако они ни о чемъ подобномъ не слышали отъ своихъ отцовъ. Замѣчательно, что эти послѣдніе мирятся со многимъ въ новой вѣрѣ, но имъ смѣшны кажутся обшитые холстомъ сабля, ружье и мѣдный ножъ, непонятно устраненіе кровавыхъ жертвъ и слишкомъ строгимъ представляется воздержаніе отъ табаку, чаю и особенно—водки. Общаго характера кугусортинской вѣры сторонники кровавыхъ жертвъ однако не осуждаютъ и не интригуютъ противъ сектантовъ, а только иногда вышучиваютъ отмѣченные новшества, которыя, по ихъ мнѣнію, *выдуманы* основателями секты, но не восстановлены на основаніи древнихъ преданій, а тѣмъ болѣе—откровенія.

Эта сторона кугусортинской вѣры, именно—элементъ изобрѣтательности, выдумки, не основанной на древне-языческихъ преданіяхъ, не опирающейся (хотя бы изъ приличія) на откровенія, составляетъ самое слабое ея мѣсто. Это—ни больше, ни меньше, какъ обманъ, то, что въ старомъ католичествѣ носитъ названіе *pia fraus*—благочестивый обманъ. Этотъ невинный по существу своему обманъ обычно прикрывается у сектантовъ ссылкой „на отцовъ нашихъ“, отъ которыхъ они его унаслѣдовали. И ссылка эта дѣлается столь благодушно, съ такимъ невиннымъ видомъ, что обезоруживаетъ бесѣдующаго съ кугусортинцами, и тотъ поневолѣ мирится съ подобнымъ, чисто дѣтскимъ доводомъ. Однако вѣд сомнѣнія, что нельзя унаслѣдовать того, чего наслѣдатель не оставилъ послѣ себя; ссылка сектантовъ на „предковъ“, на „отцовъ“ не выдерживаетъ, стало быть, ни малѣйшей критики.

Но такъ какъ народная масса, особенно женщины, неспособны углубляться въ эти подробности, то пренія о вѣрѣ среди черемисъ представляютъ рѣдчайшее явленіе. Даже стоящіе во главѣ язычества жрецы не всегда вдумываются во всѣ подробности но-

вой вѣры, и только изъ бесѣды съ постороннимъ лицомъ начинать уяснять себѣ суть дѣла.

Характерная особенность новой вѣры—отсутствіе пропаганды. Сектанты никого не убѣждаютъ, никого не увлекаютъ, однако число кугусортинцевъ замѣтно растетъ. Духовенство съ нѣкоторымъ чувствомъ растерянности замѣчаетъ въ своемъ приходѣ появленіе секты. Никакихъ грозныхъ признаковъ нѣтъ, ничто не указываетъ на появленіе въ народѣ волненій, но въ воздухѣ прихода чувствуется что-то новое, а это и страшно... Духовенство недоумѣваетъ: среди прихода тамъ и сямъ замѣчаются тихіе разговоры, поведеніе населенія въ праздничное время становится благопристойнѣе, всѣ начинаютъ выглядѣть опрятнѣе, но что всего непонятнѣе—прекращается пьянство, а съ нимъ исчезаетъ и многоэтажная ругань. Какъ-будто что-то неладно...

Я былъ въ гостяхъ у одного батюшки, зашелъ къ нему послѣ обѣдни выпить чаю. На большой базарной площади, прямо противъ дома священника, собрались двѣ группы черемисъ: трое или четверо одѣты во все бѣлое, а около—цѣлая толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, среди которыхъ черныя сапоги и черныя картузы рѣзко выдѣлялись на фонѣ бѣлыхъ рубашекъ. Обѣ группы оживленно бесѣдовали, и видимо—внимательно прислушивались другъ къ другу. Смотрю я въ окно и говорю:

— „А у васъ, о. Петръ, кажется въ селѣ появились ужъ кугусортинцы?“

— Какъ, гдѣ, когда? Что вы говорите? Ради Бога!.. Да можетъ ли быть?

Батюшка порывисто вскочилъ со стула и началъ бѣгать по залу. Одна вѣроятность появленія секты въ самомъ селѣ приволила его въ крайнее волненіе.

А волненіе это будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе мѣстныя условія. Неопровержимый фактъ, что секта растетъ, налицо. Предписаніе за предписаніемъ летитъ къ сельскому духовенству. Прежде оно знало, что нужно бороться съ язычествомъ, выразившимся въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Это—врагъ христіанства старый, въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе знакомый, хотя—по совѣсти—знакомый довольно плохо. А кугу сорта? Что такое эта секта? Чего она хочетъ? Во что и какъ вѣруетъ? Почему черемисы ей симпатизируютъ?

И сельскіе батюшки съ ужасомъ видятъ, что имъ приходится теперь быть во всеоружіи на два фронта, при чемъ съ одной стороны грозитъ имъ врагъ совершенно новыи, совсѣмъ невѣдомый. Какъ съ нимъ бороться, съ чего начинать? Съ чего?

Въ этомъ-то именно весь вопросъ! Нуженъ исходный пунктъ, нужна опора въ борьбѣ съ новымъ ученіемъ. Но высшее духовное и свѣтское начальство испортило дѣло на самыхъ первыхъ порахъ. Когда основатели нимаго не таились, совершали свои моленія вполнѣ открыто, ученіемъ сектантовъ по существу *никто* не заинтересовался. Первоначальное обвиненіе противъ кугусортинецъ возникло по жалобѣ мѣстнаго духовенства на неплатежъ руги. Крупная ошибка властей заключается въ томъ, что онѣ захотѣли похерить секту административнымъ путемъ, безъ гласнаго суда. Нужны были вопіющія натяжки, чтобы могла состояться административная высылка основателей секты. Гласное разбирательство выяснило бы сущность ученія сектантовъ, его возвышенный характеръ и полную безвредность секты въ общественномъ смыслѣ. Но несомнѣнно также, что сектантовъ оправдали бы, и самое большее—присудили бы крещенныхъ къ церковному покаянію. Властямъ же хотѣлось вырвать секту съ корнемъ, почему вожаки были обвинены „въ основаніи новой вѣры, отличающейся противообщественнымъ характеромъ, крайне вредной какъ для христіанства, такъ и въ государственномъ отношеніи“. Таково было опредѣленіе Вятскаго губернскаго присутствія, на основаніи коего сектанты вырваны изъ родной среды и отправлены въ ссылку.

Точка зрѣнія на секту, какъ ученіе крайне зловредное, стремящееся вырвать черемисъ изъ-подъ русской опеки и обособить въ отдѣльное политическое цѣлое, съ особымъ языкомъ, вѣрой и обычаями, сложилась у вятской епархіальной власти вскорѣ послѣ Казанской выставки—въ 1891 г., сложилась безъ всякихъ фактовъ, на почвѣ чисто канцелярской реторики. Все время секта разсматривалась съ этой точки зрѣнія, т.-е. совершенно неправильно, и это искусственное освѣщеніе вредило ея изученію. Сектантъ-кугусортинецъ еще донинѣ рисуется въ глазахъ властей, какъ политическій сепаратистъ, пожалуй—какъ социалистъ на почвѣ вѣры. Самое ученіе сектантовъ игнорировалось, а вмѣсто изученія новой вѣры производилось только полицейское наблюденіе.

Епископъ вятскій *Никонъ*, столь трагически погибшій позднѣе въ санѣ экзарха Грузіи, держался, какъ и его предшественникъ, еп. *Алексій*, такого именно воззрѣнія на секту. Послѣ объѣзда Вятской епархіи въ 1904 г., о которомъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ, собираясь покинуть вятскую паству, преосвященный Никонъ казался очень озабоченъ ростомъ новой черемисской вѣры; его крайне беспокоило, что основатели секты—братья Якмановы—живутъ такъ близко отъ предѣловъ Вятской епархіи и отъ своей родины. Ему хотѣлось если не уничтожить совсѣмъ это гнѣздо, то по крайней мѣрѣ сдѣлать безвреднымъ.

Съ этой цѣлью 9 ноября 1904 г. за № 6671 обратился онъ къ *Димитрію*, архіепископу казанскому, съ отношеніемъ на счетъ секты кугу сорта, вредной въ религіозномъ и общественномъ смыслѣ.

„Вятскимъ епархіальнымъ начальствомъ, пишетъ онъ, въ 1891 г. и Вятскимъ губернскимъ присутствіемъ въ 1893 г. черемисская секта кугу-сорта названа противообщественною и, какъ таковая, признана вредною по ея явной цѣли отреченія отъ христіанства (.) въ видахъ разъединенія черемисъ отъ русскихъ и возвращенія ихъ къ какой-то древней до-христіанской жизни, съ удержаніемъ черемисскаго языка, особенностей быта и обычаевъ. Кугусортинцы, по возвращеніи изъ Сибири, поселившись недалеко отъ своей родины (.) одни въ г. Царевококшайскѣ, а другіе въ деревнѣ Вараксинѣ (.) возобновили сношенія съ ихъ родственниками и другими черемисами ближайшихъ къ нимъ приходовъ Вятской губ. Вслѣдствіе этого секта кугу-сорта, заглохшая было послѣ выселенія ея главныхъ приверженцевъ въ Сибирь, снова стала оживать и вредно вліять на православныхъ черемисъ Вятской епархіи“.

Такимъ образомъ, по смыслу этого отношенія, главные виновники оживленія секты въ Вятской епархіи суть кугусортинцы, проживающіе въ г. Царевококшайскѣ и въ дер. Вараксинѣ. Усматривая очагъ заразы за предѣлами своей епархіи, преосвященный Никонъ просилъ архіепископа Димитрія „оказать содѣйствіе къ ослабленію и искорененію секты кугу-сорта, главнымъ образомъ чрезъ вразумленіе руководителей и пропагандистовъ ея, проживающихъ въ предѣлахъ Казанской епархіи“.

Хотя епископъ Никонъ крѣпко ошибался, отрицая существованіе въ предѣлахъ Вятской епархіи вожаковъ секты (которыхъ

тамъ трое) и видя очагъ заразы въ чужой епархіи, но покойный архіеп. Димитрій исполнилъ его желаніе, и уже 16 ноября поручилъ епархіальному катехизатору Я. Коблову произвести наблюдение и дать свой отзывъ о сектѣ кугу сорта; результатомъ этого наблюдения явился трудъ *Коблова* „Черемисская секта кугу-сорта. Этнографическій очеркъ изъ жизни черемисъ“¹⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ ученіи сектантовъ не оказалось ничего опаснаго для государства, не добыто также доказательствъ о пропагандѣ новой вѣры среди черемисъ; напротивъ, г. Кобловъ констатируетъ „общительность, добродушіе и простоту“ сектантовъ, а эти качества ихъ „говорятъ за то, что ихъ нельзя признать людьми противообщественными, вредными, завлекающими въ сѣть своего лжеученія многихъ другихъ“ (стр. 22). „Въ кугусортинцахъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: я думалъ встрѣтить рьяныхъ фанатиковъ, подозрительныхъ и злыхъ, на подобіе отступниковъ отъ христіанства изъ крещеныхъ татаръ. А въ дѣйствительности это—привѣтливые люди, которые при первомъ же своемъ знакомствѣ раскрыли всю свою душу, рассказали подробно о своихъ вѣрованіяхъ и о своихъ злоключеніяхъ въ далекой Сибири. Никакого подозрѣнія они къ себѣ не внушаютъ. Настолько они наивны, просты и добродушны въ своихъ разказахъ, по своему отношенію къ людямъ и по своей довѣрчивости“ (стр. 20).

Столь же лестный отзывъ даетъ о кугусортинцахъ г. *Мошковъ* посѣтившій ихъ въ 1901 г.²⁾ „Въ общемъ кугусортинцы произвели на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе своей незлобивостью и простодушіемъ. Лицъ, изъ-за которыхъ имъ пришлось пострадать, ни одинъ изъ нихъ ни разу не побранилъ, а о несчастіяхъ своихъ они рассказывали такъ, какъ-будто виновниками ихъ были не люди, а какія-то непреодолимыя силы природы, вродѣ пожара, наводненія или землетрясенія“.

„Что касается, говоритъ онъ далѣе: высокой нравственности царевококшайскихъ кугусортинцевъ, то оспаривать ее нѣтъ никакого

¹⁾Напечатанъ въ „Правосл. Собесѣдникѣ“ 1905 г. и отдѣльно (Казань 1905. 25 стр. 8°). Отсюда мы заимствуемъ текстъ отношенія см. Никона къ архіеп. Димитрію.

²⁾ *Книжки Нивы* за 1901 г., май. Стр. 101—102.

основанія... Можно думать, что этой нравственной чистотѣ вожаков секты нужно приписать и успѣхъ ея среди темной черемисской массы въ Яранскомъ уѣздѣ“.

Итакъ, кугусортинской пропаганды не существуетъ, сами сектанты—благодушные люди, вполне примиряющіеся съ существующимъ государственнымъ строемъ, ведущіе жизнь, полную строгаго воздержанія, глубоко вѣрующіе, никого въ сѣти своего ученія не завлекающіе.

Но секта растетъ; стало быть, есть же въ ней нѣчто такое, что влечетъ къ ней черемисъ и безъ пропаганды...

ГЛАВА VII.

Причины успѣшнаго распространенія секты, не ведущей пропаганды: 1) дороговизна кровавыхъ жертвъ; 2) дешевизна частыхъ моленій сектантовъ; 3) участіе женщины въ моленіяхъ и ея вліяніе на прозелитизмъ; 4) частое поминаеніе умершихъ; 5) устраненіе Керемета; 6) ореоль, окружающій основателя секты. Образъ жизни и поведеніе сектантовъ. Внѣшній обликъ сектанта. Распространеніе секты въ послѣднее время. Бесѣды сектантовъ со сторонниками кровавыхъ жертвъ. Поведеніе прозелитовъ секты.

Въ чемъ же кроется привлекательность этой секты для черемисъ, до того сильная, что они подчиняются довольно суровымъ требованіямъ кугусортинской морали и порываютъ связь съ язычествомъ многобожія и кровавыхъ жертвъ?

Причинъ подобнаго явленія нѣсколько, и изъ нихъ самая главная—чисто *экономическая*: старое язычество очень убыточно для религіознаго черемисина. Жертва должна покупаться безъ торга, высокою цѣной, которая распредѣляется между всѣми молящимися поровну; кромѣ того каждый долженъ доставить (по разверсткѣ) муки, крупы, меду, солоду и кумышки; самыя жертвоприношенія въ рощахъ затруднительны и дороги, благодаря тому, что многіе урядники и стражники уже давно сдѣлали себѣ изъ нихъ доходную статью, облагая каждый жертвенный костеръ „акцизомъ“ (какъ они называютъ) по 3 руб. При этихъ условіяхъ многолюдныя моленія могутъ совершаться лишь въ рѣдкихъ, особо благоприятныхъ случаяхъ, и такимъ образомъ религіозное чувство черемисъ не имѣетъ для себя надлежащаго выхода, тѣмъ

болѣе, что въ большинствѣ храмовъ въ черемисскихъ приходахъ богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ, непонятномъ даже для русскихъ.

Между тѣмъ у кугусортинцевъ моленія совершаются каждую пятницу и стоятъ очень дешево, сравнительно съ кровавыми жертвоприношеніями. Если средства бѣднаго кугусортинца не позволяютъ ему принести посильную жертву въ видѣ масла, браги, воска и зернового хлѣба, онъ можетъ это отложить до будущаго и невозбранно молиться вмѣстѣ съ другими, равно и вкушать отъ жертвенной трапезы, что невозможно у язычествующихъ.

Вторая причина—участіе черемисской женщины въ дѣлѣ вѣры: вмѣстѣ съ другими черемисками она—полноправный членъ новой религіозной общины. Вѣчно заваленная работой, черемиска прежде даже молиться въ роцѣ не могла вмѣстѣ съ мужчинами и обыкновенно только стояла подлѣ ограды священной рощи; исключеніе дѣлалось для бездѣтныхъ, приходящихъ для жертвоприношенія Великой богини дѣтороженія—*Kuru šóčijyn avá*. Теперь она невозбранно является на моленіе. Кромѣ того она знаетъ, что мужъ ея теперь не будетъ пьянствовать, не будетъ колотить ея и дѣтей; знаетъ, что онъ долженъ быть постоянно въ работѣ, какъ того требуетъ новая вѣра. При этихъ условіяхъ легче идетъ воспитаніе дѣтей и въ домѣ рѣже сказывается острая нужда. Не входя въ разныя тонкости новой вѣры, черемиска всего выше цѣнитъ то, что ея мужъ не будетъ разоряться на монополюку, не будетъ вносить крупной иногда доли на кровавыя жертвы. И нѣтъ у кугусортинцевъ никого усердиѣ женщинъ!.. Обращеніе семьи въ новую вѣру всегда почти начинается съ женщины; домохозяйинъ примыкаетъ часто послѣднимъ, потому что ему трудно разстаться съ водкой, табакомъ, чаемъ... Самый приѣмъ въ секту совершается послѣ того, какъ прозелитъ докажетъ силу своей воли продолжительнымъ воздержаніемъ, даящимся не менѣе года.

Третья причина: частое поминовеніе умершихъ—каждую пятницу. Для воспитаннаго на культѣ предковъ черемисина это—столь великое дѣло, что мы даже не въ состояніи оцѣнить этого. У остальныхъ черемисъ поминки вызываютъ большой расходъ и много хлопотъ, а у сектантовъ все такъ просто и неубыточно... Правда, сектанты не угощаютъ покойниковъ, не просятъ ихъ попить, поѣсть, поплясать на поминкахъ, но за то молятъ Вели-

каго Бога, чтобы онъ далъ имъ возможность быть въ черемисскомъ раю—„ходить при солнечномъ свѣтѣ“, а главное—чтобы простилъ ихъ земные грѣхи, которые мѣшаютъ имъ удостоиться этого высокаго счастья. И этого для массы довольно: она видитъ и слышитъ, что предки кугусортинцевъ вполне довольны своимъ видомъ поминокъ, не пристають къ живымъ съ разными требованіями и не жалуются на плохое жатье въ загробномъ мірѣ.

Изъ остальныхъ причинъ можно указать на ту, что Кереметь, къ общему удивленію черемисъ, не трогаетъ кугусортинцевъ, хотя они ничѣмъ его не ублажаютъ, мало того—не признають его за грозную силу. И тѣмъ не менѣе Кереметь оставляетъ ихъ въ покоѣ, потому что они въ него *не стращаютъ*.

Чтобы взвѣсать значеніе этого факта, по достоинству оцѣнить его, нужно знать черемисскую дѣйствительность. Относя всякія бѣдствія, неудачи на счетъ Керемети, черемисинъ видитъ роковое вліяніе его во всемъ, что выражается въ видѣ разныхъ недочетовъ въ его хозяйствѣ, въ семейныхъ раздорахъ, въ упорныхъ болѣзняхъ и даже въ крайне угнетенномъ состояніи духа, оканчивающемся мрачной меланхоліей; натуры активныя кончаютъ подъ вліяніемъ меланхоліи самоубійствомъ, болѣе слабыя—медленно угасаютъ. Это—совершенно особый видъ тяжкаго нервнаго страданія, вызваннаго житейскими неудачами, которое старые врачи (30-хъ и 40-хъ годовъ минувшаго столѣтія) назвали *кереметкой*. Такое страданіе они замѣчали также у вотяковъ и чувашъ, и по этому вопросу имѣется даже небольшая литература. У кугусортинцевъ нѣтъ ничего подобнаго, и это невольно обращаетъ на себя вниманіе черемисъ.

Наконецъ, прибавьте къ этому тотъ ореолъ, который окружаетъ основателей секты, перенесшихъ ссылку въ Сибирь, подвергавшихся столькимъ гоненіямъ и донинѣ состоящихъ подъ неуспыннымъ надзоромъ, но твердо держащихся своей вѣры... Одно это производитъ на черемисъ сильное обаяніе, не говоря о благолѣпіи сектантскаго богослуженія, совершаемаго при яркомъ освѣщеніи и съ болѣющимъ соблюденіемъ порядка, чѣмъ обычныя языческія моленія.

Вліяніе на массу всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ настолько сильно, что кугусортинцамъ совсѣмъ нѣтъ нужды заниматься пропагандой своего ученія. Самое большее, что они только от-

вѣчаютъ на задаваемые имъ вопросы, но состязательныхъ бесѣдъ и споровъ, уговариваній или чего-нибудь подобнаго они никогда не примѣняютъ. Ежедневный образъ ихъ жизни и поведенія и, какъ результатъ этого—подъемъ благосостоянія—всею лучше убѣждаютъ окружающихъ. Большинство черемисъ сознаетъ, что главною причиною благосостоянія сектантовъ и ихъ благодушія, ихъ нравственнаго обаянія служить не столько обрядовая внѣшность, сколько то, что они ведутъ очень воздержную, близкую къ подвижничеству жизнь, избѣгаютъ праздности и всегда заняты трудомъ; и только меньшинство черемисъ все благополучіе сектантовъ объясняетъ тѣмъ, что Кереметь ихъ не трогаетъ.

Вышеуказанныя обстоятельства столь сильно дѣйствуютъ на массу, что секта распространяется во всѣ стороны, хотя и не быстро, но вѣрно. Еще въ 1904 г. въ с. Новомъ Торъялѣ было всего нѣсколько десятковъ семей кугусортинцевъ, а около с. Сернура секта имѣла приверженцевъ въ одномъ только небольшомъ починокѣ; минувшимъ лѣтомъ близъ Сернура образовалась уже цѣлая община, каждую пятницу отправляющая моленія, а около с. Новаго Торъяла ихъ нѣсколько. Ничего бросающагося въ глаза, ничего вызывающаго нѣтъ въ поведеніи сектантовъ: они скромны, вѣжливы, трудолюбивы. Самая внѣшность кугусортинца способна расположить къ нему всякаго: постоянно спокойный, уравновѣшенный въ своихъ дѣйствіяхъ, глубоко честный въ сношеніяхъ съ окружающими. видимо—взвѣшивающій каждый свой поступокъ, кугусортинецъ производитъ наилучшее впечатлѣніе. Постоянно памятуя о Богѣ, во всемъ придерживаясь строгаго воздержанія, сектантъ отдаетъ дань и жизни: когда возможно, онъ веселится, но скромно и съ соблюденіемъ благопристойности. Молодежь пляшетъ, любезничаютъ и поетъ пѣсни, но и въ этихъ пѣсняхъ отражается вѣрующій кугусортинецъ, сознающій свою грѣховность и полную зависимость отъ Верховнаго Существа.

Таковъ обликъ симпатичнаго сектанта. Русское населеніе начинаетъ цѣнить сектантовъ, какъ людей надежныхъ и исполнительныхъ, а матушки сельскихъ священниковъ, скрѣпя сердце, иногда сознаются, что нѣтъ прислуги лучше кугусортинокъ; имъ не нравится только, что по пятницамъ прислуга уходитъ домой, очевидно—на моленіе.

Изъ Сернура секта проникла въ Ирмучашь, с. Юледуръ и да-

же въ с. Турекъ, гдѣ имѣется резиденція земскаго начальника; здѣсь же находится значительное количество язычниковъ, сторонниковъ кроваваго культа. Послѣдніе ничего не могутъ подѣлать съ прозелитами новой вѣры, хотя глава ихъ *Обросъ* ведетъ съ послѣдними частыя бесѣды, на одной изъ которыхъ я присутствовалъ. Доводы жреца легко разбивались спокойными возраженіями сектантовъ.

Жрецъ—мой большой пріятель. Онъ сдѣлалъ изъ меня третьейскаго судью и думалъ, что я рѣшу дѣло въ его пользу. Я при кугусортинцахъ безпощадно указалъ на слабыя стороны новой секты, и надо было видѣть выраженіе довольства на лицѣ жреца... Но когда я отозвался съ похвалой о единобожии сектантовъ, о низложеніи Керемета, объ уничтоженіи кровавыхъ жертвъ, столь убыточныхъ для черемисъ, я увидѣлъ, какъ непрошенная слеза скатилась по щекѣ Оброса. Онъ долго и задумчиво молчалъ, а потомъ сознался, что охуждать новой вѣры никакъ нельзя, но все же... лучше держаться старой, унаслѣдованной отъ предковъ. И я увѣренъ, что онъ не будетъ теперь препираться съ сектантами, но замкнется въ себѣ и молча станетъ наблюдать за ростомъ секты, а въ концѣ концовъ—кто знаетъ?—быть можетъ, и самъ примынетъ къ ней.

Только что примкнувшіе къ сектѣ черемисы не стремятся сразу же выдѣлиться въ особую вѣроисповѣдную группу: они сохраняютъ въ домахъ иконы, не молясь имъ, срѣдка посѣщаютъ для виду церковь, но стоятъ тамъ какъ „столбы“, не крестясь; они не отказываютъ даже духовенству, когда оно является съ крестомъ. Какъ настоящіе *двоеданцы*, они исправно платятъ ругу, и съ формальной стороны къ нимъ трудно придратъся. Манифестъ о свободѣ вѣроисповѣданій далъ поводъ многимъ сектантамъ признать себя открыто кугусортинцами, но это не сопровождалось рѣшительно никакими демонстраціями и грубостями. Многие, памятуя о ссылкѣ основателей секты въ Сибирь, покривили душой и заявили, что они просто уклоняются въ вѣру своихъ отцовъ—старое язычество. Страхъ предъ судебной волокитой объясняетъ тотъ фактъ, что большинство сектантовъ все же не признается въ принадлежности къ сектѣ и исповѣдуетъ новую вѣру потаенно: закрывая окна соломенными ставнями, сектанты ставятъ караулъ у запертыхъ воротъ того дома, гдѣ происходитъ моленіе.

Поэтому, думается мнѣ, еще долго невозможенъ будетъ статистическій учетъ сектантства.

Что касается до вѣроученія новой секты *кугу сорта*, то мнѣ кажется, что послѣ всего вышеизложеннаго сущность новой вѣры достаточно выяснилась. Кой-какія мелочи, правда, добавить сборникъ сектантскихъ молитвъ, такъ сказать *кугусортинскій требникъ*, который мнѣ хотѣлось бы издать и матеріалы для коего мною отчасти уже собраны. Если къ этому присовокупить полный наборъ жертвенныхъ принадлежностей, то секта будетъ изучена довольно удовлетворительно.

Г Л А В А VIII.

Кугусортинская свадьба. Время совершенія обряда. Костюмъ жениха и невѣсты, свахи и дружки. Обрядъ бракосочетанія; пережвѣна головного убора новобрачной. Свадебный пиръ.

Заключеніе. Незлобивость сектантовъ. Ошибки въ дѣйствіяхъ нравскаго духовенства. Оцѣнка секты, по сравненію съ мусульманствомъ и старымъ язычествомъ. Какъ слѣдовало бы дѣйствовать противъ новой секты?

Изъ другихъ обрядовъ, совершаемыхъ кугусортинцами, я, къ великому сожалѣнію, могу говорить только о сектантской свадьбѣ, такъ какъ кугусортинскихъ похоронъ не видалъ; послѣднія должны быть очень любопытны и безъ сомнѣнія представляютъ большія отклоненія отъ обыкновенныхъ черемисскихъ похоронъ.

Бракосочетаніе у сектантовъ совершается въ той же самой избѣ, въ которой справляются каждую пятницу обыкновенныя моленія. Женихъ и невѣста до свадьбы иной разъ успѣли уже другъ съ другомъ основательно познакомиться, что часто доказывается излишней полнотою невѣсты, потому что, какъ я сказалъ выше, основатель секты оставилъ въ полной неприкосновенности древній институтъ—половую свободу молодежи. Обрядъ бракосочетанія совершается около полудня зимой и нѣсколько позднеѣ лѣтомъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы всякія яства и кушанья были готовы къ этому времени въ домѣ жениха. Свадьбы могутъ совершаться въ любой день недѣли, кромѣ четверга, когда нужно готовиться къ моленію.

Къ условленному времени въ молитвенную избу одновременно являються женихъ (*каичѣ*) и невѣста (*кайши-удыр*)—оба кугусортин-

цы—въ сопровожденіи—первыи дружки (*чабыш*), вторая—свахи (*тулаичѣ*). Женихъ одѣтъ въ бѣлую посконную рубашку и такой же шобуръ, подаренные невѣстой и расшитые цвѣтнымъ узоромъ; на невѣсть кромѣ рубашки, украшенной узорами, надѣтъ праздничный шобуръ, а на голову накинута длинная фата—продолговатый большихъ размѣровъ четырехугольный платокъ (*перенчикъ*), по угламъ расшитый шелковыми узорами. Спереди этотъ платокъ богато украшенъ серебряными монетами. Остальныя принадлежности костюма, начиная со шляпы у жениха и кончая онучами у обоихъ—все бѣлое (даже ремень на женихѣ—бѣлый сыромятный) и по возможности не бывшее въ употребленіи.

Костюмъ невѣсты много теряетъ отъ того, что на ней нѣтъ традиціоннаго краснаго пояса (*пота*), который такъ идетъ къ расшитому бѣлому костюму. Особенность костюма дружки заключается въ томъ, что шобуръ его, по древнему черемисскому обычаю, расшитъ по бортамъ шелкомъ и цвѣтными шерстями, какъ у женщинъ, а сваха имѣетъ на головѣ высокій древній уборъ—*шурж*, сплошь залитый серебряными монетами, и широкую перевязь черезъ правое плечо (*аридиш*), только съ одними монетами и бѣлыми раковинами, но безъ разноцвѣтнаго бисера и бусъ, какъ у остальныхъ черемисъ. Прочіе участники обряда одѣты также по праздничному.

Въ переднемъ углу комнаты приготовлено два стола: липовый столъ широкой стороной направленъ къ востоку-юго-востоку, а березовый—къ сѣверо-востоку, такъ что, стоя рядомъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны дома, столы эти образуютъ собою небольшой входящій уголъ; противъ этого угла для брачующихся постигается кусокъ пеньковаго холста, отдѣльно отъ того большаго лоскута, на которомъ стоятъ оба стола. На каждомъ столѣ лежитъ по восковому кругу; на березовомъ столѣ ставится на кругъ 9 свѣчей отъ жениха, на липовомъ—7 свѣчей обычной кугурсортинской мѣры отъ невѣсты; среднія свѣчи на обоихъ столахъ по обыкновенію значительно толще остальныхъ. Передъ началомъ обряда дружка спрашиваетъ жениха и невѣсту, по доброй ли волѣ они соединяются; не довольствуясь ихъ утвердительнымъ отвѣтомъ, дружка опрашиваетъ по два свидѣтеля съ каждой стороны, а потомъ ставитъ жениха и невѣсту на назначенную для нихъ подстилку. Послѣ этого самъ дружка или одинъ изъ старѣйшихъ представите-

лей секты начинается молитву Великому Богу-создателю и его жене, въ которой испрашивается благословеніе обоимъ на предстоящую брачную жизнь, излагается просьба о дарованіи имъ семейной тишины и спокойствія, здоровья и прибыли въ дѣлахъ, многочисленнаго семейства и долгой жизни. Послѣ этой молитвы брачующіеся обводятся вокругъ столовъ, становятся на прежнее мѣсто, обмѣниваются кольцами, и обрядъ конченъ.

Обмѣнъ кольцами, строго говоря, является излишнимъ, потому что дѣвушка уже значительно раньше вручила любимому человѣку кольцо, когда отдалась ему, но это совершается ради большей торжественности. Дружка обращается къ новобрачнымъ съ приличнымъ случаемъ наставленіемъ, поздравляетъ ихъ и подноситъ имъ въ деревянномъ ковшичкѣ медовщины. На голову молодой (*ор-йынъ вѣтѣ*) надѣвается теперь *сорока*—головной уборъ замужней женщины, поверхъ которой накидывается фата. Всѣ выпиваютъ затѣмъ понемногу медовщины и отправляются пировать въ домъ новобрачнаго; пиръ тянется до поздней ночи, сопровождаясь пѣснями и плясками подъ цѣлый оркестръ изъ гуслей, волынки и барабана.

Подводя итогъ всему нами сказанному о кугусортинцахъ, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ихъ необычайную незлобивость, простодушіе и подчиненіе волѣ Верховнаго Существа. Никогда они не жалуется на притѣсненія и гоненія, относясь къ нимъ крайне благодушно и рассказывая о своихъ несчастіяхъ въ такомъ духѣ, какъ будто бы эти несчастія происходили совсѣмъ не съ ними, а съ кѣмъ-то другимъ.

Кугусортинское религиозное движеніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ экстазомъ, который въ срединѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія замѣчался среди горныхъ черемисъ (Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губ.), выразился въ увлеченіи христіанствомъ и нашелъ себѣ исходъ въ основаніи черемискаго монастыря на р. Малой Юнгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это сектантство отчасти напоминаетъ нашъ расколъ, именно тѣми послѣдствіями, которыя оно произвело среди язычествующихъ черемисъ. Но языческая секта лишена нетерпимости и ожесточенія, которыми зачастую отличается наше старообрядчество.

Причины религіознаго движенія среди черемисъ указаны выше; во многомъ секта обязана своимъ появленіемъ чисто случайнымъ причинамъ, много виноваты въ ея появленіи и русскіе, потому что, обративъ черемисъ въ христіанство болѣе или менѣе давно, мы не старались научить ихъ русскому языку и видѣрить въ нихъ пониманіе новой вѣры. Вышло такъ, что серьезныя попытки переводовъ богослужебныхъ книгъ на черемисскій языкъ начались уже послѣ появленія новой секты.

Вмѣсто изученія сектантства, какъ бы это слѣдовало, мѣстное яранское духовенство принялось послѣ Казанской выставки за крайне неумѣлое, рѣзкое обличеніе и не стѣснялось въ выборѣ средствъ для уничтоженія ереси. Сколько разъ я ни останавливался надъ вопросомъ о причинахъ столь усиленнаго гоненія на основателей новой вѣры, я не находилъ другого къ тому повода со стороны мѣстнаго духовенства, кромѣ преслѣдованія узкихъ интересовъ чисто матеріальнаго свойства. Духовенство, на глазахъ коего секта развивалась цѣлыхъ 12 лѣтъ, не потрудилося даже ознакомиться съ основами новой вѣры и само расписалось въ своемъ полномъ безсиліи бороться съ новымъ ученіемъ, не постыдившись, при содѣйствіи свыше, прибѣгнуть къ такой жестокой мѣрѣ противъ основателей секты, какъ административная ссылка безъ всякаго суда. Когда сектанты вернулись изъ ссылки, яранское духовенство слѣдило только за тѣмъ, чтобы они не водворились на мѣстѣ прежняго жительства, или даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ, но опять таки ровно ничего не сдѣлало для изученія секты.

Такой образъ дѣйствій со стороны духовенства продолжается до послѣдняго времени. Все, что сдѣлано для изученія секты, сдѣлано не духовенствомъ, не миссіонерами, а лицами посторонними. Исключеніе представляетъ Я. Кобловъ, въ качествѣ катехизатора исполнявшій порученіе архіепископа казанскаго Дмитрія: но ему пришлось только согласиться съ справедливостью заключеній, сдѣланныхъ относительно секты его предшественниками.

Въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ сектантство вообще, всегда полезно выслушать мнѣніе не только миссіонеровъ, но и частныхъ наблюдателей, болѣе или менѣе знакомыхъ съ бытомъ инородцевъ. Въ качествѣ такового, я позволю себѣ сказать въ заключеніе

моего очерка, что, при всѣхъ отмѣченныхъ выше недочетахъ, секта кугу сорта, не представляя собою ничего опаснаго ни съ общественной, ни съ государственной точекъ зрѣнія, есть благороднѣйшее явленіе на пестромъ фонѣ черемисскаго многобожія и кровавыхъ жертвъ. Она неизмѣримо выше мусульманства, потому что не знаетъ фанатизма послѣдняго и не ведетъ пропаганды, нерѣдко связанной съ насиліемъ. Сущность кугусортинскаго ученія настолько возвышенна, что нельзя колебаться ни одной минуты въ рѣшеніи вопроса о томъ, что лучше: старочеремисское язычество, мусульманство или секта кугу сорта?

А между тѣмъ мусульманская пропаганда въ инородческихъ предѣлахъ процвѣтаетъ безнаказанно: изъ послѣдняго отчета Православнаго миссіонерскаго общества видно, что въ одной только Уфимской губ. отпало въ мусульманство 3840 душъ чувашъ.

Съ точки зрѣнія миссіонерской, въ интересахъ господствующей церкви, желательно, разумѣется, возвращеніе сектантовъ въ лоно православія. Но добиваться этого слѣдуетъ не тѣми унижающими православіе средствами, какими это дѣлалось до сихъ поръ. Не путемъ полицейскаго надзора, не съ помощью суровыхъ административныхъ каръ, а мѣрами кротости, любви и терпѣнія нужно бороться съ ученіемъ кугусортинцевъ. Это тѣмъ легче сдѣлать, что секта кугу сорта представляетъ собою прочный мостъ для перехода изъ язычества въ христіанство, а почва для послѣдняго разработана Якимановымъ пожалуй даже лучше, чѣмъ удалось это православнымъ миссіонерамъ.

Но вятское духовенство (въ частности — яранское), какъ мы выше видѣли, привыкло бороться съ язычествомъ совсѣмъ инымъ оружіемъ. Живое дѣло изученія секты и собесѣдованія съ уклоняющимися въ нее черемисами вятское духовенство замѣнило безсодержательною риторикой канцелярскихъ бумагъ.

Остается пожелать, чтобы высшая духовная власть вѣрнѣе взглянула на столь важный въ инородческой жизни фактъ и указала сельскому духовенству совершенно иной, чисто христіанскій образъ дѣйствія.

С. К. Кузнецовъ.

Ноябрь—декабрь 1908.
Москва.

Изъ наблюдений надъ турецкой пѣснью.

(По поводу сборника д-ра Ф. Гизе: „Разсказы и пѣсни изъ Конійскаго вилайета“) *).

I.

Отношеніе турокъ къ народной поэзіи. Труды европейцевъ по османскому фольклору.

Говорятъ, что великій визирь, А. Джевадъ-паша, извѣстный своими трудами въ области турецкой старины, задумывалъ издать памятники народной словесности во всемъ ихъ діалектическомъ разнообразіи. Однако судьба этнографическаго матеріала, собраннаго въ губерніяхъ этнографами ех officio, — инспекторами народнаго образованія, до сихъ поръ темна. Очевидно, послѣ паденія Джевадъ-паши, планъ его былъ забытъ, какъ плодъ празднои фантазіи.

Вообще, османская народная поэзія въ глазахъ „эфенди“ (высшихъ классовъ), у которыхъ давно уже порваны связи съ народомъ, представляла безсмысленный лепетъ, услаждающій слухъ дѣтей. Ея значеніе для раскрытія народнаго духа было всегда чуждо турку, въ которомъ исламъ надолго убилъ понятіе о родинѣ и о любви къ ней. Съ одной стороны, духовенство громило народную поэзію, такъ-какъ въ ней ему чудились дикіе отголос-

---

*) Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah **) gesammelt, in Transkription, mit Anmerkungen und einer Übersetzung der Lieder herausgegeben von d-r Friedrich Giese. Halle a. S. New. York. 1907. 126. стр.

**) Конечное h попало по очевидному недоразумѣнію. Въ данномъ случаѣ его назначеніе въ турецкомъ начертаніи слова служебное, — опредѣлить оглазовку предшествующей буквы.

ки двоевѣрія; съ другой стороны, турецкое общество, пародируя Европу, хотѣло убѣдить себя въ усвоеніи западной культуры разрывомъ съ народными традиціями. Для турецкихъ „петиметровъ“ народная поэзія, носительница національныхъ идеаловъ, звучала грубымъ диссонансомъ; она сливалась у нихъ съ мыслью о „турмѣ“, неотесанномъ мужикѣ. Отсюда объясняется все ихъ равнодушіе, даже презрѣніе къ ней. Въ походѣ противъ народной поэзіи уцѣлѣли однѣ пословицы, уберегшіяся отъ гоненія своимъ дидактизмомъ.

Сокровища народной османской поэзіи, вѣроятно, долго-бы еще были подъ спудомъ, если-бы османскій фольклоръ не испыталъ на себѣ благотѣтельнаго вмѣшательства европейцевъ. Ихъ трудами откроется первая страница турецкой этнографіи. Пioneромъ изученія османской поэзіи былъ русскій ученый Викторъ Максимовъ, успѣвшій собрать въ Малой Азіи (въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ) свыше ста лирическихъ пѣсенъ и „дестановъ“ (эпическихъ былинъ); однако большая часть его матеріаловъ такъ и не увидала свѣта, вѣроятно, потому, что скоро Максимовъ обмѣнялъ тернистый путь ориенталиста на дипломатическую карьеру. Во всей красѣ богатства народной поэзіи предстали передъ европейцами благодаря усиліямъ венгерскаго ориенталиста, д-ра Игнатія Куноша (директора Восточной Торговой Академіи въ Будапештѣ). Во время долготѣлаго своего пребыванія въ Турціи (въ восьмидесятыхъ годахъ), сопровождаемый въ мало-азійскихъ поѣздкахъ туркомъ (лекторомъ турецкаго языка въ Будапештѣ), онъ собралъ громадный матеріалъ, посвященный османскому фольклору. Изданіемъ его онъ стяжалъ себѣ среди ориенталистовъ громкую извѣстность. Успѣхъ Куноша вызвалъ экскурсіи въ Малую Азію, увѣнчавшіяся важными результатами. Общій контуръ османскаго фольклора былъ уже очерченъ. Теперь этнографы изучали темные его закоулки, ускользавшіе отъ бѣглого взгляда; такъ заложенъ былъ фундаментъ османскаго народовѣдѣнія, для изученія котораго важенъ трудъ ученика Куноша, Юліуса Мессароша о народномъ османскомъ суевѣріи. Одновременно выдвинулась задача изслѣдованія памятниковъ съ лингвистической стороны для конструирования исторической грамматики турецкаго языка. Между тѣмъ какъ первыя записи текстовъ Куноша были однообразны (если исключить изданіе александотавъ

о хождѣ Наср-ед-динѣ, собранныхъ въ Айдынѣ и другихъ мѣстахъ, это былъ разговорный константинопольскій языкъ), *) вскорѣ изученіе османскаго фольклора отразило на себѣ методы, выработанные индо-европейской филологіей. На этихъ принципахъ былъ основанъ единственный журналъ по туркологіи: „*Keleti Szemle*“ (Восточное Обозрѣніе), издающійся съ 1900-го года въ Будапештѣ И. Куношемъ и Б. Мункачи,—журналъ, страницы котораго украшены изслѣдованіями турецкой (османской) діалектологіи профессора Карла Фоя († 1907). Патріархъ османскаго фольклора, И. Куношъ сразу оцѣнилъ важность изученія памятниковъ народнаго творчества по отдѣльнымъ областямъ въ ихъ истинной формѣ, сохраняющей архаизмы языка. Въ 1906 году онъ издалъ сборникъ пѣсенъ, собранныхъ имъ на дунайскомъ островѣ, Ада-кале (Новая Орсова), а въ 1907 году онъ вмѣстѣ съ д-ромъ Фр. Гизе предпринялъ серію изданій подъ общимъ заглавіемъ: „*Beiträge zum Studium der türkischen Sprache und Literatur*“. Рецензируемый нами сборникъ рассказовъ и пѣсенъ, записанныхъ г. Гизе въ Конійскомъ вилайетѣ (губерніи), составляетъ первый выпускъ названной коллекціи.

II.

Значеніе сборника г. Гизе.

Занимая свыше шести лѣтъ мѣсто преподавателя въ „Нѣмецкой Реальной Школѣ“ въ Константинополѣ, д-ръ Фр. Гизе (въ настоящее время приватъ-доцентъ въ Грейфсвальдскомъ университетѣ) ежегодно совершалъ во время лѣтнихъ каникулъ этнографическія поѣздки въ Малую Азію. Такъ былъ собранъ богатый матеріалъ, и въ ряду задуманныхъ имъ работъ „Рассказы и пѣсни изъ Конійскаго вилайета“ открываютъ собою только первое звено. Значеніе сборника г. Гизе уяснится для насъ во всей силѣ, если мы вспомнимъ историческій интересъ земель, въ предѣлахъ которыхъ онъ производилъ свои записи.

Повидимому, Конійскій вилайетъ съ перваго момента появленія въ Малой Азіи турокъ, сталъ привлекать ихъ къ себѣ, какъ старый культурный центръ. Сюда, по почтовымъ трактамъ, проложеннымъ еще во время римскаго владычества (а можетъ, быть, уцѣлѣвшимъ еще отъ эпохи греко-персидскихъ войнъ), устремля-

*) Вспомнимъ, что этнографическій матеріалъ, изданный Венгерскою Академіей, былъ собранъ, гл. обр., въ К. полъ.

лись постоянно различныя отрасли турецкаго племени, образовавшія путемъ вѣковыхъ скрещиваній съ обитателями Малой Азіи османскую народность. Въ Конійскомъ вилайетѣ, несмотря на всяческія запрещенія правительства, старающагося прикрѣпить крестьянъ къ землѣ, мы застаемъ еще въ полномъ расцвѣтѣ картину кочеваго быта; черезъ Конійскій вилайетъ ежегодно осенью тянутся изъ Смирны къ Средиземному морю тысячи кочевниковъ со своими стадами; издавна уже черезъ Конію идетъ большой торговый трактъ съ сѣвера къ Мерсинѣ; здѣсь живутъ еще, нетронутые городскимъ вліяніемъ, туркмены и „юрюки“ (кочевое турецкое (туркменское) племя). Это, такъ сказать, этнографическій калейдоскопъ, въ которомъ изслѣдователь отыщетъ когда-нибудь отголоски и западныхъ гузовъ, и кумановъ, и сельджуковъ, и монголовъ, не говоря уже о всякихъ разновидностяхъ османовъ, отъ Мараша до Айдына и отъ Байбурта до Адали. До самаго послѣдняго времени знакомство съ духовной жизнью конійцевъ было для насъ закрыто, и заслуга г. Гизе заключается въ томъ, что онъ ввелъ насъ въ этотъ забытый міръ, и не только забытый, но и отрѣзанный, такъ-какъ собираніе этнографическаго матеріала сопряжено (по крайней-мѣрѣ, до сихъ поръ было сопряжено) съ большими неудобствами. Съ одной стороны, администрація подозрѣвала въ этнографѣ переодѣтаго шпиона, а съ другой стороны, запуганное населеніе такъ-же не очень-то дружелюбно смотрѣло на какія-бы то ни было записи, даже на записную книжку. Нужно было обладать нѣмецкой настойчивостью, чтобы, не смущаясь ни тягостями путешествія, ни трудностями записей, довести до конца начатое дѣло изученія народнаго творчества. Впрочемъ, условія, въ которыхъ работалъ г. Гизе, сложились удачно. Благодаря своему происхожденію, г. Гизе встрѣтилъ въ лицѣ бывшаго конійскаго вали (генералъ-губернатора), Феридъ-паши (занимавшаго до 11-го іюля сего года постъ великаго визиря) просвѣщеннаго администратора, облегчившаго ему доступъ въ губернскую тюрьму въ Коніи. Въ тюрьмѣ г. Гизе могъ наблюдать разомъ представителей конійскаго населенія, и это въ значительной степени способствовало богатству собраннаго имъ матеріала.

Мои замѣчанія относительно сборника г. Гизе, вообще не претендующія на глубину или полноту, будутъ касаться: 1)

благаго обзора особенностей туркменскаго языка, на основаніи пѣсенъ №№ 1—18, въ связи съ характеристикой конійскаго діалекта, 2) метрическаго строя пѣсенъ и 3) поэтической ихъ формы.

III.

Языкъ туркменскихъ пѣсенъ.

Я останавливаюсь на характеристикѣ языка туркменъ потому, что онъ рѣзче отличается отъ османскаго, приближаясь нѣкоторыми своими чертами къ азербайджанскому языку. Въ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ слова, анлауть которыхъ заключаетъ въ себѣ чистый гласный звукъ, между тѣмъ какъ въ другихъ нарѣчіяхъ южно-турецкихъ, или западныхъ языковъ, тѣ же слова употребляются іотованныя. Напр. высокій по-туркменски звучитъ „удже“, тогда какъ въ современномъ, да и въ старо-османскомъ мы имѣемъ формы: „јудже“, „јуджедіджі“ (у Ибн-Биби). То же самое и у юрюковъ (№ 49). Правда, слово: звѣзда транскрибировано у г. Гизе „ылдыз“ (№ 3); но я подозреваю здѣсь скорѣе lapsus linguae или salamі вмѣсто: „ылдыз“, тѣмъ болѣе что такъ оно звучитъ по-азербайджански. Далѣе, въ анлаутѣ является отсутствующее въ османскомъ языкѣ придыханіе; такъ, „герлемек“ (осѣдлать) вмѣсто османскаго: „ежерлемек“. Въ корпусѣ слова или точнѣе въ первомъ его слогѣ (стало-быть, и въ анлаутѣ) замѣтна предилекція къ звуку „у“ вмѣсто османскаго „ö“, что повидимому, составляетъ отличительный признакъ средне-азиатскихъ языковъ; напр., „дүшек“ (ложе, постель, отсюда русское: тюфякъ) вм. османскаго: „дöшек“; „гүресім“ (мое желаніе увидѣть) вм. „гöресім“ или (у юрюковъ) „гурен“ (вм. „гöрен“ видящій). Умер“ (Омаръ) вм. „Öмер“; даже глаголь: „олмак“ (быть, становиться) встрѣчается въ формахъ: „улана“ вм. „олана“, „уссам“ вм. „олсам“ и т. д. Какъ и въ азербайджанскомъ, въ туркменскомъ языкѣ есть особый видъ е вмѣсто обычнаго въ такихъ случаяхъ звука і; такъ, напр., „неч“—ніч (никакой), „джеһан“—джіһан (міръ), „зенет“—зінет (украшеніе). Это явленіе замѣтно не только въ иностранныхъ словахъ, но и въ турецкихъ; о немъ говорилъ уже проф. Карль Фой въ своихъ „Азербайджанскихъ этюдахъ“. Здѣсь я прибавлю только, что оно свойственно вообще конійскому діалекту; такъ, тамъ слышио:

„дімек“ (говорить) вм. „демек“; „вірмек“ вм. „вермек“. Глаголь: „вірмек“, будучи соединенъ съ другимъ глаголомъ главнымъ образомъ для выраженія ускоренія дѣйствія, подчиняется закону гармоніи гласныхъ т.-е. если въ основѣ даннаго глагола твердая гласная, то узкая гласная „і“ въ „вірмек“ измѣняется въ „ы“ или „у“ напр., *hasta oлу вурду* (онъ прикинулся больнымъ) или *„чікы вырды“* (быстро выскочилъ). Въ ауслатѣ арабскихъ словъ, кончающихся на придыхательный звукъ „h“ появляется звукъ „х“, напр.: „Аллах“, „джеррах“. Вообще, звукъ „h“, чуждый турецкому языку, часто въ корпусѣ слова транскрибируется такъ-же черезъ х, напр.: „кахбе“ вм. „ар. каһбе“ (развратница). Впрочемъ, однообразная передача двухъ различныхъ х (глубокаго задне-небнаго и „хрипящаго“), а такъ-же другіе факты—указываютъ что г. Гизе не удалось вполне уловить звуковой составъ турецкой рѣчи конійскаго вилайета. На другихъ звуковыхъ особенностяхъ я больше не задерживаюсь, потому что онѣ характерны не для одного туркменскаго языка, но вообще для народнаго османскаго языка въ его діалектахъ, какъ, напр., метатезисъ согласныхъ („певраналар“—бабочки), наличность глубокаго задне-небнаго к (q), носового н (ñ), уподобленіе согласныхъ: („салам мірдім“ вм. салам вірдім—я привѣтствовалъ), или еще рельефнѣе: „бірім булурсун“ вм. бірін булурсун (ты найдешь кого-нибудь), аялауты со звонкими согласными вмѣсто глухихъ, напр. „бішкін“ вм. „пішкін“ (зрѣлый, прочный), „дутмак“ вм. „тутмак“ (держать) и т. д.

Что касается гармоніи гласныхъ, то съ одной стороны она проводится въ иныхъ словахъ строже, чѣмъ даже въ константинопольскомъ діалектѣ, очевидно, вслѣдствіе того, что на туркменахъ не сказалось еще вліяніе иностранной, или инородческой рѣчи. Такъ, иностранныя слова измѣняются въ огласовкѣ своихъ слоговъ сообразно съ гласной перваго слога, напр.: „мамыр“ вм. арабскаго: „ма'мур“ (благоустроенный, цвѣтущій); „мектіб“ вм. арабскаго: „мектуб“ (письмо); впрочемъ, изрѣдка какъ-бы сказывается (въ турецкихъ образованіяхъ), османское тяготѣніе къ звуку „у“ во второмъ слогѣ, послѣ „а“, такъ: „намум“ вм. „намым“ (моя слава), но: „јаумур“ (дождь) вм. османскаго: „ја мур“ (у юрковъ) такъ-же „Істамбол“ вм. „Істамбол“. (Константинополь) и т. д.; но съ другой стороны, въ глагольныхъ

аффиксахъ и инфиксахъ, а такъ-же въ аффиксахъ склоненія падаются грубыя нарушенія закона, такъ, напр.: „атдііні“ вм. „атгъны“ (его бросаніе), „булеім“ вм. „булајім“ (найду-ка я!), но „еулејам“ (стану-ка я увеселять!), „беліна“ (вокругъ твоей поясицы). Аффиксъ дательнаго падежа такъ же твердо звучить, впрочемъ, въ ангорскомъ діалектѣ, гдѣ напр. говорятъ: „мектеба“ (въ школу) вм.: „мектебе“.

Такія колебанія закона гармоніи гласныхъ не только въ различныхъ нарѣчіяхъ турецкихъ языковъ, но даже въ предѣлахъ одного языка говорятъ за то, что это явленіе, хотя и есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ „урало-алтайскихъ“ языковъ, все-же въ теченіи вѣковъ испытало цѣлый рядъ эволюцій.

Изъ морфологическихъ особенностей отмѣтимъ дѣепричастный аффиксъ: „інджен“ вм. „індже“, напр.: „капынджан“ (какъ только (онъ) схватывалъ), „бесленінджен.“ (когда онѣ (лошади) были вскормлены), а такъ-же дѣепричастный аффиксъ „рана“ вмѣсто: (і)кен, напр. „бошанырдана“ (когда (моя лошадь) гуляла на свободѣ). Впрочемъ, этотъ аффиксъ слышалъ я, — если только мнѣ не измѣняетъ слухъ, въ рѣчи уроженца Брусскаго вилайета (изъ Эдремита). Желательное наклоненіе 1-аго лица единств. числа образуется иногда, какъ и въ азербайджанскомъ языкѣ, безъ соединительной гласной, напр. „салам“ вм. османскаго: „салајім“ (пушу-ка я!); желательное наклоненіе 1-аго лица множественнаго числа (conjunctivus adhortativus) употребляется съ окончаніемъ „лік“ вм. обычнаго: „лім“, напр. „гөндерелік“ (пошлемъ-ка) вм. „гөндерелім“. Кстати, форма на „лім“, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не объяснена, и я приведу толкованіе, слышанное мною на лекціяхъ проф. Жозефа Галеви въ Парижѣ. Онъ говорилъ, что въ аффиксѣ „лі“, или точнѣе „елі“, „алы“ („уалы“ въ киргизскомъ напр., языкѣ) заключается аффиксъ, образующій прилагательныя, т.-е. эти глагольныя формы выражали сперва обыкновенныя причастія, безъ всякаго отношенія къ характеру дѣйствія, отчего въ нихъ слилось два значенія: стремленіе совершить дѣйствіе (желат. наклоненіе) и исходный пунктъ во времени, съ котораго дѣйствіе совершилось (дѣепричастіе на „лі“). А въ конечномъ османскомъ „м“, при наличности формы на „к“ (окончаніе 1-аго лица множ. числа какъ въ прошедшихъ временахъ, такъ (въ діалектахъ) и въ настоящемъ), нетрудно угадать усѣчен-

ную форму окончанія: „міз“. 1-ое единств. число не только въ желательномъ наклоненіи, но и въ изъявительномъ, оканчивается на „н“, напр. наст.—будущее время: „істемен“ вм. „істемем“ (я не хочу). Впрочемъ, это окончаніе употребляется въ Кастамунійскомъ діалектѣ, гдѣ напр. говорятъ: „gelejim“ вм. „gelejim (дай-ка я приду) а такъ-же на Ада-кале.

Относительно дѣспричастія на „уп“, замѣтимъ, что оно транскрибируется у г. Гизе почему-то въ двухъ формахъ: „уп“ и „уп“. Тутъ очевидно какое-то недоразумѣніе.

Изрѣдка мѣстоименный аффиксъ (какъ напр. „міз“ въ *gülermizi* (№ 1) прибавляется къ слову безъ соединительной гласной. Впрочемъ, какъ единственный примѣръ, этотъ фактъ не можетъ служить основаніемъ для какихъ-либо выводовъ. Скорѣе всего, здѣсь это обусловлено требованіями метра.

Въ пѣсняхъ попадаются указательныя мѣстоименія: „шу“ и „шо“. Если только это не покажется раффинаціей, я припомнилъ-бы толкованіе, которое давалъ мнѣ въ Коніи мой учитель, Хамди-Заде Абд-ул-Кадиръ-эфенди. Онъ различалъ „шу“ и „шо“ такимъ образомъ, что „шу“ указываетъ на близкій предметъ, а „шо“—уже на болѣе отдаленный.

Для синтаксиса характеренъ обычный впрочемъ, въ народной рѣчи асиндетизмъ, а такъ-же отсутствіе частицы звательнаго падежа: „ej“ (вмѣсто нея употребляется свои ономапоея: „hē“).

Въ лексическомъ отношеніи туркменскій языкъ, какъ вообще языкъ мало-азійскихъ турукъ, сверхъ азербайджанизмовъ, какъ напр. „gimi“ (какъ) вм. османскаго: „gibi“, которое впрочемъ, такъ-же употребляется, или: „bejle“ (такимъ образомъ) вм. „böjle“, носитъ на себѣ слѣды бблшаго культурнаго вліянія персовъ. Мы можемъ насчитать здѣсь нѣсколько арабскихъ словъ, зашедшихъ въ туркменскій языкъ отъ персовъ, а такъ-же рядъ персидскихъ словъ, употребленіе которыхъ кажется необычно (на первый взглядъ) въ народномъ языкѣ. Къ первой категоріи я отношу слово: „hauz“=араб. „haуз“ (бассейнъ). Ко второй категоріи, болѣе обильной, слова: „dест“ (рука), „сіне“ (грудь) „пусе“ (поцѣлуй) и т. д. Разумѣется, эти слова употребляются не только въ туркменскомъ языкѣ, но и въ другихъ османскихъ діалектахъ (ихъ много, кажется, въ румелійскихъ діалектахъ). Разъ

зашла рѣчь о персидскихъ словахъ, указу на встрѣчающееся у кривжовъ слово: „hop“=перс. „хуб“ (хорошій). Очевидно, прежде это слово было широко распространено, иначе непонятно было-бы его присутствіе въ болгарскомъ языкѣ въ формѣ: „хубавъ“ и въ сербскомъ—въ формѣ: „убавъ“.

Вѣроятно, явленія туркменскаго языка получили-бы болѣе яркое освѣщеніе, если-бы ихъ сопоставить вообще съ конійскимъ диалектомъ, въ которомъ уже апіорно можно подозрѣвать отголоски совмѣстнаго сожительства на одной территоріи разныхъ турецкихъ народовъ. При пестротѣ состава населенія Конійскаго вилайета, въ конійскомъ диалектѣ откроется, быть-можетъ, для болѣе пристальнаго изслѣдователя—лингвиста, сліяніе двухъ диалектовъ, изъ которыхъ одинъ можно-бы характеризовать наличностью въ извѣстныхъ словахъ твердыхъ гласныхъ, а другой—наличностью мягкихъ гласныхъ. Такъ, османскій глаголъ: „ујумак“ (спать) встрѣчается такъ-же въ формѣ: „ўјумек“; прибавлю (изъ собранныхъ мной словъ): „ейтмек“ (говорить) см. айтмак. и т. д.

IV.

Метрическій строй пѣсень.

Какъ вскользь замѣтилъ уже г. Куношъ въ предисловіи къ изданнымъ нашей Академіей османскимъ матеріаламъ¹⁾, ритмическая натура османовъ сказывается рельефно въ пословицахъ. Пословицы или точнѣе. риемованная проза (поговорки, прибаутки, загадки) вскрываютъ процессъ метрическаго строя турецкой пѣсни. Обыкновенно пословица состоитъ изъ двухъ частей, построенныхъ на параллелизмѣ; ея составныя части, риемующіяся между собой, заключаютъ опредѣленное число слоговъ и представляютъ, такъ сказать, ячейку народной поэзіи. Основная форма риемованнаго строя, кажется, трехсложная; говорю, кажется, потому что подысканный мной примѣръ не совсѣмъ удаченъ: въ немъ соединено сочетаніе частей трехсложныхъ и четырехсложныхъ, т. е. 3+3, 4+4. Я разумѣю сказочную формулу (источникъ, самъ по себѣ, быть-можетъ, ненадежный): „аз гиттѣм | уз гиттѣм || дере

¹⁾ Образцы народной литературы турецкихъ племенъ, изданные акад. В. В. Радловымъ. СПБ. 1899. Часть VIII, стр. XXIII.

тепе | (дѣм) дѣз гиттѣм“. („Дѣм“ иногда опускается). Т. е. мало я шель, прямо я шель; по горамъ-доламъ я шель. Четырехсложный строй и строи, съ бѣльшимъ, постепенно все увеличивающимся строемъ, уже вѣ всѣхъ сомнѣній, и я отмѣчу образцы. „Пі мі жаман | беј мі жаман“ (4+4), т. е. кто опаснѣе: чужой (человѣкъ) или свой-же бей? „харман jelile | дѣјѣн элѣ“ (5+5), т. е. для вѣянія хлѣба нуженъ вѣтеръ, а для свадьбы—посторонній (мужчина). „Олурса базарым | олмасса бозарым (6+6), т. е. удастся, продамъ, а нѣтъ, такъ нѣтъ. „Бір кѣчѣджѣк фычѣджѣк | ічѣнде бір туршуджѣк“ (7+7), т. е. крохотная бочка, а (глядишь) въ серединѣ соленье. Отгадка: лимонъ. „Інанма сакым достуна | самаң додурур постуна“ (8+8), т. е. смотри, не вѣрь своему другу, а не то сдѣлаетъ онъ изъ тебя чучело. (Намекъ на старыя обычаи, когда въ доказательство исполненія приказа объ умерщвленіи, царю посылались чучела враговъ). „Елімі салласам, елісі | башымы салласам, теллісі“ (9+9) т. е. тряхну я рукой, окажется передо мной пятьдесятъ (дѣвицъ), а тряхну головой, раскудрявая (красавица). „коджа етмејі, мејдан етмејі | огул етмејі, зѣндан етмејі“ (10+10) т. е. кто (приобрѣтаетъ) мужа, тотъ добываетъ себѣ просторъ, а вотъ родитъ дѣтей, (это значитъ) угодитъ (потомъ изъ за-нихъ) въ тюрьму. „Сары зејбек шу јерлерде јасланыр | јамур јайар сілаһлары пасланыр“ (11+11), т. е. желтый зејбекъ въ нашихъ краяхъ чахнетъ, пойдетъ дождь и ржавѣетъ его оружіе. Словомъ, въ пословицахъ употребляется развѣренная рѣчь, отъ четырехъ слоговъ до одиннадцати.

Съ теченіемъ времени рѣчь народная, свободная въ своемъ развитіи, утрачиваетъ свою первобытную простоту. Поэтому, въ народныхъ пѣсняхъ мы не можемъ уже такъ подробно прослѣдить эволюцію отъ элементарной къ высшей формѣ. Мы можемъ только указать, что семисложный стихъ представляется наиболѣе простой, да и любимой формой народнаго творчества. Повидимому, если судить по широкой распространенности семисложнаго стиха у всѣхъ турецкихъ народовъ, это одинъ изъ наиболѣе основныхъ и архаичныхъ строевъ турецкой пѣсни. Стихъ, какъ часто указываетъ цезура, заключаетъ въ себѣ двѣ части, изъ которыхъ первая, повышеніе, представляетъ трохаическую диподію, а вторая, пониженіе,—ту-же диподію, но усѣченную, состоящую слѣдовательно всего изъ трехъ слоговъ:

„бір дагда ікі кірез,
бірі ал, бірі беяз
есмерден арзум алдым,
сарамадым бір беяз“.

(Изъ собранія д-ра Курюша).

(На вѣткѣ двѣ черешни: одна алая, а другая бѣлая (т.-е. незрѣлая). Я насладился (уже) смуглянкой, но никакъ не могъ обнять бѣлолицей (красавицы).

На семисложномъ стихѣ построены „мани“ (особый видъ четверостишій), всюду распѣваемые въ Турціи, да и другіе виды пѣсенъ.

Восьмисложный стихъ встрѣчается уже рѣже. Очевидно, и происхожденія онъ болѣе новаго. Впрочемъ, вотъ отрывокъ изъ записанной мною въ Нигде свадебной пѣсни (причитаніе невѣсты):

„дам башында отму јуду?
устунузе јукъ му јуду?
бір кыз сізе чок му јуду?“

. . . . .

(Строфа не окончена)

(Развѣ она (невѣста) была (для васъ) (сорной) травой, что (растетъ) на крышѣ дома? Развѣ она была вамъ въ тягость? Ужъ будто такъ много было для васъ одной дочери?)

Сверхъ семисложнаго стиха, одиннадцатисложный стихъ занимаетъ въ поэзіи видное мѣсто, такъ-какъ въ сущности это ничто иное, какъ удвоенный въ первой своей части семисложный стихъ. Напр. (Гизе № 22):

gelinin alına elif jazılmış,
elifin altına benler dizilmiş.
hadj' Arab gelmiş, başı bozulmuş,
zülûfleri perişan olmuş gelinin.“

(Въ четвертомъ „стихѣ“ число слоговъ 12; можетъ-быть, нужно читать „перішан“ въ два слога, хотя вѣроятно, что стихъ искаженъ, такъ какъ „баулама“ (основная рима стихотворенія)— „деуілімісін“ (не ты-ли?).

(На лбу невѣсты тянется вырисованный „элифъ“ (длинная полоса); а подъ „элифомъ“ у нея рядъ родинокъ. Пришелъ Хаджи-

арабъ, и привелъ ея голову въ безпорядокъ. Ахъ, кудри невѣсты сбились (всѣ) въ кучу!).

Изъ стиховъ свыше одиннадцати слоговъ, иногда употребляется тринадцатисложный, пятнадцатисложный, т. е. стихи, увеличивающіяся на одну двухсложную стопу (трохей).

Впрочемъ, ни въ одной пѣснѣ по крайней мѣрѣ, записанной г. Гизе, они и не проведены со всей строгостью, и можетъ-быть, свидѣлствуютъ объ испорченности пѣсенной традиціи. Такъ, напр. въ отрывкѣ изъ пѣсни о Делимолла (№ 63) стихи колеблются отъ восьми слоговъ до четырнадцати:

„Делимолла дедіклері бір гүчүджүк ушак, (14 слоговъ)

Дургутда беслеміш он једі ушак (11 слоговъ)

„Он једі даһа істерім“ дір Делимолла“ (13 слоговъ).

„Делимоллам сені өдүрдүермі? (11 слоговъ)

Ганыны бекмезе дөндүрдүермі? (11 слоговъ)

Імамсіз галдырдылармы? (8 слоговъ)

„Гафылын алдырдым келлеји“ дір Делимолла.“

(Такъ называемый Дели-Молла крохотный паренекъ. Въ Дургутѣ было у него 17 молодцовъ. „Я хочу еще 17 молодцовъ“, кричитъ Дели-Молла). О мой Дели-Молла, такъ они тебя убили? Обратили твою кровь въ пекмезъ (вареный виноградный или тутовый сокъ)? Такъ они похоронили тебя безъ имама? „Э-эхъ, я, по своему легкомыслію, потерялъ свою голову“, вздыхаетъ Дели-Молла).

Народная турецкая поэзія построена, главнымъ образомъ, на семисложномъ и одиннадцатисложномъ стихѣ, точнѣе на сочетаніи рیمованномъ двухъ семисложныхъ или одиннадцатисложныхъ стиховъ. Это архаичный видъ народной поэзіи, когда стало-быть, правила стихосложенія были еще просты. Какъ на образецъ наивнаго построения стихотворенія, я указалъ-бы на № 20, состоящей изъ двухъ строфъ, изъ которыхъ въ первой тянется одна ріема (ашды, джощду, гөшдү, дүшдү), а во второй строфѣ для первыхъ двухъ стиховъ своя ріема, и своя особая ріема для третьяго и четвертаго стиховъ.

„Еліфі сорарсан, Беүдәни ашды.
 Кара джіерлерім гайнады *джоиду*.
 Еліфі сорарсан, jailaja *юиду*.
 Jailada севдүүүм аклыма *оүиду*.

Еліфін, обасы Түркмен о б а с ы,
 Гатерлеммиш Еліфін маіјасы,
 Гатерде маіјалар зіл дөүүп *идер*,
 Ачівермиш ак герданін бенлеріні jel дөүүп *идер*.

(Если ты спросишь о (дѣвѣ) Элифѣ, то она перевалила уже гору Бейдагъ. Вскипѣло во мнѣ ретивое и рвется все наружу. Ахъ, если ты станешь спрашивать объ Элифѣ, то она уже поднялась (въ горы) на лѣтнюю стоянку. На кочевьѣ вспомнилась мнѣ моя возлюбленная. Палатка Элифъ (разбита) въ турменскомъ кочевьѣ. Молодой ея верблюды и деть съ караваномъ верблюдовъ; они идутъ длиннымъ рядомъ, побрякивая своими колокольчиками. А вѣтеръ распахнулъ ея бѣлую грудь и, лаская ея родинки, мчится дальше).

Словомъ, изученіе риемы стихотворенія убѣждаетъ въ томъ, что двухстишіе, заключающееся въ народныхъ пословицахъ, элементарный видъ ритмической рѣчи. На строфахъ стихотворенія состоящихъ обыкновенно изъ четырехъ стиховъ, до сихъ поръ замѣтенъ еще этотъ постепенный ростъ стихотворной рѣчи. Принимая во вниманіе, что третій стихъ четверостишія часто не римуется съ предшествующими стихами, г. Б. Фабо высказалъ мысль ¹⁾, что основнымъ типомъ пѣсни у „туранскихъ“ народовъ является двухстишіе, а третій и четвертый стихи прибавлены уже послѣ, какъ своего рода припѣвъ, или новыя наслоенія. Правда, съ другой стороны, римованіе перваго, втораго и четвертаго стиховъ указываетъ, быть-можетъ, (въ иныхъ случаяхъ, безусловно), на вліяніе арабско-персидской метрики (строй газели, касиды и т. д.); но гипотеза объ иностранномъ вліяніи еще не разрѣшаетъ вполне вопроса, потому что третья строчка свободна отъ риемы не только у турокъ, но и у венгровъ, чувашей, башкиръ и т. д. ²⁾).

Чувство простолюдина, для котораго трудна еще сложность

¹⁾ B. Fabó, Rhythmus und Melodie der Türkischen Volkslieder (*Revue Orientale pour les études ouralo-altaïques*. Budapest. 1906 (VII). I., стр. 123.

²⁾ B. Fabó, *ibidem*.

выраженія, находитъ опредѣленный выходъ въ сочетаніи четырехъ стиховъ, или вѣрнѣе полустигій. Совокупность ихъ извѣстна у османовъ подъ именемъ „мані“.

Стихи (въ нашемъ значеніи этого слова) рѣшаются между собою опредѣленнымъ образомъ. Рѣша возможна двухъ родовъ: или рѣшаются первый, второй и четвертый стихи. Это обычный видъ четверостишія. Таковы напр., „мані“:

„Ај доуар *ајазланьр*.
Гүн доуар *бејазланьр*,
Гелін оладжакъ *кызлар
нем гідер, нем *назланьр*“

(Когда) рождается (новый) мѣсяць, становится холодно; когда рождается день, (все) начинаетъ бѣлѣть. Дѣвушки, которыя будутъ невѣстами, уходятъ, кокетничая).

Обыкновенно пѣсни уже измѣнили свой строй; такъ, въ нихъ рѣшование перваго стиха уже не обязательно; стало-быть, рѣшаются второй и четвертый стихи. Выписываю строфу изъ № 13, хотя онъ испорченъ:

„Бен (де) істемен шу дүнжанын зенетін,
Сон учунда оўм *олдукдамери*;
Ўтмесін (де) багчамда бўлбўлер бенім
Гонджа гўлўм *солдукдамери*“

(Я не хочу больше красотъ сего міра, разъ въ концѣ концовъ все-же будетъ смерть. Пусть не поють въ моемъ саду соловьи, когда завяла уже моя роза (въ бутонѣ)).

Такъ какъ часто послѣднія слова втораго и четвертаго стиховъ одинаковы, то, по общему правилу, рѣшаются предшествующія имъ слова. Напр. (№ 10):

„Ізмеһал беу јайласына гочўндже.
„bölge bölge јайлаларым *мал*“ *деміш*.
„һавасым(‘) алдым атдан деvedен,
дерде дерман олмазмыш *мал* „деміш“.

(Когда Измаиль-бей ушелъ лѣтомъ на кочевку, онъ сказалъ: „ну, мое кочевье, доставайся въ удѣлъ другимъ. Я потѣшилъ уже свое сердце на лошадахъ и верблюдахъ. Никогда еще богат-

ство не было цѣлительнымъ средствомъ отъ горя).

Видоизмѣнялась еще, строфа строится такимъ образомъ, что рѣчаются уже не только второй и четвертый стихи, но и первый и третій. Напр. № 8.

„Ezel ezel jüsekerden учардан,
Шинди бир энгине *индми ѡнул?*
Диреје денізе далуп гечеркен
Карада мензилін *алдыммы ѡнул?*“

(Между тѣмъ какъ прежде ты, сердце, парило въ предвѣчной выси, теперь спустилось ты въ пропасть? Между тѣмъ какъ прежде ты переваливало черезъ моря, теперь ты выбрало для себя убѣжищемъ сушу?).

Таковъ одинъ видъ четверостишій.

Часто въ строфѣ рѣчаются первые три стиха, а четвертый стихъ стоитъ тогда одиноко. Напр. (въ № 1):

„Гыр атым тавлада *бошаньрдана*,
Кѣкуп баламее *зюшеніркене*,
Аллар гејіп шалар *гушаньрдана*
Шимди кендір (кемер) сықди бellerimizi“

(Между тѣмъ какъ прежде мнѣ было лѣнь (отъ нѣги) встать и привязать своего сѣраго коня, когда онъ свободно гулялъ на дугу; между тѣмъ какъ прежде я подпоясывался алыми шалами, теперь увь, мой станъ стянуть простымъ льяннымъ кушакомъ).

Въ такомъ построеніи третій стихъ иногда такъ-же отдѣляется отъ общей рѣемы первыхъ двухъ стиховъ; но это уже искаженіе основнаго типа строфы, забытой въ устахъ простолюдина.

Таковы общія основанія строя четверостишія. Когда четверостишіе, какъ одинъ моментъ, служитъ для развитія сложной темы, такъ наз. туркѹ (въ отличіе отъ „шаркы“,—искусственно-лубочной поэзіи), то красота его построенія, быть-можетъ, даже его народная подлинность опредѣляется единствомъ основной рѣемы, т. е. такимъ образомъ, что заключительное слово четверостишія (такъ наз. „бенд“ или по-турецки: „баулама“,—связь) неизмѣнно повторяется въ всѣхъ строфахъ. Напр. (изъ № 3):

Ашамадым Беліградін дагларым,
 јаулыгым јүзүме дутдум, агларым.
 јісір вірдік Беліградін беүлерін.
 „Аман, ымдад!“ дірде аүлар *Belirad*.

үіне доүду аінан јылдыз.
 Гырк гүн қауга ітдік гіджелі гүндуз.
 јісір вірдік гырк елли биң гыз,
 Гозелері јісір гіден *Belirad*.

(Я никакъ не могъ переступить Бѣлградскія горы. Я приложилъ къ глазамъ платокъ и сталъ плакать: (Мнѣ было больно, что) мы отдали Бѣлградскихъ беевъ въ плѣнъ. „Ә-эй на помощь“! кричитъ сквозь слезы Бѣлградъ. Вотъ родился уже новый мѣсяцъ и звѣзды. Сорокъ дней дрались мы денно и ночью, тысячь сорокъ-пятьдесятъ дѣвушекъ взято было у насъ въ плѣнъ. Ахъ, (бѣдный) Бѣлградъ, красавицы котораго идуть въ плѣнъ!)

„Бенд“ или „баулама“: „*Belirad*“ идетъ черезъ всѣ строфы стихотворенія. (Обыкновенно ихъ должно быть въ стихотвореніи не меньше трехъ). Затрудняясь построить стихотвореніе съ одной римой, поэтъ предпочитаетъ часто повторять цѣликомъ четвертый, заключительный стихъ, и дѣлаетъ изъ него уже своего рода припѣвъ. Напр. (изъ № 41).

Ырмақ гечідіні јақын деділер,
 Алдатды бізі һайн гіділер,
 Гелен гелінсіз сеүмен сізін діділер.
Нетдин Гызыл Ырмақ Зелһа геліні?

Гаһнатасы геліні гузедір,
 Горүнджесі јуклук дүзедір,
 О гелен гелінсіз сеүмен бізе дір.
Нетдин Гызыл Ырмақ Зелһа геліні?

.....

Гаһн атасы діркі: „гелін гелмеді“.
 Гаһнанасы діркі: „десді долмады“.
 Гызыл Ырмақ једі дојмады.
Нетдин Гызыл Ырмақ Зелһа геліні?

(Говорили, что бродь черезъ Кызыл-Ырмакъ близокъ (удобенъ),

а онъ взялъ да и обманулъ насъ, чтобъ ему пусто было! „Это вашъ свадебный кортежъ безъ невѣсты, сказали они. Ахъ ты, Кызыл-ырмакъ, что это сдѣлалъ ты съ невѣстой Зюлейхой? Свекоръ все ждетъ да поджидаетъ свою невѣстку, сестра мужа приводить шкафъ въ порядокъ. Да, это нашъ тотъ кортежъ безъ невѣсты. Что же это ты сдѣлалъ, Кызыл-ырмакъ, съ невѣстой Зюлейхой?.... Свекоръ (ждалъ-ждалъ да и) говорить (равнодушно): „невѣстка застряла гдѣ-то, а свекровь (досадливо) замѣчаетъ: „да въ ведрѣ нѣтъ воды“ (и мнѣ самой придется снова ходить за водой). А Кызыл-ырмакъ поглотилъ ее въ свои воды, и все еще не насытился. Ахъ, Кызыл-ырмакъ, что это ты сдѣлалъ съ невѣстой Зюлейхой?)

Очень часто колебанія въ основной риѣмъ стихотворенія указываютъ или на искаженность стихотворенія, или на сочетаніе двухъ или нѣсколькихъ варіантовъ одной темы. „Баулама“, или точнѣе припѣвъ („накара“ или: „байрма“) иногда растягивается въ два стиха, и разнится отъ основной темы не только своимъ содержаніемъ, но и построеніемъ стиха ¹⁾.

Чтобы кончить со строемъ строфы, скажу еще нѣсколько словъ о цезурѣ. Въ семисложномъ стихѣ (т. е. въ „мани“) цезура приходится или послѣ четвертаго, или послѣ третьяго слога, а то и послѣ второго.

elinde | сары сіні,
северім | джандан сені,
кылына | елли курбан
верселер | вермем сені“.

(У тебя въ рукѣ желтый подносъ. Я люблю тебя больше себя; если за (каждый) твой волосъ дали-бы мнѣ пятьдесятъ барановъ, я не уступилъ-бы тебя).

Или:

„бір су ігітм | табактан,
леззет алдым | дудактан,
далда | јапрак калмады
Сінеме | бауламактан“.²⁾

¹⁾ В. *Fabó*, *ibid.*, стр. 123.

²⁾ Припѣвы взяты изъ мани Куноша въ изданіи акад. В. В. Радлова.

(Я вынулъ воды съ тарелки. Я вкусилъ прелесть губъ (твоихъ). На вѣтви (деревѣ) не осталось листьевъ послѣ обвязыванія (ранъ) на моей груди).

Въ одиннадцатисложномъ стихѣ цезура бываетъ послѣ четвертаго слога, а еще чаще послѣ пятаго и шестаго слоговъ, иногда послѣ восьмаго (что уже прямо объясняется строемъ одиннадцатисложнаго стиха). Напр.:

„Чешмесінде | аптас алынмаз | олду,
Месджидінде | намас кылынмаз | олду“

.....

(У источниковъ (Бѣлграда) нельзя уже стало совершать омовеніе, а въ мечети его нельзя уже стало молиться).

Дурнамын ганады | тыгундан еүрі
дөндүрмүш жөнүнү | сѣлаја доүрү“...

.....

(Крылья моего журавля изогнуты съ краю. Онъ повернулъ свое лицо прямо по направленію къ родинѣ).

„Kellerim баулы | гөндердiler jесире,
су дөкдүйер | алтымизда насыра“.

.....

(Меня отослали, какъ плѣнника, (въ тюрьму) со связанными руками. На насъ сверху на цыновку лили воду)..

V.

Техническая форма пѣсень.

Хотя для сужденія о техникѣ народной поэзій матеріалъ, заключающійся въ сборникѣ г. Гизе, не очень ужъ обилѣенъ, однако кое-какіе выводы напрашиваются сами собой. Въ этомъ отношеніи сборникъ г. Гизе представляетъ значительныя преимущества передъ раньше изданными сборниками народныхъ пѣсень потому, что собиратель впервые издалъ стихотворенія съ точнымъ обозначеніемъ имени и мѣста происхожденія пѣвца, со словъ котораго пѣсня записана. Стало-быть, является возможность опредѣлить распространенность той или иной пѣсни или образа. Второе удобство сборника состоитъ въ томъ, что для записи текстовъ

г. Гизе выбиралъ безграмотныхъ людей, которые обыкновенно въ теченіи своей жизни не выѣзжали никогда за предѣлы своей родины. Словомъ, въ сборникѣ г. Гизе собраны произведенія народной поэзіи, на которыхъ вліяніе искусственной поэзіи еще не замѣтно, какъ почти не замѣтно вліяніе городского быта.

Еще въ „Очеркѣ исторіи турецкой литературы“ проф. В. Д. Смирновъ высказалъ (вѣроятно, на основаніи матеріаловъ Виктора Максимова) мысль о поэтичности жителей Конійскаго вилайета ¹⁾. Очевидно, авторъ хотѣлъ подчеркнуть большую устойчивость народной поэзіи у тѣхъ турокъ, которые входятъ въ тѣсное соприкосновеніе съ туркменами или кочевыми турками (юрюками), въ изобиліи населяющими вилайеть. Сборникъ г. Гизе вполне подтверждаетъ эту мысль. Между тѣмъ какъ городской турокъ въ сутолокѣ повседневныхъ заботъ забываетъ поэтическое наслѣдіе дѣдовъ, для жителя деревень поэзія до сихъ поръ сохраняетъ значеніе вѣрнаго друга, къ которому онъ обращается какъ въ горѣ, такъ и въ радости. Оторванный отъ родины (отъ своей деревни), турокъ на чужбинѣ вспоминаетъ ее въ пѣсняхъ, насколько онѣ уцѣлѣли у него въ памяти; на чужбинѣ-же онъ, по извѣстному образцу, начинаетъ слагать новыя пѣсни, подъ которыми легко можно угадать старую основу. Вотъ этимъ-то объясняется, какъ я уже сказалъ, обиліе и интересъ собраннаго г. Гизе матеріала. Въ тюрьмѣ, разлученные со своими близкими, турки охотно дѣлились своими знаніями даже съ глюромъ, потому-что процессъ неоднократнаго повторенія пѣсенъ доставлялъ имъ самимъ высокое наслажденіе.

Матеріалъ, заключенный въ сборникѣ г. Гизе, записанъ отъ турокъ, туркменъ и юрюковъ; поддерживаемыя въ народѣ вѣроятно, профессиональными странствующими пѣвцами „ашиками“, всѣ эти пѣсни въ ихъ настоящей формѣ — общее достояніе; такъ объясняется подчасъ изумительное совпаденіе пѣсенъ не только съ ранѣе изданными османскими, но и съ пѣснями крымскихъ татаръ. (См. № 37). Однако, припоминая этнографическую сравнительную чистоту туркменъ или юрюковъ, мы въ ихъ творчествѣ должны искать первообразовъ народной турецкой (османской) поэзіи;

¹⁾ Всеобщая исторія литературы Корша-Кириичникова. Спб. 1891. (вып. XXV), стр. 440.

туркмены и юрки, какъ, въ меньшей степени, чѣмъ осѣдлые турки, затронутые культурой, тверже берегаютъ пѣсни; отъ нихъ уже пѣсни заимствуются турками. Для того, чтобы не быть голословнымъ въ своемъ положеніи, я разберу пѣсню № 55. Эта пѣсня, какъ содержащая въ себѣ только двѣ строфы, представляетъ обрывокъ, въ которомъ восхваляется храбрость айдынскихъ зейбековъ. Вотъ ея начало:

„Ајвалы дедіклері бір гүмүш дірек,
кесілен келелере дајанмаз јүрөк,
Аідін зебө гібі қахрыман герек.
„Вурун бабаларым!“ дер гош делі Исмаіл.

(Такъ называемый Айвалы—серебряный столбъ; сердце содрогается (при взглядѣ) на отрубленные головы. Герой долженъ быть подобенъ айдынскому зейбеку. „Ребята, бейте“, говоритъ герой Дели—Измаилъ“).

Въ Турецкой Имперіи существуетъ три мѣстечка съ именемъ „Айвалу“ (въ транскрипціи Киперта): одно—въ Европейской Турціи, около Салоникъ, другое—между Сивасомъ и Малатіей и третье—въ Конійскомъ вилайетѣ, къ юго-востоку отъ Испарты. Такъ-какъ пѣсня записана въ Конійскомъ вилайетѣ, очевидно, въ ней разумѣется свой Айвалы. Но этотъ городокъ (?), повидимому, такъ незначителенъ, что трудно объяснить мотивъ его хвалебнаго описанія. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ пѣснѣ (въ ея обѣихъ строфахъ) превозносится мужество айдынскихъ зейбековъ, невольно возникаетъ вопросъ: не есть-ли упоминаніе объ Айвалы позднѣйшей замѣной какого-либо другаго мѣста, имѣющаго отношеніе къ зейбекамъ? Дѣйствительно, въ Айдынскомъ вилайетѣ находится, напротивъ острова Митилень, городъ Айвалукъ, къ которому скорѣе можетъ подходить описаніе нашей пѣсни¹⁾. Нужно замѣтить, что Айвалукъ вообще знакомъ большинству турокъ. Очевидно, въ пѣснѣ, зашедшей съ юрками въ Конійскій вилайетъ, происходитъ процессъ перелицовки, въ данномъ случаѣ основанный на близкомъ созвучіи двухъ именъ. Резюмируя все сказанное, мы можемъ утверждать, что пѣсня сначала, по всей вѣроятности, была сложена зейбеками Айдынского вилайета

¹⁾ Кроме того, есть Айвалыкъ въ Брусскомъ вилайетѣ.

въ Айвалыкъ. Впослѣдствіи кочевники занесли эту пѣсню на свои зимнія квартиры („кышла“) въ Адалію, гдѣ мѣстечко Айвалыкъ было замѣнено именемъ Айвалы, больше говорящимъ мѣстному жителю, чѣмъ какой-то для нихъ чуждый Айвалыкъ. На органическую связь Айвалы съ пѣснью указываетъ его повтореніе въ первомъ стихѣ обѣихъ строфъ.

Вотъ еще примѣръ, указывающій на движеніе пѣсемъ къ туркамъ отъ туркменъ. Въ № 20, записанномъ отъ турка, восхваляется туркменка Элифъ, очаровавшая пѣвца во время стоянки каравана. Само по себѣ, это еще не могло-бы служить важнымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи пѣсни; но тамъ-же упоминается гора Бейдагъ, о которой уроженцу Хадыма (въ Конійскомъ вилайетѣ) мудро что-либо знать. Значить, какъ эта пѣсня, такъ въ еще большей степени № 29, посвященный въ первой своей половинѣ описанію прелестей Бейдага, могли возникнуть тамъ, гдѣ находится эта гора, т.-е. въ окрестностяхъ Малатіи. На построеніи № 20 (состоящаго всего изъ двухъ строфъ),— если только онъ искаженъ не случайно, — обнаруживается еще наивная неопытность пѣвца: въ первой строфѣ рима во всѣхъ четырехъ стихахъ одинакова, а во второй строфѣ римаются между собою два первыхъ стиха и два послѣднихъ.

Вообще, пѣсни, записанныя г. Гизе, дошли до насъ не въ ихъ первоначальной редакціи, а уже подновленные и подправленные. Этотъ процессъ передѣлки рѣзко ощущается на № 66, объ основной формѣ котораго мы чуть-чуть можемъ судить по небольшому отрывку, записанному г. Гизе со словъ „Аланлы Мевлуда“. Прозвище пѣвца отъ неотмѣченнаго на картѣ Киперта мѣстечка Аланъ, само по себѣ характерно для опредѣленія направленія, въ которомъ турки двигались въ Малую Азію. Въ окрестностяхъ Хоя, т.-е. въ Азербайджанѣ, есть долина, извѣстная подъ именемъ Алан-дере. По общему закону можно предположить, что въ нашемъ Аланѣ заключается отголосокъ старой географической номенклатуры, вынесенной турками на новую родину. Стало-быть, априорно мы можемъ предположить, что и запасъ пѣсеннаго творчества Алана Турецкой имперіи стоитъ въ связи съ творчествомъ Азербайджана. Но вернемся къ занимающей насъ пѣснѣ. Первые два стиха, какъ имѣющіе свою риму, для насъ пока не интересны.

Выписываемъ послѣдующіе три стиха (вся пѣсня № 43 состоитъ только изъ пяти стиховъ).

„Османын біндіүи ылдызлы еүер,
 һер гелен гуршуннар Османа деүер,
 Осман вурулмуш, бојнуну еүер“.

(Сѣдло (лошади), на которую садится верхомъ Османъ, вызолочено; всѣ надвигающіяся пули попадаютъ въ Османа; Османъ сраженный склоняетъ свою шею).

Упоминаніе объ огнестрѣльномъ оружіи не свидѣтельствуетъ еще объ особой старинѣ пѣсни; однако очевидно, это старый отрывокъ изъ пѣсни о какомъ-то Османѣ, павшемъ въ сраженіи. Теперь сравнимъ нашъ отрывокъ съ № 66. Передъ нами опять-таки Османъ:

„Османын біндіүи ылдыздан еүер,
 һер гелен гуршуннар Османа дөүер,
 бінер пайтона, Говјаја інер.
 Ачин мапус дамларыны! Осман геліјор
 Дөшеүин һанлары! арслан геліјор.
 . . . . .
 јалавашдан түтүн алдым сатмаҗа,
 седем сөле нишаным Аіша Фатмаја“.
 . . . . .

(Сѣдло лошади, на которую садится верхомъ Османъ, вызолочено; всѣ летяшія пули попадаютъ въ Османа. Онъ садится въ фазтонъ и останавливается въ Коніи. Эй вы, отворяйте тюрьмы: идетъ Османъ; разстелите по постояннымъ дворамъ ковры, идетъ левъ... Я купилъ въ Ялавашѣ табакъ. чтобы его потомъ продать (и попался); поклонись отъ меня моей невѣстѣ, Аншѣ-Фальмѣ...)

Эта пѣсня можетъ быть отнесена къ разряду разбойничьихъ. Въ ней описывается обычная исторія контрабандиста, схваченнаго сторожами табачной монополіи: „Режи“. Мотивъ ея (безакцизная торговля табакомъ) уже указываетъ, что эта пѣсня возникла за послѣднія лѣтъ тридцать, такъ какъ табачная монополія, какъ вообще все финансовое учрежденіе: „Dette publique“ введено въ Турціи послѣ ея банкротства. Въ сравненіи съ указаннымъ выше отрывкомъ на пѣснѣ сказалось паденіе народнаго творчества. Мы

встрѣчаемъ здѣсь такія понятія, какъ фазтонъ, которыя говорятъ о городскомъ вліяніи, разлагающемъ устои деревенской жизни. Странное на первый взглядъ сочетаніе двухъ разныхъ именъ: Аиша и Фатъма объясняется желаніемъ пѣвца подобрать риму къ предыдущему „сатмауа“. Такъ, по старому трафарету сюжета о гибели героя, выѣзжающаго въ битву на осѣдланномъ конѣ, сложилась пѣсня о контрабандистѣ, потому что для турка всякая схватка съ кѣмъ-бы то ни было всегда остается моментомъ высшаго проявленія доблести человѣка. Я сказалъ-бы даже, что эта пѣсня сложена въ тюрьмѣ, на что указываютъ первые два стиха № 43. въ которыхъ сквозитъ грусть, а такъ-же, конечно, 4-ый стихъ № 66.

Въ № 28 первая строфа, неясная по своему содержанію, стоитъ особнякомъ отъ всего стихотворенія, и очевидно, представляетъ обрывокъ изъ какого-то болѣе древняго образца:

„Уджа дѣ башында јанар бір ышiq,
ышыуы беклејен бір гарып ашiq,
ақ буудай бенізілі зілфі долашік:
„гітме ауам“, дірде, јолун еулен вар“.

(На вершинѣ высокой горы горитъ огонь, чужой „ашикъ“ бродячій пѣвецъ) сторожитъ огонь. (Возлюбленная), съ родниками съ пшеничное зерно и съ развѣвающимися кудрями, говоритъ: повелитель мой, не ходи: тебя подстерегаютъ на дорогѣ!).

Впослѣдствіи образы этого стихотворенія затемнились, и оно слилось съ другими стихотвореніями, а отдѣльные стихи стали варьировать.

Какія-же причины вліяютъ на контаминацію пѣсенъ? Вѣроятно, это происходитъ вслѣдствіе закона ассоціаціи идей. Разъ въ пѣснѣ воспѣвается какое-нибудь лицо, пѣвецъ сейчасъ-же вспоминаетъ другую пѣсню, можетъ-быть, даже съ другимъ содержаніемъ, только потому, что дѣйствующія лица одинаковы. Какъ на образецъ такого сліянія, укажу на № 11. Повидимому, въ пѣснѣ слито два варіанта о паденіи какого-нибудь дере-бея, властвовавшего надъ Чукуръ-ова (равнина въ Адаанскомъ вилайетѣ). Заключительный стихъ строфы, въ которомъ выражается сожалѣніе объ утратѣ владѣній, на протяженіи всѣхъ семи строфъ, правда, одинаковъ, но послѣднія двѣ строфы построены иначе, изъ чего можно заключать, что это уже другой варіантъ той-же пѣсни. Воз-

можно, что въ пѣснѣ сохраняются отголоски о возникновеніи пѣсни у айдынскихъ кочевниковъ; съ этой точки зрѣнія объясняю я себѣ упоминаніе въ пѣснѣ Менемена (городокъ къ сѣверу отъ Смирны),—если только здѣсь не имѣется въ виду какой-нибудь другой Менемень. Хотя такимъ образомъ запѣвы строфъ въ пѣснѣ различны, происхожденіе ихъ изъ одного источника (разсказъ о Келинъ-оглу) закрѣпляется повтореніемъ заключительнаго стиха.

Вообще, въ привольѣ степи Чукур-ова у кочевниковъ кажется, создалась не одна пѣсня. (Ср. такъ же № 6, построенный на мелодіи, называемой Чукур-ова; № 37).

Пѣсня № 40 о Бозбеѣ заключаетъ въ себѣ два мотива. Съ одной стороны, здѣсь повторень мотивъ, уже разработанный въ № 18 о Бозбеѣ, вынужденномъ смириться передъ визиремъ. Вѣроятно, это—„бей“, глава какого-нибудь юрцкаго племени, на обязанности котораго прежде лежало собраніе податей съ юрковъ. Впослѣдствіи этотъ „чинъ“ былъ уничтоженъ турками, и въ пѣснѣ изображено паденіе бея. Повидимому, это толкованіе подается организацией юрцкихъ племенъ, насколько она намъ извѣстна изъ работы д-ра Цакироглу¹⁾. Съ другой стороны, чувство грусти, вызванное въ лѣвцѣ уходомъ Бозбея, напомнило ему другой грустный мотивъ,—изображеніе тоски по родинѣ „хаджи“ (паломниковъ), и онъ осложнилъ первый мотивъ введеніемъ нѣсколькихъ строфъ изъ второй пѣсни.

Впрочемъ, для болѣе прочныхъ выводовъ объ исторіи пѣсенъ и ихъ миграціи, обязательно ихъ изученіе въ связи съ мелодіями.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію поэтическихъ образовъ въ народныхъ османскихъ пѣсняхъ, скажу два слова объ особенностяхъ стилизаціи пѣсенъ.

1) Очень часто пѣсня сложена въ формѣ *діалога*, въ которомъ заключается состязаніе между парнемъ и дѣвушкой. Быть можетъ, діалогъ, или участіе въ пѣснѣ двухъ лицъ исконное свойство поэзіи „урало-алтайскихъ“ народовъ. Во время пѣнія одного изъ нихъ, другой, предоставленный своимъ мыслямъ, подготавливаетъ на досугъ отвѣтную реплику. На діалогъ построено большинство

¹⁾ Въ нѣмецкомъ переводѣ г. Видемана работа была напечатана въ журналѣ *Das Ausland*. 1891. № 18 и 19.

народныхъ поэмъ, распѣваемыхъ подъ аккомпаниментъ „саза“ „ашиками“ (бродячими пѣвцами).

2) Строфы пѣсни открываются часто стихомъ, въ которомъ проводится *одна мысль, или воспѣвается какое-либо новое свойство или качество одного и того-же мѣста, лица или предмета.* Это такъ-же даетъ пѣвцу возможность подготовиться къ дальнѣйшему содержанію. Напр., № 4, гдѣ въ началѣ первыхъ трехъ строфъ упоминаются журавли:

„Дурнамъ ганады тыуындан сүрі“

.....

„дурнам, горгаммы сын борандан гышдан?“

.....

„дурнам, нирде олур сізін (мескяныныз) елініз?“

.....

(Крылья моего журавля изогнуты съ краю.... Развѣ ты, журавль, не боишься зимы и бурь? .... Журавль, (скажи), гдѣ-же ваша родина?).

Или конецъ № 11 (гдѣ повторяется дважды городъ Адана):

„Аданамъ баі рына орлусун гурду“

.....

„Аданамъ сују* енгіне акар“

.....

(Онъ разставилъ свое войско у холмовъ Аданы .... Воды Аданы текутъ въ долину).

Или № 19 (гдѣ въ первыхъ двухъ строфахъ упоминается снѣгъ, покрывающій вершину горы, хотя въ данномъ случаѣ, быть-можетъ, эти строфы просто-на-просто приходится считать вариантами):

„Јүдже да башында хар белік белік“

.....

„Јүдже да башында бір белік хар ідім“.

.....

(На вершинѣ высокой горы кучами лежитъ снѣгъ.... На вершинѣ высокой горы я былъ кучей снѣга).

Или № 20 (восхваленіе туркменки Элифъ), № 23 (описаніе жен-

ской прелести, построенное на постепенной градаціи возраста) и т. д.

3) Для того, чтобы легче удержать пѣсню въ памяти, пѣвецъ заключаетъ обыкновенно строфу *повтореніемъ одного и того-же стиха или повтореніемъ одного и того же слова*. Это такая характерная черта турецкихъ пѣсней, что больше останавливаться на ней не стоить.

4) Очень часто поэтъ, прежде чѣмъ перейти къ главному мотиву пѣсни, начинаетъ съ какой-нибудь *картинки природы* или съ *какою-нибудь сравненія изъ жизни другаго цорства природы*, и такъ подготавливаетъ читателя къ главной своей темѣ.

Напр. № 21:

Бір сел гелді алды гіді копрүсун,
Мамыр сандым, віранумуш јапысы,
Гапанды ачїлмас һаджат капсы,
Бір ділеклерім қабыл олмады гіді.

(Забурлилъ бурный потокъ; сорвалъ мостъ и помчался дальше; я думалъ, что мостъ крѣпкій, между тѣмъ оказывается, онъ былъ выстроенъ на гнилой основѣ. Дверь нуждъ закрылась передо мной, и больше не открывается; ни одно мое желаніе не исполнилось и (все) пошло прахомъ).

Здѣсь, прежде чѣмъ открыть свое горе, поэтъ рисуетъ опустошеніе, произведенное бурнымъ потокомъ.

5) Образы народныхъ пѣсней *не стоятъ одиноко отъ строя другихъ родовъ народнаго творчества*. Стихи отдѣльные зачастую представляютъ ничто иное, какъ нѣсколько видовизмѣненныя пословицы, что я и отмѣчаю дальше, при разборѣ отдѣльныхъ пѣсней; кое-гдѣ въ пѣсняхъ можно уловить сказочные, т. е. гиперболическіе образы. Напр. въ діалогѣ между дѣвушкой и парнемъ (№ 60) дѣвушка въ отвѣтъ на хвастовство добивающагося у нея признанія въ любви юноши, замѣчаетъ ему:

„сенін гібі жігітлер келесінден одалар јапарым“.

(Изъ головъ джигитовъ, подобныхъ тебѣ, я выстрою комнаты, или, быть-можетъ: я заполню комнаты головами джигитовъ, подобныхъ тебѣ).

Кажется, это намекъ на сказочный мотивъ о дѣвушкѣ, у ногъ которой сложили головы тысячи юношей.

6) Отмѣтимъ также характерное введеніе, для живости рѣчи, *вопросовъ или антитезы*:

(Изъ № 62)

„Һер ачѣлан бајрак дүүүнмү санды?
Һер ескере гідені гелірімі санды?“.

(Ужъ не думала-ли она (т. е. смерть), что разъ развѣвается знамя, такъ ужъ и свадьба; ужъ не подумала-ли она, что кто идетъ въ солдаты, такъ ужъ и вернется?)

Или (изъ № 8):

„ezel ezel jüseklерден учарқан
шінді бір енгіне індімі гөнү!“?

(Между тѣмъ, какъ прежде ты, сердце, все носилось въ выси, теперь ты спустилось въ долину)?

Пѣсни, записанныя г. Гизе, дѣлятся на слѣдующіе виды: 1) свадебныя, 2) причитанія, 3) военно-разбойничьи и 4) лирическія.

Для характеристики каждаго рода пѣсень матеріалъ нашъ слишкомъ недостаточенъ; поэтому я остановлюсь только на бѣгломъ разборѣ технической формы пѣсень военно-разбойничьихъ и лирическихъ. Предварительно, впрочемъ, скажу два слова о свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ.

Въ *свадебныхъ пѣсняхъ* (у г. Гизе записанъ интересный номеръ) (см. № 56) мы можемъ установить три момента: 1) обрядъ одѣванія невесты, 2) жалобу дѣвушекъ, расстающихся съ подругой невесты. Второй моментъ представляетъ крупный интересъ для опредѣленія униженнаго положенія невесты въ домѣ свекра. Пѣсня не вдается въ подробный разборъ семейныхъ отношеній (этотъ наболѣвшій вопросъ слишкомъ хорошо извѣстенъ слушателямъ, чтобы нужно еще было усиливать горечь разлуки), а объясняетъ печальный удѣлъ женщины просто-на просто такимъ образомъ, что дѣвушку выдаютъ за немилаго, за „человѣка, не знающаго ей цѣны“. 3) Наконецъ, третій моментъ, едва намѣченный, заключается плачъ невесты. Вообще, г. Гизе не удалось записать характернаго плача невесты, а эти пѣсни, вѣроятно, въ большемъ количествѣ распространены среди кочевниковъ. Въ свадебномъ ритуалѣ плачъ невесты и подругъ ея связанъ съ обрядомъ „жены“¹⁾.

¹⁾ Особая краска, которой женщины на востокѣ красятъ ногти и волосы.

соотвѣтствующимъ нашему дѣвичнику. Объ этомъ я какъ-нибудь особо поговорю подробнѣе.

Причитанія, равно какъ свадебныя пѣсни, сохраняются главнымъ образомъ женщинами. Мнѣ пришлось разъ украдкой наблюдать, какъ въ одной турецкой деревнѣ женщины, усѣвшись около избы, хоромъ оплакивали чью-то смерть; но наблюденія были прерваны моимъ возничимъ-христіаниномъ, взволнованнымъ тѣмъ, что я такъ пристально слѣжу за мусульманками. Обыкновенно въ причитаніи мать образно скорбитъ о смерти своего сына, жалуясь на тирана „Хаджи Араба“ (т. е. смерть), или же восхваляетъ своего сына, отчего пѣсня иногда сбивается на воинскую пѣсню, превозносящую героя; но характернымъ признакомъ причитанія является обращеніе матери къ умершему сыну, котораго она называетъ разными нѣжными именами, какъ напр.: „Абыднымъ“ десін анам, аҹласын (пусть моя мать всхлипывала, будетъ звать меня: ахъ, мой Абыдинъ!) или *Топ зүлүфлүм*“ (мой кудрявый мальчикъ) и т. д.

Военно-разбойничьи пѣсни. Прежде всего вниманіе пѣвца сосредоточено на описаніи коня. Онъ называетъ его сѣрымъ (*кыр ат*) или обозначаетъ его породу (*араб аты*). Снаряжалась въ дорогу, кладетъ на него золотое сѣдло (*жылдызлы ежер*).

Когда онъ мчится на конѣ, подковы котораго сверкаютъ въ воздухѣ, грива его развѣвается, гудить, какъ свирѣль.

Приготовленіе всадника къ бою несложны, такъ-какъ въ битву онъ несетъ унаслѣдованную отъ отцовъ отвагу, и быстрымъ порывомъ сомнетъ противника. Его оружіе—лукъ, висѣвшій мирно на стѣнѣ, копье въ девять четвертей (*докуз тутам гары*), или острый ножъ (*кескин бычак*), его вѣрный послушный другъ (*уҹгур аркадан*).

Словомъ, стереотипная картина героя въ бою рисуется такъ (въ № 15):

„(Ja бiре), бiнсүдiм (де) гыратымын үстүна,
Алаидiмда боз гаргымы десдiма!
Беш жүз Аушар гессе беним үстүме,
Jalim аташе жанан аҹласын“.

(Э-эхъ, сѣсть-бы мнѣ было на сѣраго коня, взять-бы мнѣ было въ руки темное копье. Если-бы (даже) пятьсотъ авшаровъ устре-

милось противъ меня, возрыдаетъ тотъ, кто попадетъ подь мой убійственный огонь).

Четвертый стихъ стереотипной строфы, и иногда и третій видоизмѣняются въ зависимости отъ содержанія пѣсни.

Выстроившись въ рядъ со знаменемъ впереди, всадники несутся въ горы, потому-что въ ущельѣ они засядутъ и будутъ поджидать врага. Какъ-только врагъ покажется, изъ ихъ среды вырвется какой-нибудь храбрець (*юч жігіт*) и крикнетъ товарищамъ: Эй, „ребята, ударьте на нихъ (*вурун, бубаларым*). Закипитъ бой, сорокадневный бой, и окрасятся горы потоками крови.

Какъ продолжительность битвы, такъ и число павшихъ воиновъ или плѣнныхъ выражается часто эпическимъ числомъ: сорокъ, которое въ народной жизни турокъ, какъ впрочемъ и въ жизни другихъ народовъ (напр., свреевъ), играло большое значеніе (вѣроятно, вслѣдствіе роли „сорокоустовъ“ въ жизни женщины).

Кто-же ихъ враги? О, это правительство, трехбунчужные беи (*үч түгүлу беглер*), которые хотятъ сломить непокорныхъ деребеевъ, чтобы утвердить среди свободлюбивыхъ кочевниковъ государственную власть. Съ обѣихъ сторонъ падаютъ войны; ихъ отрубленные головы лежать по всему полю, и герои, наполнивъ ими мѣшокъ, будутъ впослѣдствіи хвастаться своими побѣдами:

„Jütже дá башына чикдым отурдум,
hebe ilen kelleler гетірдім“.

(Я взобрался на высокую гору и усѣлся тамъ. Я принесъ съ собою мѣшокъ съ отрубленными головами), гордится въ пѣснѣ юрюкъ.

Передъ смертью въ жизни турка происходитъ крупный переворотъ; его душа какъ-бы смягчается, и онъ обращаетъ свои взоры на родину, гдѣ остались его родители или семья. Въ предсмертномъ завѣщаніи турка сказывается вся глубина его чувства. Ему вспоминается мать, поджидаящая на дорогѣ своего сына, и чтобы убѣдить ее въ своей смерти, онъ пересылаетъ ей со своими товарищами окровавленную рубашку. Этотъ старый международный обычай, соблюдавшійся, какъ мы знаемъ изъ исторіи объ Іосифѣ, у свреевъ, въ османской народной литературѣ обратился въ поэтическую формулу, для аллегорическаго изображенія смерти.

Вѣсть о смерти сына сразить мать; она будетъ рвать на себѣ волосы, и только мысль о невѣстѣ сына дастъ ей какое-нибудь утѣшеніе. Но еще чаще вспоминаются герою на полѣ битвы дѣти, которыхъ онъ прегнантно величаетъ сиротами.

Иногда на долю героя выпадаетъ плѣвъ; ему связываютъ сзади руки и ведутъ на чужую сторону, гдѣ ему еще живѣе представляется привольная жизнь на родинѣ. Такъ въ большинствѣ случаевъ кончается реальная битва; но воображеніе героя рисуетъ ему былыя картины изъ жизни его знаменитыхъ предковъ, когда слава объ ихъ побѣдахъ гремитъ всюду отъ Малой Азіи до Индіи и даже гордые египетскіе бои цѣлуютъ, въ знакъ покорности, его руку.

Лирическія пѣсни. Этотъ родъ пѣсенъ наиболѣе обилень. Созерцаніе всякой красоты, а женской въ особенности, пробуждаетъ въ поэтѣ дремавшія дотолѣ чувства, и онъ воспѣваетъ дѣву, подъ влияніемъ которой въ его душѣ произошелъ переворотъ. Нельзя сказать, чтобы идеалъ поэта заключалъ въ себѣ гармоническое сочетаніе нравственныхъ достоинствъ. Для него нравственная сторона стоитъ на второмъ планѣ, и онъ занятъ главнымъ образомъ, наружностью дѣвы. Если онъ хочетъ однимъ словомъ выразить свое восхищеніе, онъ называетъ ее распускающейся розой, или бутонномъ. Вообще, какъ въ этомъ сравненіи, такъ и въ послѣдующихъ, иногда трудно подмѣтить черты истинно-турецкой поэзіи; скорѣе, это обще-восточный идеалъ, нашедшій себѣ еще раньше художественное выраженіе въ персидской поэзіи. Я не думаю, чтобы въ этомъ сказалось позднѣйшее влияніе персидской лирики; вѣроятно, это отголосокъ совмѣстной жизни турокъ и персовъ въ Средней Азіи. Стройная, какъ кипарисъ, или какъ элифъ, дѣвушка производитъ впечатлѣніе своимъ лицомъ („лунообразная“), глазами газели и родинкой. Въ оцѣнку ся характера поэтъ вдается лишь по-стольку, по-скольку она не отвѣчаетъ на его ухаживанія, и тогда онъ, какъ epitheton ornans называетъ ее „назлы“ (кокетка). (Чувственно-наивное воспѣваніе женщины заключается въ № 54). Конечно, пѣсня преимущественно останавливается на восхваленіи дѣвушекъ, сладкихъ въ воображеніи поэта, какъ медь, такъ-какъ замужня женщина на востокѣ уже не пользуется особымъ вниманіемъ. Пѣсня мѣтко рисуетъ ихъ забитость, говоря, что это — „рабъ, который идетъ, куда ты его ни потянешь“.

Весь интересъ къ женщинѣ сохраняется, только пока она остается дѣвушкой, и пѣснь изображаетъ зарожденіе любви между дѣвушкой и парнемъ въ видѣ борьбы между двумя птицами. Дѣвушка—куропатка, тревожно убѣгающая отъ настигающаго ее сокола. Но эта борьба бесполезна, такъ-какъ онъ рано или поздно настигнетъ ее. Этотъ мотивъ, широко распространенный не только у турецкихъ народовъ, но и у славянскихъ, представляетъ пѣсенную обработку сказокъ изъ типа о „хитрой наукѣ“.

Затѣмъ, судьба ея уже незавидна; зачастую свѣзость тѣла, пылъ страсти отдаются человѣку, ея недостойному, который убиваетъ въ ней всѣ ея молодые порывы.

Однако когда дѣвушка отклоняетъ ухаживаніе парней, она въ ихъ глазахъ скрываетъ притягательную силу, и нерѣдко отвергнутый дѣвушкой, парень, не будучи въ состояніи совладать съ своимъ чувствомъ, покидаетъ родину и гдѣ-нибудь на чужбинѣ отдается грусти и жалобамъ на свою горькую участь. Въ пѣсняхъ неудачная любовь выражается въ такихъ чертахъ: поэтъ, вспоминая о быломъ времени, когда онъ былъ желаннымъ гостемъ, говоритъ, что теперь онъ долженъ уже смотрѣть на свою возлюбленную откуда-то изъ-за угла; или онъ идетъ, заложивъ руку за пазуху.

Обыкновенно, какъ я сказалъ, разочарованіе служить одной изъ причинъ оставленія родины; во всякомъ случаѣ, отрѣзанный отъ родины, поэтъ на чужбинѣ прежде всего вспоминаетъ о своей милой, въ которой сосредоточена для него вся прелесть родины. Думы о родиѣ пробуждаются въ немъ при видѣ журавлей, несущихся по направленію къ его деревнѣ, и онъ высказываетъ тогда желаніе полетѣть вмѣстѣ съ ними; или, сознавая бессмысленность такого мечтанія, онъ проситъ только свезти отъ него поклонъ его дорогимъ. Случается, что его старая рана вскрывается на чужбинѣ отъ пѣнія соловья. Тамъ на родиѣ подъ трели соловья онъ ворковалъ со своей возлюбленной, а теперь пѣвецъ весны только еще острѣе говорить о разлукѣ, и онъ умоляетъ его смолкнуть, такъ-какъ на сердцѣ у него залегла злая тоска. На зарѣ поэтъ часто обращается къ зеніру, который вольно всюду летаетъ и можетъ ласкать своимъ нѣжнымъ дыханіемъ его возлюбленную.

Отчего-же жизнь человѣка полна страданій, задаетъ поэтъ во-

прось? Кто въ этомъ виновать? И какъ истинный мусульманинъ, міровоззрѣніе котораго совпадаетъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи вообще со взглядами всякаго народа, онъ сваливаетъ всю вину на судьбу. Это—она, развратница (*Kahbe-felek*), разлучаетъ влюбленныхъ; она вынуждаетъ человѣка бросить родину; словомъ, это она подсѣкаетъ человѣку крылья или бьетъ его ружьемъ и сгибаетъ его станъ. Отчего, какъ пессимистъ, поэтъ отказывается отъ преходящихъ радостей сего міра, лживаго и коварнаго. Человѣку бороться съ судьбой не подъ силу: онъ чахнетъ, склонивъ свою голову на подушку и умираетъ, схваченный ангеломъ смерти (*hadжі arab*). Впрочемъ, смерть не очень ужъ его печалитъ; неизбѣжность такого удѣла примиряетъ съ ней: вѣдь, замѣчаетъ поэтъ по-гораціевски, не только простые людишки, но и герои (*юч жіґит*) сойдутъ на ложе черной земли (*кара топрак*).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, я приступаю къ детальному разбору изданныхъ г. Гизе пѣсень, а затѣмъ, въ приложеніи, дамъ обзоръ сказокъ.

VI.

Разборъ пѣсень. ¹⁾

№ 1. Это жалобное причитаніе юрюка, томящагося въ плѣну. Изображая тоску юрюка, поэтъ вспоминаетъ о какой-то королевнѣ, которая, будучи взята въ плѣнъ, была отдана замужъ за Хюсейна.

Разъ основная риѐма стихотворенія: „мызы“... (јолларымызы, bellerimizi, güller(i)mizi, ellerimizi), первая строфа построена неправильно (олурса не риѐмуетъ съ jelleri, hallari). Впрочемъ, „јолларымызы“ замѣняетъ, вѣроятно „јоллари“, и такимъ образомъ риѐмуются первый, второй и четвертый стихи. Выраженіе: „јол сатын алмак“ (въ четвертомъ стихѣ ²⁾) скорѣе значитъ: притти вмѣсто другаго, т. е. поэтъ хочетъ сказать: мнѣ нужно-бы быть со своимъ племенемъ; но я въ плѣну, пусть кто-либо изъ

¹⁾ Чтобы не затруднять типографіи, не располагающей специальными знаками для изображенія восточныхъ звуковъ, я не буду строго-педавантиченъ въ транскрипціи словъ.

²⁾ Для удобства я буду называть восточное полуступише стихомъ.

монхъ родственниковъ придетъ и выручить меня. Въ четвертомъ стихѣ 2-ой строфы слово: „кемер“ лишнее.

№ 2. Поэтъ хвалитъ своего коня, который, разсѣкая степи, несетъ сѣдока къ возлюбленной.

Въ третьемъ стихѣ 2-ой строфы должна быть элидирована гласная слова: „дервендіні“, т. е. „ысаклы дервендін' ашдыкдангері“ (переваливъ ущелье Исаклы). Кажется, и у туркменъ звуковыя сочетанія: „кд“ недопустимы, и объясняются въ транскрипціи медленностью записи текстовъ, когда говорящій забываетъ уже о физиологической природѣ звука слова, заключающаго первую составную часть выраженія.

№ 3. Поэтъ картинно изображаетъ скорбь турецкихъ солдатъ, вынужденныхъ, подъ давленіемъ „семи королей“ (намекъ на европейскую коалицію послѣ русско-турецкой войны) сдать Бѣлградъ. Разумѣется, пѣсня создавалась въ Румелии (Европейской Турціи), ¹⁾ а оттуда солдаты занесли ее въ Анатолю. Между прочимъ, ее распѣваютъ въ окрестностяхъ Измида (Никомедіи).

Во 2-ой строфѣ, а также въ третьемъ стихѣ 4-ой строфы метрическіе недочеты. Въ 3-ей строфѣ характерно употребленіе слова: „месджид“ вм. „джами“. Правда, прежде „месджид-ул-джами“ называлась большая мечеть, но теперь „месджид“ означаетъ вообще небольшую мечеть, въ которой не совершается общая полуденная (вторая) молитва въ пятницу. Въ третьемъ стихѣ 4-ой строфы напрасно г. Гизе понялъ „ушаклар“ какъ солдаты; какъ видно изъ контекста, „ушаклар“ значитъ здѣсь дѣти; т. е. дѣти, не находя матерей, поднимаютъ плачь.

№ 4. Глядя на вереницу журавлей, которые летятъ на востокъ, поэтъ вспоминаетъ о своей родинѣ и проситъ ихъ взять его съ собой.

Журавль въ турецкой народной поэзіи (какъ и въ европейской) изображается, какъ вѣрный вѣстникъ человѣка, разлученнаго насильно съ родиной.

Первый стихъ нужно такъ перевести: „крылья моего журавля изогнуты съ краю“. Переводъ г. Гизе былъ-бы вѣренъ, если-бы „тыгундан“ было употреблено безъ мѣстоименнаго аффикса, т. е. „тыгудан“. Вообще, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и дальше, напр.

¹⁾ Ср. „Будів тѣркѣсѣ“. *J Kinos*. Адба-Кале... № 78.

(въ № 5) ошибка г. Гизе заключается въ томъ, что встрѣчая рядомъ съ прилагательнымъ или нарѣчіемъ исходный падежъ, онъ принимаетъ его за сравниваемый предметъ сравнительной степени. Во второмъ стихѣ 1-ой строфы нужно читать не jōvūn, а jōvūnū, третій стихъ коротокъ: не хватаетъ двухъ слоговъ; во второмъ стихѣ 2-ой строфы не хватаетъ одного слога; въ первомъ стихѣ 3-ей строфы слово: „мескяныныз“ лишнее; возможно, что слово было прибавлено пѣвцомъ, чтобы пояснить собирателю пѣсенъ значеніе: „elīniz“; во второмъ стихѣ 3-ей строфы нужно читать „kōjūne“ (въ три слога), а не „kōjne“; въ первомъ стихѣ 4-ой строфы одинъ слогъ лишній; „чѣтак“ (во второмъ стихѣ 4-ой строфы) означаетъ: „мулатъ“, мухаджиръ (переселенецъ), и стало-быть, грубый, мужикъ; въ третьемъ стихѣ одинъ слогъ лишній: вѣроятно, деревня „Посала“ иначе произносится (въ два слога?). Жители Бозгыра, расположеннаго въ горахъ, извѣстны въ Коніи своей грубостью и жестокостью, вотъ почему поэтъ совѣтуетъ журавлямъ не останавливаться тамъ.

№ 5. Среди звѣздъ на небѣ поэтъ замѣчаетъ вѣсы, которые невольно напоминаютъ ему о страшномъ судѣ. Какъ правовѣрный мусульманинъ, онъ смиряется передъ смертью, неизбѣжнымъ удѣломъ всѣхъ людей, даже героевъ.

Стихотвореніе записано въ искаженномъ видѣ: основная рима: „дурур“ не выдержана во всѣхъ строфахъ; слово: „торезі“ (въ третьемъ стихѣ 1-ой строфы), употреблено только потому, что поэтъ, очевидно, не могъ подобрать другой римы. Съ формальной точки зрѣнія требовалось другое слово, такъ-какъ первый стихъ уже заканчивается словомъ: терезі; да и со стороны содержанія „терезі“ послѣ „мізан“ представляетъ плеоназмъ. Что касается слова „jīrīmek“ (во второмъ стихѣ 2-ой строфы), то оно и въ Коніи употребляется въ значеніи: капризничать (о беременной женщинѣ), напр. аш jīrīmek (говорятъ такъ-же: jērīmek); jērūklū (капризный) извѣстно въ Сивасскомъ вил.. Третій стихъ той-же строфы длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на два слога. Во второмъ стихѣ 3-ей строфы гласная персидскаго изафета должна быть элидирована, т. е. арш' айлаја (ai—дифтонгъ); въ третьемъ стихѣ—одинъ слогъ лишній. Четвертая строфа заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя подробности изъ обряда мусульманскихъ похоронъ. Первый стихъ (въ которомъ, кстати, два слога лишнихъ) просто-на-просто указыва-

еть на людей, поддерживающихъ съ *четыре*хъ сторонъ „носилики“, на которыхъ лежитъ покойникъ. Второй стихъ переведенъ безусловно невѣрно; нужно: „съ носилкѣ они спустили меня внизъ“ (т. е. въ могилу). Какъ извѣстно, мусульманъ не хоронятъ въ гробахъ; но чтобы сберечь покойника въ могилѣ, его кладутъ (въ горизонтальномъ положеніи) въ нарочно вырытую нишу, которую прикрываютъ досками, и затѣмъ засыпаютъ могилу. Доски, какъ суевѣрно думаютъ турки, должны напомнить покойнику, въ случаѣ если-бы онъ проснулся, ударившись о нихъ головой, что онъ покончилъ съ землей всѣ счеты. Въ четвертомъ стихѣ нужна элизія: „јарданм' ајрылыр?“ (можетъ-ли разстаться съ другомъ)?

№ 6. Пѣсня, какъ справедливо замѣчаетъ г. Гизе, представляеть для перевода рядъ трудностей. Съ одной стороны, отъ начала до конца въ ней встрѣчаются метрическія ошибки, а съ другой стороны—здѣсь слиты два варианта одной пѣсни. Очевидно, столкновенія туркменъ съ правительствомъ; напасти, выпадавшія на ихъ долю вслѣдствіе неповиновенія пашамъ, были одной изъ любимыхъ темъ народнаго турецкаго творчества. Въ нашей пѣснѣ рассказывается исторія турка, который, спасаясь отъ тюрьмы, бѣжалъ въ Египеть; но тоска по родинѣ взяла свое, и онъ вернулся обратно.

Первый стихъ 1-ой строфы, кажется, нужно понимать иначе. Если читать его такъ, какъ записалъ г. Гизе, въ немъ оказывается 15 слоговъ! Я предполагаю, что пѣвецъ, начиная пѣсню, заявилъ слушателямъ, что мелодія ея—„Чукур ова“, а г. Гизе второпяхъ внесъ эти слова въ стихъ, и получилась бессмыслица. Этотъ стихъ стало-быть, можно такъ понять: „иди-ка себѣ, иди, не отъ кого тебѣ ждать пользы!“ Во второмъ стихѣ, слово: „бенім“—лишнее. Возможно, что въ пѣсняхъ „kellerim“ употребляется вмѣсто: *ikiellerim* (мои обѣ руки), но здѣсь, по требованію метра, нужно читать: „elim“ (въ первомъ стихѣ 2-ой строфы). Во второмъ стихѣ упоминается объ одномъ изъ видовъ наказанія преступниковъ: для того, чтобы вынудить у заключеннаго признаніе, его раздѣвали наголо и сажали въ темную конуру; въ потолка были щели и черезъ нихъ непрерывно лили воду, которая стекала въ особое отверстие въ полу. Тяжесть наказанія поэтъ сравниваетъ съ плѣномъ. Въ третьемъ стихѣ нужно вычеркнуть слово: „уладжани“; форма: „бісемидім“, съ повторнымъ окончаніемъ

1-аго лица (вм. *bilseidim*) нѣсколько подозрительна; удобнѣе здѣсь читать: „биссем“, иначе число слоговъ=17! Слово: „чек“ въ томъ же стихѣ г. Гизе сближаетъ съ „чак“, и отсылаетъ читателя къ грамматикѣ Августа Мюллера. Мнѣ кажется, возможно производить слово отъ глагола: „чек“ (мек), т. е. „чек“ употреблено вмѣсто „чекіб“. Третья строфа искажена, ибо странно читать въ ней на ряду съ многолѣтіемъ Хасанъ-пашѣ, восхваленіе лошади пѣвца. Что касается перваго стиха, то хотя число слоговъ правильное (11), однако первое слово: „јашада“ возбуждаетъ недоумѣнія: его нельзя понять, какъ понудительный видъ отъ глагола: „јаша“ (жить); точно такъ-же нельзя принять послѣдній слогъ за союзъ: да (и, такъ же). Остается предположить, что „да“ есть ничто иное, какъ обычный припѣвъ (въ турецкихъ пѣсняхъ нерѣдки такъ же запѣвы: *dēj*, *dāj* и т. д.). Въ третьемъ стихѣ: „гечірім“ могло-бы стоять вмѣсто „гечірірім“, но такъ-какъ выше поэтъ произноситъ пашѣ многолѣтіе, вѣроятнѣе предположить 2-ое лицо, т. е. что-нибудь въ родѣ „гечірдін“. Тогда сообразно съ этимъ нужно измѣнить: „зарбумы“ но „зарбуны“. Впрочемъ, повторяю, третья строфа, искажена, и возможны различныя конъектуры. Въ 4-ой строфѣ поэтъ рассказываетъ о томъ, какъ „онъ поддался на удочку“. Разъ въ третьемъ стихѣ образъ обманутаго человѣка взять изъ рыбацкой жизни, удобнѣе дальше сдѣлать метатезисъ; стихъ: „кемендім атмадык дѣлармы калды“ поставить на мѣсто четвертаго стиха 4-ой строфы. Тогда у насъ такая антитеза: я попался въ сѣти, я, который въ горахъ набрасывалъ (на животныхъ) арканъ. Если принять эту конъектуру, 5-ая строфа будетъ представлять *заключительную* строфу пѣсни. Дальше, начинается второй вариантъ пѣсни; но пѣвецъ, очевидно, забылъ его, и изъ двухъ строфъ зналъ только по два стиха. Стихи: „ајаклярим атын алтындан бауладылар“ (а ноги мои привязали подъ брюхомъ лошади) испорченъ, равно какъ и: „вардым ыстамбола гері дѣнесім герді“. (Я попалъ въ Константинополь, но мнѣ захотѣлось вернуться къ себѣ).

№ 7. Поэтъ описываетъ битву, завязавшуюся въ ущельѣ. горы между туркменами и султанскими войсками.

Хотя основная риема стихотворенія: „бѣгун“ (сегодня) гармонируетъ съ содержаніемъ, можно даже сказать, что слово необхо-

димо, какъ заключительное звено мысли о дняхъ) ¹⁾, однако во всѣхъ строфахъ, за исключеніемъ 3-ей, „бөгүн“ нарушаетъ правильность одиннадцатисложнаго стиха, а сверхъ того, наличие слова въ первой строфѣ не оправдывается ея построеніемъ. Если мы отбросимъ слово: бөгүн, вновь полученная такимъ образомъ основная рима: „олду“ будетъ тѣснѣе связана со строемъ стихотворенія. Правда, тогда 3-ья строфа окажется короче другихъ на два слога. Словомъ, въ стихотвореніи какаля-то путаница. Выраженіе: „jüreümden депем дөндү“ (въ третьемъ стихѣ 1-ой строфы), т. е. выиграло мое ретивое—указываетъ на силу воспринятаго впечатлѣнія, отдавашагося *повсемѣстно*: „дөүүшдү“ удобнѣе принять за взаимный залогъ, т. е. (между нами) завязалась битва. Въ четвертомъ стихѣ 1-ой строфы нуженъ послѣ слова: гүн апо-строфъ, т. е. гүн' (вм. гүнү) олду. Первый стихъ 2-ой строфы длиненъ; вѣроятно, упоминаемый здѣсь Чауш-оглу принималъ участіе въ сраженіи и послѣ воспѣлъ его. Второй стихъ 3-ей строфы длиненъ слово. „g'lg'g'i“ (въ четвертой строфѣ), встрѣчающееся у поэта XVIII-го вѣка Недима, значить (по словарю Вуллера): 1) multae rosae, 2) valde florens. Слово: „g'lg'g'i“ употребляется и въ Румелии (*J. Kinos, Ada-kalei török népdalok. Budapest. 1906. № 14, № 20.* Въ 5-ой строфѣ второй и третій стихи длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, на одинъ слогъ. Во второмъ стихѣ 5-ой строфы слово: „üş“ оставлено безъ перевода; üш түлү бөүлер, т. е. трехбунчужные беи.

№ 8. Пѣвецъ, проникнутый мистическими воззрѣніями, упрекаетъ свое сердце за то, что оно промѣняло на блага этого міра блаженство духовнаго общенія со вселенной.

Первый стихъ (кстати, онъ короче на одинъ слогъ) можно-бы пожалуй, такъ перевести: „между тѣмъ какъ *прежде* (это слово заключено въ дѣпричастіи: „учардан“) ты, сердце, парило наль предвѣчной высью“... Вторая строфа испорчена: въ первомъ стихѣ одного слога не хватаетъ, второй стихъ (съ римой: „бал гими“) случайно не попалъ въ текстъ стихотворенія, хотя переводъ его данъ; въ третьемъ стихѣ одинъ слогъ лишній (можно-бы выбросить слово: „шу“). Въ третьей строфѣ любопытно удареніе въ

¹⁾ „Гүн бугүшолду“ (сегодня насталь (нашъ) день) обратилось уже какъ-бы въ поговорку.

словѣ „гöстерсін“; (вм. обычнаго „гöстерсін“), хотя въ Константинополь, впрочемъ, я слышалъ такъ-же: „Аллаһ куртърсын“ (прибралъ-бы поскорѣ Богъ!); третій слогъ короче на одинъ слогъ. Въ четвертой строфѣ третій стихъ короче, а четвертый длиннѣе на одинъ слогъ. Подъ словомъ: „ереннер“ (въ пятой строфѣ) разумѣется: (суфійскій) богословскій терминъ, обозначающій элита, вошедшаго послѣ ряда подготовленій въ единеніе съ Богомъ; послѣдній стихъ длиненъ.

№ 9. Поэтъ, сраженный судьбой, взываетъ о помощи къ Богу.

Въ стихотвореніи рядъ метрическихъ ошибокъ. Въ третьемъ стихѣ 1-ой строфы послѣднее слово: „бенім“ лишнее; четвертый стихъ длиннѣе на два слога; если замѣнить слово: „bellerim“ болѣе подходящимъ единств. числомъ: „belim“, правильность стиха будетъ восстановлена. Во второмъ стихѣ 2-ой строфы окончаніе „лар“ въ асыјалар“ нужно отбросить, иначе количество слоговъ 12; четвертый стихъ той-же строфы что-то ужъ длиненъ. Во второмъ стихѣ (въ 5-ой строфѣ) слово : „чікты“ нарушаетъ правильность метра; точно такъ-же въ третьемъ стихѣ слово: „жетимін“, какъ плеоназмъ, легко можетъ быть выброшено безъ ущерба для смысла. Въ четвертомъ стихѣ винит. пад. слова: „јашыны“ должны быть усѣченны, т. е. јашын.

№ 10. Измаиль-бей, вдали отъ родины, вспоминаетъ о своей семьѣ.

Третій и четвертый стихъ 1-ой строфы короче на одинъ слогъ. Очевидно, конецъ третьяго стиха 2-ой строфы нужно такъ читать: јалы тумарым. Въ первомъ стихѣ 3-ей строфы г. Гизе переводитъ слово: „бүджүр“ бѣдный, жалкій (агшер), тогда какъ оно значитъ: короткій, непропорціонально-сложенный. Во второмъ стихѣ слово: „онун“ лишнее; такъ-же въ третьемъ стихѣ слово: „гыратым“, а въ четвертомъ: „усту“. Въ 4-ой строфѣ Измаиль-бей скорбитъ о томъ, что разлученъ со своей вѣрной женой: „Гүджү хатын“ (это ея прозвище: Маленькая госпожа), которая съ горя распустила свои волосы. Со стороны метра строфа заключаетъ рядъ ошибокъ: первый стихъ коротокъ на два слога, а въ третьемъ слово: „десте“ напрасно повторено.

№ 11. Повидимому, это—причитаніе, въ которомъ оплакивается смерть нѣкоего „Келин-оглу“, убитаго войсками Кел-Хасан-паша

оглу. Кел-Хасан-паша оглу, кажется, лѣтъ пятьдесятъ—шестьдесятъ тому назадъ занималъ постъ вали въ Коніи.

Во второмъ стихѣ 2-ой строфы слово: „гаѣфелтесі“ употреблено не въ первоначальномъ смыслѣ: завтракъ, а въ смыслѣ: основа, закваска, какъ напр. „еіманын каѣфелтесі екші дір“ (яблоко на вкусъ кисло). Въ четвертомъ стихѣ 2-ой строфы, равно какъ и дальше, въ слѣдующихъ строфахъ первое слово: „шінді“ нарушаетъ правильность метра. Въ первомъ стихѣ 3-ей строфы нужно читать: „бінеідім“; третій стихъ длиненъ. Второй стихъ 4-ой строфы длиненъ. Въ третьемъ стихѣ заключается намекъ на связь египетскихъ войскъ съ Анатоліей, куда они нѣсколько разъ вызывались султанами и сами вторгались. Въ первомъ стихѣ 5-ой строфы для рѣзны нужно переставить послѣдніе слова, т. е. читать; „копду бір думан“. Въ первомъ стихѣ 6-ой строфы для метра нужно читать: „Адана“; второй стихъ длиненъ (нужно-бы выбросить слова: „һайн дір“). Третій стихъ длиненъ; онъ будетъ правиленъ, если его читать примѣрно такъ: „Кел һасан паш'оглу атдіѳин вурду“. Во второмъ стихѣ 7-ой строфы одинъ слогъ лишній; тоже о третьемъ стихѣ; нужно читать „јаньна“ въ два слога, т. е. „јанна“. Кажется, Аметбей (Ахмедъ-бей) ничто иное, какъ лицо, до сихъ поръ называвшееся въ пѣснѣ „Келін-оглу“.

№ 12. Поэтъ, разлученный со своей возлюбленной, жалуется на чужбинѣ на свое одиночество.

Въ первомъ стихѣ обращеніе: „һе алар“ лишнее; въ третьемъ стихѣ два лишніхъ слога. Сравнивая друзей съ бабочками, кружащимися надъ свѣчей, поэтъ имѣетъ въ виду не столько быстроту помощи, сколько *привязанность* друзей. Въ первомъ стихѣ 3-ей строфы слово: „бенім“ лишнее; во второмъ стихѣ одинъ слогъ лишній; весь стихъ есть перефразировка „хадиса“ (священнаго преданія): „ман јамуту фі-л гурбаті wahya шавідун.“ (умирающій на чужбинѣ—шехидъ (мученикъ), т. е. это все равно, какъ если-бы онъ умеръ на полѣ битвы, сражаясь съ невѣрными); въ третьемъ стихѣ слово: „бана“ лишнее; въ четвертомъ стихѣ для правильности метра нужно читать не „гурбет іде“, а „гурбетте“. Дальше текстъ испорченъ: слиты двѣ разныя строфы; текстъ можно-бы такъ реставрировать: въ виду того, что въ третьемъ стихѣ не хватаетъ одного слога. читать вмѣсто: „діден“ — „дїлїден“, а четвертый стихъ, какъ лишній, выбросить, хотя, по существу, онъ стоитъ въ болѣемъ соотвѣт-

ствіи съ заключительнымъ стихомъ. Въ первомъ стихѣ можетъ-быть, лучше читать: „гу рбет ілде“ (вм. напечатаннаго исходнаго падежа); г. Гизе такъ и переводитъ это выраженіе, какъ обозначеніе мѣста: во второмъ стихѣ одинъ слогъ лишній; послѣдній стихъ очень ужъ длиненъ.

№ 13. Убѣдившись въ бренности міра, поэтъ отказывается отъ его благъ.

Въ первомъ и въ третьемъ стихахъ 1-ой строфы, а такъ-же въ первомъ стихѣ 2-ой строфы слогъ: „де“. нарушающій правильность метра, выражаетъ технику исполненія пѣсни. Въ четвертомъ стихѣ 1-ой строфы не хватаетъ двухъ словъ. Въ первомъ стихѣ 2-ой строфы нужно выбросить такъ-же слово: „шу“. Во второмъ стихѣ слово: „назлы“ лишнее; въ третьемъ два слога лишнихъ: слово: „галан“-гајрі (совсѣмъ) осталось безъ перевода. Выраженіе: „египетскій султанъ“ вошло какъ-бы въ поговорку. Издавна извѣстный мусульманамъ изъ исторіи о прекрасномъ Иосифѣ, Египетъ представлялъ въ ихъ воображеніи могущественное государство, на которое устремлены были взоры всего міра. Отсюда отказъ отъ египетскаго царства выражалъ въ поэзи крайнюю степень напряженія эмоцій поэта: „сев сені севені нак іле јексаніседе, севме сені севмејені, Мысра султан іседе“. Люби, кто любитъ тебя, хотя бы онъ былъ ниже воды, (такъ же низокъ, какъ и земля), и не люби того, кто тебя не любитъ, хотя-бы онъ былъ султанъ Египта. Повидимому, это искусственное изреченіе въ стихахъ, можетъ быть, составленное въ подраженіе арабамъ.

№ 14. Въ стихотвореніи изображена весенняя тоска по возлюбленной. Впрочемъ, какъ развитіе темы, такъ и внѣшнее построеніе указываетъ, что стихотвореніе порчено.

Между тѣмъ, какъ первая строфа представляетъ одиннадцатисложный стихъ, вторая строфа, или вѣрнѣе, продолженіе стихотворенія выражено смѣшаннымъ стихомъ; основная рима такъ-же не проведена. Въ первомъ стихѣ 1-ой строфы не хватаетъ одного слога; всматриваясь въ построеніе втораго и третьяго стиховъ, можно кажется, читать вмѣсто: „gelir“—„gelindже“.

№ 15. Сраженный въ битвѣ съ авшарами, герой шлетъ предсмертный поклонъ своей роднѣ. Племя авшаровъ, въ битвѣ съ которыми погибъ герой, повидимому, было многочисленно и оставило по себѣ память въ Европейской Турціи. (Около Галиполи до

сихъ поръ существуетъ деревня, известная подъ именемъ „Аушарлы“.

Въ первомъ стихѣ 1-ой строфы нужно выбросить начальныя слова: „ја біре“; четвертый стихъ коротокъ. Въ первомъ и во второмъ стихахъ 2-ой строфы слово: „бенім“ лишне. Хайдаръ (по-арабски: Левъ)—прозвище Али; Абыдынъ есть сокращенное имя вмѣсто: Зейн-уль-Абидинъ (краса рабовъ Божиихъ). Въ третьемъ стихѣ 3-ей строфы не хватаетъ одного слога. „Түлек“ (въ третьемъ стихѣ 4-ой строфы) употребляется въ Конійскомъ вилайетѣ въ значеніи: оперившійся (на второмъ году) о птицѣ, и стало-быть, какъ прозвище, заключаетъ въ себѣ намекъ на хитрость. Кажется, въ Сивасскомъ вилайетѣ слово выражаетъ другую мысль: облынявшій (о птицѣ), т. е. „общипанный“, бѣдный, напр. түлек таву үа дөнмүш (обратился въ общипанную куру). 3-ья строфа очевидно, взята изъ другаго стихотворенія и сюда попала благодаря упоминанію объ „авшарахъ“. Третій стихъ 4-ой строфы понятъ г. Гизе своеобразно. Здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о какой-то „кузинѣ“, а о женѣ. У кочевниковъ браки заключаются обыкновенно между родственниками; вотъ почему герой называетъ свою жену кузиной, дочерью дяди (то-же, что у арабовъ „бінт-амм“). Такъ-какъ онъ прожилъ долго со своей женой (у него уже есть молодой сынъ—соколъ), то онъ дастъ ей эпитетъ вѣрнаго слуги. Выраженіе: „думан чокмуш“ было-бы точнѣ передать; „туманъ палъ (густой пеленой); чокмакъ употребляется въ значеніи: жіүлмакъ“. Говорятъ такъ-же: „думан чокмүш (или: чекміш)“.

№ 16. Гарцуя на конѣ, герой гордится своими подвигами, наполнившими славою землю.

Въ первомъ стихѣ 1-ой строфы вм. „һамына“, мож.-б., удобнѣе читать: „һамыта“, т. е. я перекинулъ поводья; второй стихъ значить скорѣе (хотя это нѣсколько противорѣчитъ общему смыслу): „я направилъ враговъ въ сторону Багдада“. Въ третьемъ стихѣ 2-ой строфы для пониманія выраженія: „селавет гетур“ г. Гизе отсылаетъ къ словарю Сами-бея, но ни въ турецко-французскомъ словарѣ, которымъ г. Гизе пользовался, ни въ болѣе подробномъ турецкомъ словарѣ, я не нашель этого слова. „Селавет гетүрмек“ значить: произнести исповѣданіе вѣры, т. е. умереть съ молитвой на устахъ.

№ 17. Поэтъ воспѣваетъ доблести коня и красоты возлюбленной.

Второй стихъ 1-ой строфы длиненъ, то-же нужно замѣтить о третьемъ; рима третьяго стиха неудачна. Не есть-ли выраженіе: „jileb eıib“ (представляющееся г. Гизе парнымъ сочетаніемъ) діалектальная форма глагола: „jалабамак“ съ мягкими гласными? Въ Ангорскомъ вилайетѣ говорятъ: „jалабыjыб“. Первый и третій стихи 2-ой строфы длинны. Въ третьемъ стихѣ: „belicim“ употреблено вмѣсто: „belicim“. Въ 3-ей строфѣ первые три стиха испорчены; выраженіе: „калем кулаклысын“, какъ встрѣчавшееся выше, во 2-ой строфѣ, указываетъ, что стихъ записанъ не въ первоначальной редакціи. Упоминаемый въ 4-ой строфѣ Далдал-оглу мож. б., есть потомокъ рода Далдам-кызы, занимавшагося въ Ангорѣ разбойми. Въ третьемъ стихѣ одинъ слогъ лишній.

№ 18. Въ стихотвореніи выражается скорбь туркмена, вынужденнаго смириться передъ государственною властью. Вариантъ, записанный г. Гизе, кажется, сильно искаженъ (стихъ не выдержанный: число слоговъ колеблется отъ 7 до 12).

№ 19. Основная мысль стихотворенія заключается въ описаніи горечи разлуки съ возлюбленной. Но выражая свое чувство, поэтъ скомбинировалъ нѣсколько мотивовъ. Стихотвореніе испорчено: рима не выдержана; третья строфа, записанная неполно, попала сюда случайно; заключительная строфа такъ-же неполна и со стороны метрики представляетъ уклоненія: нѣкоторые стихи усѣченные, другіе наоборотъ, длинны.

№ 20. Поэтъ мечтаетъ объ Элифѣ, какъ она ѣдетъ верхомъ на верблюдѣ, побрякивающимъ колокольчикомъ.

Элифъ—обычное прозвище женщинъ высокаго роста, которыхъ нерѣдко такъ и зовутъ въ деревняхъ: „Элифъ абла!“ Тетка Дылда.

Стихотвореніе, какъ состоящее всего изъ двухъ строфъ, не можетъ считаться законченнымъ; но въ виду наивнаго построенія римы, оно, очевидно, представляетъ импровизацію; во второй строфѣ метрическія ошибки во второмъ и четвертомъ стихахъ.

„Кара (черный) въ соединеніи съ „джіјерім“ (печень) употреблено въ pregnantномъ смыслѣ. У юрковъ верблюдъ называется такъ-же: „карамаја“. „Зил“ значитъ колокольчикъ не только въ иконійскомъ діалектѣ, но и въ другихъ, да напр. въ Константинополь. Обычное значеніе „келек“: колокольчикъ среднихъ раз-

мѣровъ, подвѣшиваемый на шею верблюдовъ и т. д.; кромѣ того, „келек“—значить: незрѣлый арбузъ, дыня и т. д.

№ 21. Пѣсня рисуеъ игривый споръ между дѣвушкой и молодой, изъ которыхъ каждая старается доказать свое превосходство и чары въ глазахъ мужчины.

Въ выраженіи: „ала карлы“ заключается скорѣе представленіе о весеннемъ снѣгѣ, на которомъ отъ лучей солнца кое-гдѣ уже показались проталины. Первый стихъ 2-ой строфы: „бен јаіламы (а лучше-бы читать: јаіламы) јаіладым“ значить: „я была уже на лѣтней кочевкѣ“, и теперь съ горъ спустилась (осенью) въ долину. Четвертый стихъ 2-ой строфы есть перефразировка пословицы: въ разоренномъ ульѣ медъ не водится“, то-же о послѣднемъ стихѣ стихотворенія, (утромъ караванъ идетъ дальше, и путь такимъ образомъ открытъ), въ которомъ скрытъ намекъ на замужество.

№ 22. Поэтъ скорбитъ о своей умершей возлюбленной; ему кажется, что разукрашенная для погребенія, какъ невѣста, она уже не хочетъ смотрѣть на него.

Послѣдній стихъ 1-ой строфы испорченъ: и риема его не соотвѣтствуетъ риемамъ другихъ строфъ, и число слоговъ превышаетъ законную норму. „Султані кераз“ (султанская черешня) очевидно, представляетъ переводъ арабскаго названія плода, о которомъ Сямбюль-заде Вехби (умеръ въ 1224 году х.) въ своемъ школьномъ стихотворномъ руководствѣ (для изученія арабскаго языка), „Нух-беі Вехбі“ говоритъ: habбу-l мулукъ евсафданъ вишне, кіраз-і абдаръ“ (сортъ, извѣстный (по-арабски) подъ именемъ „ягоды царей“—это сочныя вишня и черешня). Первый стихъ 3-ей строфы короче на одинъ слѣдъ. „Еүлім еүлім (сүрмекъ)“ не употреблено-ли вмѣсто: ејрім ејрім“ (т. е. искривленный), особенно если мы вспомнимъ, что дѣло идетъ о дамскомъ туалетѣ (подведеніе бровей и т. д.)?

№ 23. Въ стихотвореніи изображается постепенный ростъ и увяданіе женской красоты. Кажется, это одно изъ распространенныхъ стихотвореній. Вотъ записанный мной въ Константинопольскій вариантъ (впрочемъ, такъ-же испорченный):

„Он бірінде ма јүзүне бакылыр,
Он ікінде гүzellijin такыныр,
Он үчүнде гонча гүдүр кокулур,

Он дѳрдѳнде джеран ¹⁾ гѳрер дѳшѳне,
 Он бешѳнде аклы gelir башына,
 Он алтысында петек петек bal олур,
 Он једѳсѳнде her азасы јаѳ олур,
 Он секѳзѳнде јѳксек хавадан учар,
 Он докузунда енѳгѳнѳnden су ѳчѳр,
 јѳрмѳсѳнде керван гечѳр, јол олур,
 јѳрмѳ бѳрѳнде бѳр кѳтѳје кул олур⁴.

(Въ одиннадцатъ лѣтъ заглядываются уже на ея лунообразное лицо; въ двѣнадцатъ лѣтъ она хорошеѣтъ; въ тринадцатъ лѣтъ она розовый бутонъ, испускающій ароматъ; въ четырнадцатъ лѣтъ ей снится лань; въ пятнадцатъ лѣтъ она уже разсуждаетъ; въ шестнадцатъ лѣтъ улей наполняется медомъ; въ семнадцатъ лѣтъ формы ея округляются; въ восемнадцатъ лѣтъ она паритъ въ выси; въ девятнадцатъ лѣтъ она пьетъ воду изъ глубины; въ двадцатъ лѣтъ караванъ проходитъ, и дорога освобождается; въ двадцатъ одинъ годъ она становится рабою какого-нибудь негодяя).

Второй стихъ 2-ой строфы: „он алтында гѳдже гѳрер „дѳшѳне“, переведенъ такъ: ночью идетъ она (дѣвушка) на свиданіе со своимъ возлюбленнымъ (zu ihrem Stelldichein) Правда, „дѳш“ означаетъ: встрѣча; но я сомнѣваюсь, чтобы въ такомъ случаѣ могъ быть употребленъ глаголъ: „гѳрер“. Однако если мы переведемъ стихъ буквально; „ей снится ночь“, смыслъ еще болѣе запутывается. Или быть-можетъ, въ стихѣ разумѣются мечты дѣвушки о бракѣ? Та-же мысль выражена въ четвертомъ стихѣ (моего варианта), какъ это видно изъ сонниковъ: „если кому удастся поймать (во снѣ) газель, значить, онъ женится“ (или vice versa: выйдетъ замужъ)²⁾. Третій стихъ (4-ой строфы), очевидно, стоитъ въ тѣсной связи съ предыдущимъ стихомъ. Удобнѣе такъ перевести: „въ тридцатъ лѣтъ она (женщина) кипитъ страстью, какъ мутный потокъ, а въ сорокъ тихо несетъ свои прозрачныя воды. Ошибка произошла оттого, что г. Гизе произвелъ „дурулуру“ отъ глагола „дурмак“ (пребывать, стоять), а не отъ „дуру“ (прозрачный, чистый): ср. выраженіе: gѳzјашѳ гѳбѳ дуру (прозрачный, какъ

¹⁾ Можно читать такъ же „джејлап“ (вульгарная форма).

²⁾ Табѳр-наме. К.: поль. в. в. (линографированное изданіе), стр. 41.

следа). Въ этомъ смыслѣ употребляется пословица: „сулар буланмадан дурулмаз“. (Если воду не взбаламутить, она не дѣлается (послѣ) прозрачной).

№ 24. Эта пѣсня представляетъ вариантъ предыдущей.

„Тез“ (во второмъ стихѣ 1-ой строфы) не для чего сблизать со словомъ: „тазе“. Это персидское „тіз“ (быстрый), употребляющееся по-турецки также въ значеніи: только-что, напр.: „тез гелдім“ (я только-что пришелъ). Во 2-ой строфѣ первый стихъ: „он үчүнде гөзүн сүзер“ значитъ: въ 13 лѣтъ она (дѣвушка) окидываетъ взглядомъ съ головы до ногъ; а второй стихъ: „калем алмыш кашын гөзүн јазар“ напрасно понять буквально; это изображение женскаго туалета, заключающагося въ подрисовываніи бровей и глазъ. Первые два стиха 5-ой строфы: „он алтында (вм. „алтысында“) ја дербедер ашинасы ја гажретін гүдер“ истолкованы произвольно; я предложилъ-бы такой переводъ: въ 16 лѣтъ она или начинаетъ знаться со всякимъ проходимцемъ („дербедер“), или все еще оберегаетъ дѣвичью честь. Въ 6-ой строфѣ опять стоитъ: „он јединде“ вмѣсто: „он једісінде“ (т. е. на *ей* семнадцатомъ году); каж., это туркменская форма. „Чеч“ въ послѣднемъ стихѣ той-же строфы значитъ: косточка (плодовъ). Весь стихъ: „чеджі чікмыш наре бензер“ указываетъ скорѣе на сочность граната, выжимаемаго (для шербета) такъ, что косточка выступаетъ наружу. „Чеч“, кромѣ того, употребляется въ Малой Азій въ значеніи зеренъ, отдѣленныхъ отъ стебля; на-ряду съ „чеч“ извѣстна форма: „сеч“ (дж).

№ 25. Тема открывается восхваленіемъ дѣвухекъ кочевья. Въ одну изъ нихъ влюбленъ поэтъ; но мечты его разстраиваются и заложивъ руку за пазуху, онъ грустный удаляется.

Обычное значеніе: „ментеше“ (въ третьемъ стихѣ 1-ой строфы) дверная скобка. „Сорумуз“ (въ 4-ой строфѣ) нужно отличать отъ „соргу“. „Сору“ (сору сормак) значитъ: вопросъ, а „соргу“ — соска. „Бунарын ајауы“ означаетъ: русло источника.

№ 26. Какъ явствуется изъ риѣмы, пѣсня заключаетъ въ себѣ двѣ случайно слитыя темы. Въ первой изображается стремительность всадника, несущагося на конѣ въ битву; вторая тема переносить слушателя на поле битвы, гдѣ палъ Джеридъ-Али.

Во второмъ стихѣ (1-ой строфы) вмѣсто: існедеідім удобнѣе читать „існедемедім“ (я не могъ заставить коня ржать), пото-

му-что этого требуетъ и риѣма, и смыслъ. Переводъ г. Гизе не соотвѣтствуетъ тексту. „Белен“ (во 2-ой строфѣ) нарицательное имя, и значить: плоскогорье, глушь, напр.: „не беленерден аштык!“ (вотъ такъ горы отхватили мы!); алан белен гезіјорсуи ўзерінде бір сілаһ булундур (ты шатаешься по горамъ и доламъ; обзаведись-же какимъ-нибудь оружіемъ...). „Кармык“ (въ 3-ей строфѣ) обозначаетъ скорѣе верхнія ребра, именно тѣ, въ которыя вонзается стремя; въ Брусскомъ вилайетѣ въ этомъ смыслѣ употребляется слово „бѳрн“. На ряду съ „тіл“ (въ 4-ой строфѣ) говорятъ такъ-же „тел“. Во второмъ стихѣ шестой строфы нужно читать: „девамъ етгѣмъ, потому что поэтъ рассказываетъ о себѣ: Я начиналъ разбирать Коранъ по складамъ. Переходъ съ 1-аго лица на 3-ій былъ - бы страненъ. Очевидно, учитель его читаетъ то Коранъ умѣлъ. Кажется, во второмъ стихѣ (7-ой строфы) выраженіе: „гуджуерін“ неправильно; можетъ-быть, читать вмѣсто этого: „буджуерін“ (этой драгоценности).

№ 27. Поэтъ жалуется на свою судьбу, испортившую всю его жизнь.

Вмѣсто: „джамсі (мечеть ся, т.-е. мѣстечка „Алмасы“) не читать-ли: „джамісі“? Арабскій звукъ „айн“ въ народѣ не произносится, отчего „джамі“ представляется гласной основой и принимаетъ мѣстоименный аффиксъ: „сі, а не „і“ (какъ въ литературномъ языкѣ). Въ этой пѣснѣ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ, напр. въ № 29 конечное „п“, находясь передъ словомъ, начинающимся съ б, переходитъ въ м, т.-е. сіладамъ бір һаберъ вм: „сіладанъ бір һабер“ (вѣсточка съ родины).

№ 27. Въ стихотвореніи изображается печальная участь пѣвца, разлученнаго со своей возлюбленной.

Первая строфа, выхваченная повидимому, изъ какого-нибудь болѣе древняго стихотворенія, стоитъ особнякомъ. Можетъ-быть, въ первомъ стихѣ отразилось воспоминаніе о старинномъ обычаѣ, распространенномъ между прочимъ и въ Южной Россіи.—Какъ извѣстно, арабскія племена зачастую зажигали на вершинахъ горъ костры, служившіе путникамъ дорожнымъ сигналомъ. Мыъ извѣстенъ такой варіантъ 1-ой строфы:

„јүдже да башында јанар бір ішік,
ішік дејіл, ону јакан бір апік,

Гелін, сачін сары зүйфүн долашк,
Долаш-га гел держалары, севді јім!“

(На вершинѣ высокой горы горитъ огонь; нѣтъ, этотъ свѣтъ исходитъ отъ „ашика“. Молодка! Твои волосы свѣтло-русые, а кудри твои развѣваются! Обойди-ка море и вернись, моя дорогая)!

„Гаріп (обыкновенно: странникъ, странный, чуждый) здѣсь во 2-ой строфѣ, значить: минорный. „јүтүрмек“ (въ 3-ей строфѣ) употребляется въ значеніи: потерять (что-бы то ни было). „Ішіл“ (или: въ 4-ой строфѣ ышыл) значить: блестящій, но весь стихъ неясенъ. Предпоследній стихъ „дејшір“ не значить: онъ мѣняетъ, тогда было-бы: „дејш тірір, а повелительное наклоненіе отъ глагола „дејшірмек“, „девшірмек“ (собирать).

№ 29. Повидимому, стихотвореніе испорчено. Въ запѣвѣ восхваляется гора Бейдагъ (къ югу отъ Малатіи); далѣе, затронута обычная тема несчастной любви; но строфы скомканы, такъ что смыслъ отдѣльныхъ стиховъ подчасъ теменъ.

„Сінісі мејданда“ (въ первой строфѣ) заключаетъ намекъ на щедрость человѣка, у котораго столъ накрытъ для всѣхъ. Какъ вторая, такъ и третья строфа неполны. Вѣроятно, въ пропущенномъ стихѣ 3-ей строфы описывалась какая-то красавица, почему поэтъ естественнo вспомнилъ о своей возлюбленной. „Кетен“ обозначаетъ ленъ, и только. Возможно, что здѣсь имѣется въ виду высшій сортъ льна, по мягкости напоминающій шелкъ.

№ 30. Этотъ номеръ представляетъ ничто иное, какъ „мани“, осложненный введеніемъ (пятаго) стиха о трудности разлуки.

Выраженіе: „гүннер чаууду“ означаетъ: солнце начало пригрѣвать; этимъ глаголомъ выражается понятіе объ *утрп* (спустя 1½—2 часа послѣ восхода солнца). Въ Эдремитѣ этому выраженію соответствуетъ: „гүннер дживыды“ (солнце растопилось отъ жары). Отсюда существительное-прилагательное „дживык“ значить: растопившійся (о массѣ). Глаголь: „чауумак“ произведенъ отъ корня: „чав“ (извѣстность, слава), откуда существительное: „чауш“. „Ділер“... ділер“ употребляется въ томъ-же смыслѣ, что „істер“... „істер“ (или... или, либо... либо).

№ 31. Поэтъ, какъ-бы предвидя разсирасы друзей, объясняетъ, что недомоганіе, слѣды котораго видны на его лицѣ, происходитъ отъ тоски по возлюбленной.

„Ламлы“ (или, по другому произношенію: „намлы“, въ пятомъ стихѣ) обозначаетъ: 1) заносъ снѣжный; весенняя проталина (въ Коніи и Ангорѣ), 2) куча пшеницы, отдѣленной отъ соломы (въ Эдремитѣ). Въ Ангорскомъ вилайетѣ „ламлы“ значить, кромѣ того, лезвіе ножа и въ такомъ случаѣ, представляетъ ничто иное, какъ арабское: *lem ly*, т.-е. сверкающій, блестящій. Можетъ-быть, это основное значеніе перешло на представленіе о сугробахъ снѣга, сверкающаго на солнцѣ длинными полосами, подобно ножу? Что это значеніе не первоначальное, за это говорить вѣднѣйшій видъ „ламлы“ (по формѣ, это прилагательное, и притомъ, какъ указываетъ начальный „л“, иностраннаго происхожденія), а также то, что для сугроба, заноса въ Ангорѣ извѣстно другое слово: „күртүн“. Выраженіе: „jürein jay erimek (въ послѣднемъ стихѣ) только и значить: хворать, или еще точнѣе: грустѣть, хирѣть. Турецко-французскій словарь Сами-бея, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, не совсѣмъ надежное руководство, и не можетъ служить авторитетомъ.

№ 32. Пѣвецъ жалуется на судьбу, разлучившую его съ возлюбленной. Съ поэтической стороны, стихотвореніе тускло; образы его стереотипны.

№ 33. Этотъ № представляетъ повтореніе № 13.

№ 34. Поэтъ воспѣваетъ прелесть женской красоты.

Анары (въ первомъ стихѣ), представляющее, по формѣ, директивный послѣлогъ, подобно: *ileri (ilgari)*, жукары, и т. д.) употребляется не только въ Конійскомъ вилайетѣ, но и въ Брусскомъ, съ тою только разницей, что между тѣмъ, какъ въ Коніи оно прибавляется къ исходному падежу для выраженія удаленія отъ предмета, въ Брусскомъ вилайетѣ (въ Эдремитѣ) оно соединяется съ дательнымъ падежомъ, напр: *köwe anary gitmek* (итти по направленію къ деревнѣ). Въ Эдремитѣ вмѣсто обычнаго: „сепкен“ употребляется измѣненная форма; тамъ говорятъ „bir *seneci* geldi“ (поднялась буря).

№ 35. На свѣтѣ нѣтъ ничего выше любви; ничего нѣтъ страшнѣе разлуки.

№ 36. Этотъ № представляетъ пустое рѣмоплетство.

„Сал“ въ современномъ турецкомъ языкѣ имѣетъ два значенія: 1) ялоть, 2) носилки для покойника. Передъ мечетями часто

можно встрѣтить камни, на которые ставятъ носилки; они извѣстны подъ именемъ: „сал таші“.

№ 37. Эта пѣсня, представляющая жалобу на судьбу, какъ и многія другія, очевидно, создавалась въ степяхъ: „Чукур-ова“.

Второй стихъ 2-ой строфы напоминаетъ пословицу.

№ 38. Поэтъ сравниваетъ свою тоску съ вскрывшейся раной.

Это стихотвореніе, какъ и предыдущее, также недокончено.

№ 39. Воспѣвая красоты Алжира (Джезаира), поэтъ подчеркиваетъ, что для ушедшаго туда молодца закрыть возвратъ на родину.

Мнѣ кажется, что это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ историческій интересъ. Издавна турки, совершившіе преступленіе въ Малой Азіи, бѣжали въ порты Средиземнаго моря. (Обычнымъ притономъ служилъ для нихъ городъ Адалія (въ Конійскомъ вилайетѣ). Здѣсь ихъ поджидали уже пираты, выкрикивавшіе на берегу: „анасына, бабасына дарылан јок му?“ т.-е. не повздорилъ-ли кто съ своими родителями (иными словами: не находится-ли чья-либо жизнь въ опасности? Всѣхъ желающихъ пираты охотно брали къ себѣ въ гребцы на галеры и затѣмъ продавали въ рабство въ Африку (преимущественно въ Алжиръ).

Во второмъ стихѣ (3-ей строфы): „балык сураті јазылы-дыр дашында“ т.-е. „на камнѣ (источника) изображена рыба“ заключается воспоминаніе объ искусствѣ сельджуковъ, у которыхъ рыба была однимъ изъ любимыхъ орнаментовъ. До сихъ поръ еще въ Коніи можно встрѣтить на источникахъ сельджукской эпохи изображение рыбы, вѣроятно, по ассоціаціи съ идеей о водѣ. „Дѳкме донну“ вовсе не значитъ: платье съ пуговицами. Это обычное названіе для широкихъ штановъ, какіе обыкновенно носить, напр., мусульманское духовенство. Очевидно, г. Гизе понялъ „дѳкме“ (отъ дѳкмек—лить) въ смыслѣ: „дѳү(j)ме“ пуговица. „Дон“ въ нѣкоторыхъ турецкихъ нарѣчіяхъ значитъ: платье, шуба, но въ османскомъ языкѣ употребляется только въ смыслѣ: „штаны, кальсоны, шаровары“.

№ 40. Эта пѣсня представляетъ варіантъ № 18 о нѣкоемъ Бозбеѣ. Повидимому, это былъ „дерсбей“ (полунезависимый наместникъ, какими кишѣла Малая Азія вплоть до царствованія султана Махмуда II), или именитый, почетный гражданинъ изъ

„ешрафовъ“, вліяніе которыхъ до сихъ поръ въ извѣстныхъ случаяхъ соперничаетъ съ правительствомъ, или это какой-нибудь „бей“ кочеваго племени Моментъ, изображенный въ пѣснѣ, указываетъ уже на разложеніе дербесевъ, такъ какъ борьба съ визиремъ (здѣсь это можетъ обозначать „чинъ“ вали) ему не подѣ силу, и онъ вмѣстѣ со своими подручными, отдается подѣ мощную его руку. Пѣсня эта извѣстна во многихъ вариантахъ.

Въ четвертомъ стихѣ 6-ой строфы нужно читать: „беулер' истетмиш везір (т.-е. съ элизіей). Въ 7-ой строфѣ „даулы“ значитъ: имѣющій на себѣ тамгу. Тамга налагается, во-первыхъ какъ знакъ собственности, во-вторыхъ, какъ средство отъ извѣстнаго рода болѣзней животныхъ (верблюдовъ, лошадей и т. д.).

№ 41. Это вѣроятно, причитаніе о неожиданной смерти невѣсты, утонувшей въ р. Кызылъ-Ырмакъ. Его заключительный стихъ („баулама“) напоминаетъ строй записаннаго мной въ Зинджирлиханѣ (по дорогѣ между Нигде и Эрегли), со словъ туркменки, причитавшей: „Н' етти канны чајлар аллы геліні, н' етти канны сулар Заһна геліні?“ (что-же это сдѣлали кровавыя рѣки съ пунцовой невѣстой, что это сдѣлали кровавыя воды съ невѣстой Сюлейхой?)

Въ стихѣ: „Ырмаа вармадан олду бу хата“ (въ 3-ей строфѣ) „Ырмаа вармадан употреблено не въ обычномъ значеніи дѣйствія, предшествующаго другому дѣйствию“ (не доходя до К.—Ырмака), а указываетъ на одновременность (можетъ-быть, даже неожиданную) дѣйствія: и значитъ, лучше перевести: и едва только (кортежъ свадебный) вступилъ въ Ырмакъ, какъ приключилась бѣда.

№ 42. Это—вариантъ № 39, воспѣвающаго Алжирь.

Третій стихъ первой строфы, которая еще больше подтверждаетъ мысль о томъ, что эта пѣсня принадлежитъ къ разряду „разбойничьихъ“ (почему была въ index'ѣ запрещенныхъ правительствомъ пѣсней). Оторванные отъ родины, плѣнные турки забывали на чужбинѣ родной языкъ, и начинали говорить по-арабски.

Такъ-какъ рима третьяго стиха не гармонируетъ съ предыдущими стихами, привожу болѣе подходящій вариантъ:

„jүүсек олур Джезаірін евлери,
ічиндедір ауалары беулері.
Туркче білмес, араб сөјлөр диллері,
Бедестені соук сулу Джезаір“.

(Дома въ Алжирѣ обыкновенно бываютъ высоки; въ нихъ (сидятъ аги и беи, которые не знаютъ по-турецки; ихъ родной языкъ арабскій. О Алжирѣ, въ крытомъ базарѣ котораго (стоитъ) сырая прохлада).

Въ третьемъ стихѣ 2-ой строфы „чок jij itleri selamdirde чырылir“ я скорѣе-бы понялъ: selam въ смыслѣ: сіа м. т.-е. много юношей причитаетъ тамъ, говоря: „ахъ, моя родина!“

№ 43. Въ пѣснѣ выражается скорбь о гибели нѣкогого Османа. Характерно, что въ этой пѣснѣ, записанной со словъ турка, употреблена туркменская фраза: „ылдыз“ (звѣзда), между тѣмъ—какъ въ № 5 туркменъ говоритъ: „jылдыз“.

№ 44. Поэтъ въ живыхъ краскахъ изображаетъ мученія отъ несчастной любви.

Въ третьемъ стихѣ 2-ой строфы, въ обмѣнѣ цвѣтовъ между юношей и дѣвушкой заключается намекъ на объясненіе въ любви. Этотъ обычай, замѣняющій до нѣкоторой степени нашъ сговоръ, повидимому, извѣстенъ и албанцамъ, какъ это явствуетъ, по крайней мѣрѣ, изъ пьесы Шемс-уд-дина Сами-бея: „Беса“ (клятва). Наряду съ формой: „ылхым-салхым“ (миражъ) извѣстна другая форма: „салхым-салхым“. Въ четвертомъ стихѣ 3-ей строфы лучше, кажется, читать: „шмді кошелердем бахам (вм. бакан) бен олдум“. Слово: „күфар“ выражаетъ здѣсь упрекъ по адресу дѣвушки: если ты такъ немилосердна, какъ гяуръ, то рой мнѣ могилу.

№ 45. Поэтъ, взволнованный исчезновеніемъ своей подруги, вскакиваетъ на своего быстрого коня и несется въ поиски за ней.

Въ первомъ стихѣ подъ элифомъ разумѣется, конечно, бѣлая полоска, протянувшаяся на лбу коня. „Тай“ значитъ жеребецъ.

№ 46. Заключение въ тюрьму, поэтъ вздыхаетъ о свободѣ, уповая на Бога.

Второй стихъ: „jаты jаты олмушуз манга“, пожалуй, переведенъ не точно. Дѣепричастіе на „ы“ (въ литературномъ языкѣ сохранившееся только въ сложныхъ сочетаніяхъ, какъ: алы коймак или въ выраженіяхъ, обозначающихъ быстроту дѣйствія, какъ: gelі ver (мек) и т. д.), соответствуетъ болѣе современному дѣепричастію на: „а“. Значеніе его то-же, т.-е. оно употребляется для обозначенія продолжительности, длительности дѣйствія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что длительность дѣепричастія, заключена не столько въ прирѣдѣ самаго дѣепричастія, сколько въ *двукратномъ его повто-*

рети. Если такъ, значеніе „манга“ (группа) не даетъ яснаго смысла. Поэтому, я понимаю слово въ смыслѣ: „мангафа“ — „лѣнивый“; повидимому, такъ оно употребляется въ Бозгырѣ (Конійскаго вилайета). Стало-быть, стихъ можно-бы такъ перевести: отъ долгаго лежанія мы облѣнились. „Франга“, правда, обозначаетъ цѣпи, которыми преступники прикрѣплялись къ галерамъ; но теперь, вообще, подъ этимъ словомъ разумѣются тяжелыя кандалы, налагаемыя на преступника.

№ 47. Пѣсня о разбойникѣ Герали, изданная, какъ отмѣчаетъ г. Гизе, въ нѣсколькихъ вариантахъ въ сборникѣ акад. Радлова, представляетъ отрывокъ изъ большой народной поэмы, распѣваемой подъ аккомпаниментъ „саза“ („гитары“). Въ ней изображаются подвиги знаменитаго атамана, державшаго въ страхѣ Анатолію. До сихъ поръ еще въ константинопольскихъ кофейняхъ можно встрѣтить на стѣнахъ его портретъ. Чтѣ касается его имени, то оно заключаетъ въ себѣ прозвище: „гер“ (смуглый) въ соединеніи съ Али.

Наряду съ припѣвомъ: „ѣкарымъ измірі“ „извѣстно: „ѣкарыи измірі“ (я пожгу Смирну).

№ 48. Поэтъ, умирая на чужбинѣ, проситъ своихъ товарищей передать родителямъ, что только теперь позналъ онъ силу ихъ любви.

Въ стихѣ: „гарібъ анамъ зіја сачынъ јолларса“ (если моя бѣдная мать станетъ рвать на себѣ черныя волосы) очевидно, опечатка; вм. „јолларса“ (что значитъ: если она пошлетъ) нужно читать: „јоларса“.

№ 49. Это четверостишіе, подводющее итоги земной жизни неизвѣстнаго молодца, напоминаетъ какъ нельзя болѣе надгробныя енисейскія надписи, въ большомъ количествѣ изданныя акад. Радловымъ.

№ 50. Трехстишіе представляетъ, очевидно, начало какой-то пѣсни о подвигѣ нѣкоего Османа.

Подъ: „Хома“ не разумѣется ли Хама (между Алеппомъ и Дамаскомъ)?

№ 51. Эта пѣсня о Дели-молла (Сумасшедшій Мулла) такъ-же неокончена.

№ 52. Эта пѣсня представляетъ, повидимому, описаніе борьбы

между кочевыми племенами въ сѣверной Анатолиі (въ Эрзерумскомъ вилайетѣ).

Гора: „Јетаназ“, отрогъ Антитавра, проходитъ черезъ Ангорскій вилайетъ; Байбуртъ—городъ Эрзерумскаго вилайета. „Теке-оглу“ потомокъ Теке (прозвище племени: Теке (козель).

№ 53. Слушалъ трели соловья, поэтъ проситъ его смолкнуть. потому-что пѣніе только усиливаетъ его тоску по родинѣ.

№ 54. Поэтъ мечтаетъ о красавицѣ, которая должна утѣшить его печаль. Характерно, что идеаль его сводится исключительно къ изображенію тѣлесной красоты.

Въ 4-ой строфѣ послѣдній стихъ: „каші мыхраб, гѳзѳ мембер іазым“ (брови у нея должны быть, какъ михрабъ, а глаза, какъ мимберъ) заключаетъ нѣкоторую трудность для толкованія смысла. Первое сравненіе вполне понятно: брови должны быть также-же выгнуты, какъ михрабъ (ниша, обращенная къ киблѣ), что представляетъ признакъ красоты. Повидимому, г. Гизе въ такомъ-же смыслѣ понимаетъ вторую часть стиха; но вѣдь „мимберъ“ (каедрa, съ которой читаютъ хутбу и говорятъ проповѣди) вовсе не выступаетъ въ видѣ полукруга. Можетъ-быть, вмѣсто того, чтобы измышлять толкованія, удобнѣе предположить случайность сравненія съ мимберомъ, вызваннаго въ поэтѣ представленіемъ о михрабѣ. „Мыхтар“ (въ послѣднемъ стихѣ) значить-ли музыкантъ (т. е. мыхтар—миһтер или по-турецки: меһтер)? Не проще-ли подразумѣвать здѣсь мухтара („старосту“), присутствіе котораго на свадьбахъ и другихъ народныхъ сборахъ такъ естественно и даже необходимо.

№ 55. Въ пѣснѣ превозносится храбрость зейбековъ.

Выраженіе: „чаршылы базар“, нѣсколько необычно, во всякомъ случаѣ удобнѣе перевести: крытый базаръ. Прозвище: „Хорзум оглу“ (т. е. Хорозун оглу) указываетъ, что отецъ или вообще, кто изъ его предковъ занимался птицеводствомъ или пѣлъ „такъ хорошо, какъ пѣтухъ“. Глаголь: „калгышмак“, обозначаетъ фреквентативность дѣйствія; его первообразная форма: „калгымак“, также употребляется въ иконійскомъ діалектѣ въ значеніи: „ојнамак“ (играть на инструментѣ, плясать, забавляться), напр., въ пословицѣ: „Нереде чалгы, орада калгы“ (гдѣ есть музыка, тамъ пляши).

№ 56. Въ этой пѣснѣ, распѣваемой по указанію г. Гизе, во

время свалебнаго ритуала, изображается жалкая доля дѣвушки, отданной недостойному ея мужу.

Въ первомъ стихѣ г. Гизе повторяетъ обычную свою ошибку, связывая исходный падежь съ глаголомъ, тогда какъ слово: „тенінден“ (у г. Гизе почему-то „тенінден“), зависитъ отъ „незік“; стало-быть, стихъ нужно такъ перевести: *на тебя надѣли рубашку изъ (тонкаго) полотна, которое нѣжнѣ тѣла*. Третій стихъ (2-ой строфы) представляетъ нѣкоторую перефразировку пословицы: „рагбет гүзеліле зенгіне“ (ухаживаютъ (только) за красивымъ и богатымъ).. Въ четвертомъ стихѣ: „суна“ значитъ: стройный, какъ деревцо. „Ынды“ (въ тожь-же стихѣ), будучи прибавлено къ повелительному наклоненію, выражаетъ нетерпѣніе говорящаго: „калынды“ (ну, останься-жо!). Эта частица извѣстна и жителямъ Коніи. Подъ „ајлак“ въ Малой Азійи разумѣется батракъ, нанимаемый помѣсячно, отсюда въ дальнѣйшемъ: человекъ, не имѣющій опредѣленныхъ занятій, лѣнливый. Весь стихъ: „тезе гелін бѳјүкгыз гочјіүцін (sic! непомятная вставка г. Гизе) аймау“ можно такъ перевести: для джигита молодка и красная дѣвица то-же, что батракъ (котораго онъ, не задумываясь, прогонитъ, чтобы взять на его мѣсто другаго). «Елім“ (въ послѣднемъ стихѣ) отъ: „ehl“, означаетъ собственно: достойный; въ провинціи употребляется такъ-же въ смыслѣ: супругъ, супруга.

№ 57. Это—боевая пѣсня, отражающая горячность турка.

„Сакар“ (мѣтка на лбу лошади), какъ прозвище Османа, указываетъ на его задорный нравъ. „Балы“ (въ 2-ой строфѣ) въ соединеніи съ „бѳреклі“ не совсѣмъ подходитъ въ данномъ мѣстѣ; можетъ-быть, лучше читать: „баллы“ (медовый).

№ 58. Поэтъ воспѣваетъ подъ именемъ Мавуши и Аиши свою возлюбленную.

Въ мусульманскомъ мѣсяцесловѣ собственно нѣтъ имени „Мавушъ“ (или „Мавуша“, какъ, напр., въ „Беса“, Сами бея), но оно получило большое распространеніе, какъ въ Румеліи, такъ и въ Малой Азійи. Очевидно, это ничто иное, какъ искаженное персидское имя: „Махвеш“ (Луноликал).

№ 59. При видѣ возвращающихся на родину журавлей, поэтъ мечтаетъ на чужбинѣ о своей возлюбленной Мединѣ.

Женское имя Медина указываетъ, разумѣется, на уваженіе, какимъ окруженъ въ народѣ священный городъ мусульманъ.

„l'ajbet“ (заочное злословіе) обычная анатолійская форма вмѣсто: „гъйбет“. Стихъ: „чок јашајип мейнетіле ѳлмеден аз јашајип демлер сѳрмек јејіміш (оказывается, лучше было прожить немного, но въ удовольствіе, чѣмъ долго жить въ мученіи) повидимому, представляетъ народное гномическое выраженіе. То-же и дальше въ № 65 (4-ая строфа).

№ 60. Это діалогъ между дѣвушкой и парнемъ, хвастующихъ другъ передъ другомъ своими достоинствами.

„Ганч (дж) ык“, „канджик“ говорится не только о самкахъ животныхъ, но и о женщинахъ, особенно въ языкѣ анатолійскаго простонародья. Въ репертуарѣ меддаховъ жители Кастамуни вышучиваются обыкновенно этимъ словомъ. Первые два стиха предпоследней строфы, кажется, невѣрно поняты: въ „бурмајым“, сѳрмејім“ заключены не мѣстоименные аффиксы 1-го лица, а 1-ое лицо вспомогательнаго глагола: быть. Т. е. я—золотой кранъ, (придѣланный) къ бѣлому озеру. „һанеј“ (въ послѣдней строфѣ) означаетъ комнаты дома, подъ которыми находится пустое жилое пространство, т. е. по-нашему это—второй, третій и т. д. этажи дома. Домъ одноэтажный, подъ которымъ стало-быть, нѣтъ ничего, называется: „јер ов“ или въ Константинополѣ; „јер ода“.

№ 61. Въ этой пѣснѣ также происходитъ состязаніе между дѣвушкой и парнемъ. Пѣсня, повидимому, не окончена.

Въ стихѣ „каршыда даулары... ділемем“ (я не могу раскопать горы, что супротивъ меня) „ділемем“=болѣе употребительному „делемем“ („делік“—отверстіе). Стихъ: „Салынсан узум бојнуну гѳремем“ я такъ-бы перевелъ: какъ-бы ты ни нагибалась (изъ-за окна), я все-же не могу видѣть тебя во весь твой ростъ.

№ 62. Это стихотвореніе, оставшееся неяснымъ г. Гизе, выпукло рисуетъ настроеніе деревни, молодыя силы которой отрываются отъ семьи для военщины. Въ глазахъ поселянъ появленіе жандармовъ, вербующихъ солдатъ, напоминаетъ собою моровую язву, которая безъ разбору косить направо и налево. Въ деревнѣ стоитъ немолчный вой матерей, и юноши стараются ихъ утѣшить, хотя не очень-то увѣрены въ благополучномъ возвращеніи домой съ военной службы.

Таковъ общій смыслъ стихотворенія; но истолкованіе отдѣльныхъ стиховъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Второй стихъ: „чеврелер уджуна сімлер ішледі“ (она, т. е. смерть вотка-

ла въ края платковъ серебряныя нитки) метафора для выраженія силы моровой язвы. Смерть, отъ которой люди въ страхѣ всегда сторонятся, теперь вплотную подошла къ нимъ; она какъ-бы свила себѣ гнѣздо въ платкахъ. Платокъ, въ края котораго для украшенія пропускають серебряныя нитки, употреблень, какъ предметъ чуть-ли не первой необходимости для челоуѣка. Четвертый стихъ („вар гіделім-мар гит бенден нен калды?“) такъ-же, по-видимому, оказался непонятымъ. Молодой солдатъ обращается къ смерти, ищущей всюду жертвъ: (ты слышишь, мнѣ кричатъ: эй ты) идемъ; ступай-же (прочь отъ меня); чего еще тебѣ нужно отъ меня (т. е. я и безъ того обреченъ на смерть). Образъ пятаго стиха: „her ачѣлан баѣрак дѣѣунмѣ санды“ (что-жъ, гдѣ она ниувидала знамя, она уже думала, что это свадьба?), взять изъ свадебныхъ обрядовъ. До сихъ поръ въ свадебномъ ритуалѣ сохраняется воспоминаніе объ „умыканіи“ невѣсты. Дружки жениха, отправляясь за невѣстой, изображаютъ изъ себя какъ-бы шайку разбойниковъ, во главѣ которыхъ находится „ефе“ (атаманъ); впереди надъ толпой всегда развѣвается знамя. Въ выраженіи „аулашман, аналар“ нужно-бы передать фреквентативность глагола: „зачѣмъ вы, матери, такъ плачете“?

№ 63. Это вариантъ пѣсни № 51 о нѣкоемъ Дели-молла (сумасшедшемъ муллѣ). „Молла“—vox media, и значить: 1) учитель, муфти (напр. „мысыр молласы“—муфти Египта), 2) молодой семинаристъ. „Гафылыи“ (вм. „гафылым“) значить: я разсѣявъ; сомнительно, чтобы адвербіальная форма прилагательнаго: „гафил“ была извѣстна мало-азійскому турку.

№ 64. Это предсмертная пѣсня воина, который шлетъ своимъ роднымъ послѣдній привѣтъ.

Выраженіе: „кылыджмыи гамджысына“ (на кнутъ (!) моего меча) нѣсколько странно; можетъ-быть, нужно читать: „камзесіне“. „Камзе“ (вм. литературной формы: „кабзе“) означаетъ: рукоятка.

№ 65. Въ пѣснѣ изображена беззавѣтная храбрость племени: „гачер оглу“, для которыхъ смерть въ бою, какъ для турка орхонскихъ надписей, высшая мечта.

Гачер-оглу—большое юрцкое племя, живущее около Ала-шехира. Ихъ средне-азіатскіе сородичи дали изъ себя въ Персіи нынѣшнюю каджарскую династію. Пожалуй, „талба“ (метатезисъ вм. тавла-тавіле), значить здѣсь конюшня. „Девриш кратлары“ со-

вѣршено не понято: если-бы здѣсь шла рѣчь о лошадяхъ дервиша (des Dervisch), стоялъ-бы родительный падежъ, т. е. дєврїшїн. Это выраженіе просто-на просто значить: смиренныя лошади, тихія, какъ дервиши („какъ монахи“). Въ стихѣ: „чок јашајнп муһлетїне ђїмеден“ можетъ-быть, лучше-бы читать вм: „ђмеден“—„ермеден“ т. е.: вмѣсто того, чтобы долго жить и (въ концѣ концовъ) испытать горести (жизни), лучше... Въ предпоследнемъ стихѣ поэтъ сравниваетъ свое оружіе (острый мечъ) съ вѣрнымъ товарищемъ.

№ 66. Это—прощальная пѣсня нѣкоего Османа, посаженнаго въ тюрьму за контрабандный провозъ табаку.

Окрестности Конїи, куда съ трудомъ можетъ проникнуть жандармскїй дозоръ, вообще благопрїятны для всякихъ разбоевъ, отчего горные жители, вмѣсто того, чтобы покупать по крайне высокой цѣнѣ табакъ „режи“, предпочитаютъ заниматься контрабандой.

№ 67. Пѣсня представляетъ стихотворную обработку легенды о человѣкѣ, очарованномъ во время охоты ланью. Нужно припомнить, что въ турецкихъ сказкахъ подъ видомъ лани скрывается часто какал-нибудь пери.

„Zihribar“ (этотъ замокъ, кажется, играетъ какую-то роль въ легендахъ объ Али) почему-то пропущено при переводѣ. Вмѣсто: „алтымызда јазарыз“ (въ началѣ 4-ой строфы) скорѣе можно-бы ожидать, какъ въ 3-ей строфѣ, дательный падежъ: „алтымыза јазарыз“ (мы подстелемъ подъ себя). Мѣстный падежъ еще болѣе страненъ въ предпоследнемъ стихѣ (т. е. нужно читать: „бу јїүїде (вм. јїүїтде)... аүлар“ по этомъ джигитѣ плачуть матери).

Работа г. Гизе вообще не свободна отъ мелкихъ недостатковъ. Прже всего, авторъ безъ всякой необходимости, увеличиваетъ нижній этажъ ссылками на такія изслѣдованія, какъ напр., на „Sagataische Sprachstudien“, Германа Вамбери, когда вопросъ разрѣшается просто, а главное—рельефнѣе, примѣрами изъ живаго языка. Недостаточное знаніе современнаго турецкаго (османскаго) языка обнаруживается мѣстами въ невѣрномъ или неточномъ переводѣ пѣсенъ, и это тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что, какъ заявляетъ г. Гизе въ предисловіи (стр. 11—12), онъ проштуди-

роваль записанныя пѣсни нѣсколько разъ: на мѣстѣ, а затѣмъ съ турками всякихъ общественныхъ классовъ. По мѣрѣ силъ и знаній, я старался устранить недоумѣнія, вызванныя чтеніемъ текстовъ. Рецензія на сборникъ г. Гизе вышла далеко за границы обычнаго отчета о новыхъ книгахъ, и вѣроятно, утомила читателя—неспеціалиста разборомъ деталей. Если однако читатель послѣ этого заинтересуется народной поэзіей, я буду считать свою цѣль достигнутой. Я не сомнѣваюсь, что изящныя народныя пѣсни, въ записи г. Гизе, дышашія глубиной чувства, которой подчасъ мы никакъ не могли-бы ожидать отъ турка, найдутъ, какъ между ориенталистами, такъ и среди большой публики восторженную аудиторію.

Приложеніе I.

Обзоръ сказокъ.

№ 1. *Благодарная лиса.* Лиса, спасенная мельникомъ изъ капкана, отправляется къ падишаху Хинда (Индіа) и проситъ четверть для мѣры золота. Возвращая мѣру обратно, она кладетъ туда нѣсколько монетъ и на вопросъ слугъ, откуда онѣ взялись, отвѣчаетъ, что у ея господина, падишаха Тозъ (пыль, т.-е. дутый падишахъ), денегъ несмѣтное количество. Когда, такимъ образомъ, падишахъ Хинда составляетъ себѣ ложное мнѣніе о богатствѣ Тоза, лиса сзываетъ черезъ глашатаевъ народъ на сговоры дочери падишаха Хинда. По дорогѣ она заводитъ ихъ въ болото, и бѣжить къ падишаху Хинда извѣститъ его, что падишахъ Тозъ, направляясь къ нему, попалъ въ болото. Падишахъ Хинда приказываетъ послать ему одежду всѣмъ на удивленіе, а когда къ нему во дворецъ является падишахъ Тозъ, окруженный блестящей свитой, онъ охотно отдаетъ за него свою дочь. Отпраздновавъ свадьбу, падишахъ Тозъ идетъ къ себѣ домой. А лиса забѣгаетъ впередъ и наказываетъ встрѣчнымъ пастухамъ говорить, что стада, которыя они пасутъ, принадлежатъ падишаху Тозъ. Свита падишаха Хинда поражена богатствомъ его зятя. Наконецъ, задугавъ „дивовъ“, что ихъ хотятъ убить, лиса поджигаетъ ихъ ло-

говеще, и когда свита, подѣхавъ, спрашиваетъ, что случилось, она съ притворной горестью, отвѣчаетъ, что пустяки: сгорѣлъ дворецъ падишаха Тозъ. Немедленно падишахъ Хинда приказываетъ выстроить зятю новый дворецъ, въ которомъ онъ остается жить съ женой.

Однажды лиса, чтобы испытать падишаха, притворяется мертвой. Когда объ этомъ докладываютъ падишаху, онъ велитъ ее повѣсить внизъ головой. Тогда лиса вскакиваетъ и начинаетъ упрекать его въ неблагодарности. Черезъ нѣсколько времени лиса въ дѣйствительности умираетъ. Подозрѣвая опять со стороны лисы какую-нибудь хитрость, падишахъ Тозъ осторожно подходитъ къ ней и осматриваетъ ее. Убѣдившись въ ея смерти, онъ вызываетъ имама, который и хоронитъ ее по мусульманскимъ обрядамъ.

№ 2. *Царь и пери-голубь.* Царь, оставшись въ чужомъ городѣ безъ свиты, слышитъ, какъ глашатай обѣщаетъ за часовую работу большую денежную награду и дѣвушку. Поневоля царь вызывается, и его зашиваютъ въ животъ лошади. Какъ только слуги, оставивъ его у подножья горы, удаляются, слетаются птицы и поднимаютъ его на вершину горы. Птицы начинаютъ клевать трупъ, и царь отъ шума ихъ просыпается. Тогда слуги, стоящіе внизу, предлагаютъ царю указать ему дорогу съ горы, если онъ броситъ имъ сверху нѣсколько камней, представлявшихъ ничто иное, какъ слитки золота. Царь поддается ихъ обѣщаніямъ; однако тѣ, подхвативъ золото, удаляются, и только черезъ нѣсколько дней находитъ онъ спускъ, откуда срывается въ пропасть. Очнувшись, онъ видитъ передъ собой дворецъ. Дворцовый сторожъ, „царь птицъ“ ласково принимаетъ его и уходя къ птицамъ, передаетъ ему ключи отъ палаты, при чемъ строго-настрого запрещаетъ входить въ одну комнату. Любопытство однако беретъ верхъ; царь входитъ въ комнату и при видѣ красавиць-пери, прилетѣвшихъ въ отсутствіе сторожа искупаться въ бассейнѣ, падаетъ въ обморокъ. Сторожу жалко дѣлается царя, и онъ совѣтуетъ ему, когда черезъ годъ пери опять прилетятъ, взять сорочку младшей пери и не отдавать ея, пока отъ нея не родится ребенокъ, пока, такимъ образомъ, не будетъ закрѣплена ея связь съ человѣкомъ. Царь такъ и поступаетъ. Радостный, возвращается онъ съ дѣвушкой домой къ своимъ родителямъ. Чтобы удержать у себя дѣвушку, онъ закладываетъ дворецъ, и въ основаніе его прячетъ рубашку. Когда молодые послѣ свадеб-

наго пира идутъ въ опочивальню, пери слышитъ запахъ своей рубашки; она достаетъ ее изъ-подъ фундамента и улетаетъ, предлагая царю розыскать теперь ея родителей, безъ согласія которыхъ она такъ-же, какъ прежде царь, не хочетъ выходить за него замужъ. Прилетѣвъ къ себѣ во дворецъ, она рассказываетъ отцу о случившемся. Отецъ попенялъ дочери, что она отказалась отъ такого знатнаго жениха, и послалъ по царству, куда по мнѣнію дочери царь долженъ придти за ней, двухъ пери. Между тѣмъ, царь разыскалъ снова сторожа дворца, который, сжалившись надъ царемъ, заготовилъ для него на дорогу запасы мяса и хлѣба и посадилъ его на птицу. Птицы, передавая его съ рукъ на руки, добрались наконецъ до границъ владѣній пери, гдѣ его увидали гонцы пери и привели къ своему господину. Такъ царь вновь свидѣлся со своей возлюбленной. Черезъ нѣсколько времени ему захотѣлось навѣстить своихъ родителей и онъ собрался въ путь съ молодой женой. Когда въ дорогѣ пери вошла въ бассейнъ искупаться, изъ лѣсу вышелъ волкъ и растерзалъ ее. Съ горя царь умираетъ.

№ 3. *Рыбакъ.* Младшій братъ, по ремеслу рыбакъ, отправляется въ Измиръ (Смирну). Въ то время какъ онъ съ грустью смотрѣлъ въ кофейнѣ на море, къ нему подошелъ хозяинъ кофейни и узнавъ, что онъ стѣсненъ въ деньгахъ, снаряжаетъ для него лодку и сѣти. Ему попалась въ сѣти одна рыба, которую у него покупаетъ за высокую цѣну еврей, такъ-какъ ему во снѣ приснилась именно эта рыба. На другой день тоже. На третій день рыбакъ, удивленный щедростью еврея, распарываетъ животъ рыбы и вытаскиваетъ оттуда чашу. Только зачерпнулъ онъ ею воды, вышелъ арабъ и, пожелавъ ему здоровья (какъ это требуется послѣ питья воды), подалъ ему горсть золота. Рыбакъ въ благодарность предложилъ было хозяину кофейни чашу, но тотъ отказался. Однажды увидала у него чудесную чашу красавица и, отдавъ письму рыбаку, взяла у него чашу себѣ. Когда отецъ замѣтилъ, что дочь его забеременѣла, онъ выгналъ ее изъ дому. Въ платѣ мужчины, дѣвушка просить пріюта у бѣдняковъ, и ночью рождаетъ. Благодаря своему богатству она платитъ въ городѣ за всѣхъ, кто-бы что ни взялъ, подъ однимъ условіемъ, чтобы за нее молились. А своему хозяину, у котораго она сперва остановилась, она даетъ золото, чтобы онъ только молчалъ о ея ребенкѣ, и велитъ нарисовать надъ источникомъ чашу, и если кто, испивъ изъ источника воды, вздохнетъ,

того вести къ ней. Отецъ дѣвушки скоро прослышалъ о щедрости новаго правителя и собрался въ путь съ визиремъ. Когда дѣвушка узнала, что въ городѣ находится ся отецъ, она пригласила его къ себѣ во дворецъ и, зная его вкусы, угостила его такъ, какъ будто-бы онъ былъ у себя дома. Царь наконецъ попросилъ воды. Лишь только онъ выпилъ воды изъ чаши дочери, выросъ передъ нимъ арабъ, который подалъ царю горсть золота. Въ удивленіи царь сталъ просить эту чашу; но дѣвушка требуетъ, чтобы онъ согрѣшилъ съ ней. Царь сперва отказывается, но желаніе обладать чашей превозмогаетъ, и онъ ночью идетъ къ дѣвушкѣ. Тогда дѣвушка открывастся отцу, кто она, и рассказываетъ исторію чаши. Царь смягчается и прощаетъ увлеченіе дочери, отдавшейся рыбаку. Царевна выходитъ замужъ за рыбака.

(Оригиналъ сказки скомканъ).

№ 4. *Царевичъ и златокудрия красавица*. Ослѣпнувъ подъ старость, царь посылаетъ своихъ дѣтей принести ему землю, на которую не ступалъ еще его конь, такъ-какъ только отъ этого могутъ прозрѣть его глаза. Когда старшіе сыновья безуспѣшно возвращаются домой, въ путь снаряжается младшій сынъ. По совѣту встрѣченной имъ старухи, онъ отыскиваетъ таинственную пещеру, гдѣ виситъ узда. Едва только онъ тряхнулъ уздой, сбѣжался табунъ лошадей; но царевичъ выбралъ изъ нихъ паршивую лошадь, съ кривыми ногами, и въ мгновеніе ока подѣзжаетъ на ней къ большому дереву, вокругъ котораго обвился драконъ, собираясь сожрать птенцовъ страшной птицы. Царевичъ убиваетъ дракона, и птица, узнавъ цѣль его путешествія, говоритъ ему: „твой отецъ здѣсь совершалъ послѣобѣденную молитву; подъ тобой его лошадь, и ты достигнешь, чего желаешь, а если понадобится, приходи ко мнѣ“. Распростившись съ птицей, царевичъ ѣдетъ дальше и наконецъ поступаетъ на службу къ одному царю. Визиря царя начинаютъ завидовать юношѣ, пользующемуся царскимъ благоволеніемъ, и нашептываютъ своему повелителю, что новый его визирь можетъ принести золотую птицу. Царевичъ по совѣту своего друга, „большой птицы“, вѣшаетъ на деревѣ падалъ, къ которой слетаются золотыя птицы; но завидѣвъ „большую птицу“, онъ въ страхѣ прячутся въ пещерѣ, гдѣ царевичъ (впрочемъ, не безъ труда) ловитъ одну изъ нихъ, чего въ свое время

не могъ сдѣлать его отецъ. Царь въ восторгѣ отъ принесенной юношей золотой птицы; но недовольные визири изыскиваютъ новыя средства, чтобы погубить его. Когда юноша, взлѣзшій по требованію царя на большой тополь, показываетъ ему прядь золотистыхъ волосъ, занесенныхъ на дерево птицей, царь требуетъ, чтобы онъ принесъ ему красавицу съ золотыми волосами. Верхомъ на своемъ конѣ юноша во мгновеніе ока очутился уже на островѣ, гдѣ на престолѣ возсѣдаетъ златокудрая дѣвица. Не давъ ей опомниться, онъ обхватываетъ ее и слышитъ, какъ его конь (эта была заколдованная пери) умоляетъ сестру на этотъ разъ сжалиться надъ ней и сѣдокомъ. Уступая просьбамъ своей старшей сестры, златокудрая красавица непрекословно ѣдетъ съ юношей во дворецъ къ царю; но когда царь, очарованный ея красотой, хочетъ на ней жениться, она задаетъ ему три трудныя работы. Юноша похищаетъ у пери кожаную лодку и въ это же время беретъ оттуда горсть земли, такъ-какъ это единственное мѣсто, гдѣ не ступалъ еще конь его отца. Затѣмъ, съ большими усиліями конь его достаетъ изъ моря лошадь съ желѣзной головой. Когда юноша ведетъ чудовище къ царю, за нимъ тянется изъ моря сорокъ кобылицъ. Златокудрая красавица, все еще не теряя надежды избавиться отъ назойливаго царя, велитъ ему наполнить лодку молокомъ кобылицъ и искупаться въ немъ. Царь, совсѣмъ потерявшій голову, влѣзаетъ въ лодку, но въ тѣло его моментально всасывается ядъ, заключавшійся въ молоко, и онъ умираетъ. Тогда красавица предлагаетъ юношѣ исполнить третью задачу. Опять его выручаетъ вѣрный конь, отъ заклинаній котораго сила яда пропадаетъ. Красавица смиряется, и въ сопровожденіи молодой жены, юноша ѣдетъ обратно въ свое царство, гдѣ его давно поджидаетъ отецъ. Чудесная земля исцѣляетъ его, и въ радости, онъ отказывается отъ престола въ пользу младшаго сына. (Встрѣчаются вычурности).

№ 5. *Состязаніе загадками между дѣвушкой и дуракомъ.* Въ страхѣ передъ отцомъ, которому хочетъ на него пожаловаться старуха, дуракъ („kel-оглан“) бѣжитъ въ степь и тамъ встрѣчаетъ компанію молодыхъ людей. Молодые люди разсуждаютъ о дѣвушкѣ, которая отъ жениха требуетъ неслышанной вещи: платья, скроеннаго безъ ножницъ и сшитаго безъ иглы. Дуракъ, выслу-

шавъ ихъ разговоръ, вызывается отвѣтить на всѣ ея вопросы. Не будучи разумѣется, въ состояніи исполнить ея требованія, онъ въ свою очередь предлагаетъ ей невозможныя задачи. Между ними начинается состязаніе, въ которомъ они безъ всякаго стѣсненія задаютъ другъ другу неприличные иногда вопросы. Дѣвушка убѣждается въ находчивости дурака, и соглашается выйти за него замужъ.

№ 6. *Хитрый дуракъ*. Разъ дуракъ заявилъ: „ахъ если-бы у меня былъ въ карманѣ піастръ, я выкинулъ-бы штуку“! Одинъ богачъ услышалъ это и далъ дураку деньги. Тогда дуракъ, раздавъ деньги по мелочнымъ лавкамъ, велѣлъ въ опредѣленный часъ явиться въ такую-то баню и спрашивать сына индійскаго царя. Банщикъ, который сперва довольно грубо обошелся съ дуракомъ, сообразивъ изъ вопросовъ лавочниковъ, что къ нему въ баню зашелъ переодѣтый царевичъ, сталъ выказывать ему всевозможные знаки вниманія. Разодѣвъ его въ лучшія одежды, онъ предоставилъ въ его распоряженіе крупную сумму денегъ. Дуракъ снялъ палатку и, подкупивъ конюха великаго визиря, совершилъ на другой день въ сопровожденіи блестящей свиты, верхомъ на лошади визиря, прогулку по городу, возбуждая во всѣхъ удивленіе. Едва его увидала дочь царя, она запылала къ нему страстью и пристала къ отцу, чтобы онъ узналъ ей, что это за царевичъ. Царь посылаетъ къ дураку нѣсколько слугъ, но челядь дурака согласно полученнымъ приказаніямъ, не пропускаетъ ихъ въ покои его. Тогда къ дураку является шейхъ-уль-исламъ (глава духовенства) и приглашаетъ его во дворецъ. Дѣвушка уже не можетъ сдерживать своего чувства и посылаетъ отцу черезъ рабыню платокъ, „что по обычаю того времени, выражало любовь“. Царь призадумался—было; но дуракъ, хотя и не безъ смущенія, предлагаетъ отправить гонцовъ къ его родителямъ и испросить ихъ разрѣшенія на бракъ. Когда индійскій царь получилъ письмо, онъ не могъ удержаться отъ смѣха, узнавъ, что какой-то проходимецъ выдаетъ себя за его сына. Но отъ природы онъ и его жена были добры, и тронутые выраженіями почтительности дурака, они его усыновили и послали на корабляхъ богатые подарки. Между тѣмъ, дуракъ все время былъ въ страхѣ, что вотъ-вотъ откроется его продѣлка, и онъ поплатится головой. Увидавъ, что все такъ прекрасно кончилось, онъ соглашается испол-

нить волю нареченнаго отца, благословляющаго его на бракъ. Послѣ свадьбы дуракъ, одаривъ лавочниковъ, при помощи которыхъ онъ достигъ высшихъ почестей, отправился въ Индію и, хотя старожилы Индіи знали, что у царя нѣтъ сына, все-же дураку была оказана торжественная встрѣча.

№ 7. *Мудрый юрюкъ*. Однажды царь, призвавъ къ себѣ дядьку, приказалъ ему отгадать его волю, выраженную въ такихъ туманныхъ изреченіяхъ, какъ: (въ) двадцать (лѣтъ)—тигръ, (въ) тридцать—левъ, (въ) шестьдесятъ—баранъ, (въ) семьдесятъ—корова, (въ) восемьдесятъ—кура, (въ) девяносто—яйцо“. Сколько ни ходилъ дядька, никто не могъ понять, что хотѣлъ сказать этимъ царь; наконецъ, въ Коніи отыскался юрюкъ (турецкій кочевникъ), который разъяснилъ дядькѣ, что царь, изображая ходъ человѣческой жизни, намекаетъ на свою старость. Когда царь узналъ, кто растолковалъ его загадку, онъ вызвалъ къ себѣ юрюка и назначилъ его великимъ визиремъ.

№ 8. *Навожденіе*. Охотникъ, встрѣтивъ въ горахъ лань, три раза пѣлился въ нее, но отъ страха бросалъ ружье, потому что всякій разъ лань обращалась въ человѣка. Когда, наконецъ, онъ выстрѣлилъ, на мѣстѣ лани оказалась старая тряпка, а подъ охотникомъ выросла скала, подбросившая его въ воздухъ.

(На мой взглядъ, это скорѣе легенда, а не прозаическая передача пѣсни).

№ 9. Это разсказъ о войнѣ между племенемъ: Качарь-оглу и какимъ-то туркменскимъ беємъ. Но возможно, что онъ извѣстенъ такъ-же въ стихотворной обработкѣ.

Содержаніе №№ 10 и 11 повторяется во второй части сборника, въ отдѣлѣ пѣсенъ. № 10 представляетъ разсказъ о разбойникѣ Гер-Али (см. пѣсню № 47), а въ № 11 изображается борьба между двумя беями (№ 52).

№ № 11—18. Очерки изъ быта юрюковъ.

Приложеніе II.

Примѣчанія къ прозѣ сборника и предисловію.

№ 1. Въмѣсто „гүрп іден“ не читать-ли: „гүрпүден“ т. е. стремительно? „Mil“ означаетъ: „лужа, образовавшаяся отъ стока грязной воды“. Фраза: „бізде чок пара олмасса, дүјүнү бурда жапарыс“ не даетъ смысла; скорѣе, вмѣсто „бізде“ нужно предположить: „сізде“, т. е. царь хочетъ сказать; ну, что за бѣда, что у васъ нѣтъ денегъ, мы можемъ отпраздновать у меня свадьбу. Глаголь: „сармаламак“ употребляется обыкновенно, какъ второй членъ парнаго сочетанія: „сармак-сармаламак“.

№ 2. По поводу формы: „гөрүјүр“ г. Гизе ссылается на статью проф. К. Фоя, который, какъ извѣстно, разлагаетъ формы настоящаго времени на дѣспричастіе даннаго глагола + спрягаемая форма глагола: „јүрүмек“. Что настоящее время сложная форма, въ этомъ давно уже не было сомнѣній; но гипотеза покойнаго Фоя мало доказательна; скорѣе, въ виду употребленія въ другихъ діалектахъ „јатмак“ въ значеніи вспомогательнаго глагола, можно подозрѣвать и въ османскомъ языкѣ его наличность (гипотеза акад. Э. Е. Корша). Во всякомъ случаѣ, на мой взглядъ, вѣроятнѣе искать (глаголь съ твердой огласовкой, мож. быть, даже старо-турецкій глаголь: јорумак—ходить)¹⁾, такъ какъ твердая гласная въ этихъ формахъ остается не только при твердыхъ корняхъ, но и при мягкихъ. Нѣкоторыя недоумѣнія можетъ возбуждать вопросъ, какимъ образомъ въ османскомъ языкѣ такъ быстро совершилась эта эволюція, между тѣмъ какъ слѣдовъ ея мы не видимъ въ другихъ вѣтвяхъ турецкихъ языковъ. Впрочемъ, съ семасіологической точки зрѣнія за глаголь: „јүрүмек“, какъ выражающій движеніе, говоритъ то обстоятельство, что въ Кульджѣ напр. настоящее время образуется посредствомъ глагола: „өтмек“ (проходить); я вижу (въ кульджинскомъ діалектѣ): „гөре өтемен“.—„Заурак“ значить: полка, идущая вдоль стѣны деревенскаго дома, куда крестьяне кладутъ посуду и т. д.; отсюда обра-

¹⁾ на что обратилъ мое вниманіе прив.-доц. А. Н. Самойловичъ.

зовано прилагательнос: „заураклы“, напр.: „еві заураклы“ (домъ его полная чаша).

№ 3. Глаголь: „чалпаламак“ (полоскать) употребляется также въ формѣ: „чампаламак“. „Чалыджы“ происходитъ отъ „чалы“ (кустарникъ). Подъ „джіда“ (а не „джідам“) разумѣются ссадины, образующіяся у лошади отъ тренія сѣдла.

№ 4. „Джырмак“, „джырмаламак“ (карабкаться) употребляется не въ одномъ кастамунійскомъ діалектѣ; оно извѣстно напр. и въ Брусскомъ вилайетѣ. Во фразѣ: „факат дарылдыуында геі бені бул“ удобнѣе читать: „дарылдыуында“, т. е. приходи ко мнѣ, когда тебѣ придется туго (отъ: „даралмак“) а вовсе не когда ты разсердишься (отъ: дарылмак“). Выраженіе: „семіна веттана“ не требуетъ никакихъ поправокъ. Это извѣстная цитата изъ 2-ой суры (сура: „Корова“), когда пророкъ и правовѣрные заявляютъ Богу: „мы слышали и повинuemся“ (твоимъ заповѣдямъ). Въ выраженіи: „Сабырымъ мисилло“ мѣстоименный аффиксъ 1-аго лица лучше замѣнить мѣстоим. афф. 3-ьяго лица: т. е. „сабырымъ мисило“ (какъ это было раньше); форма: „сабырымъ“ (род. пад.?) не умѣстна.

№ 5. Не опечатка-ли это: „јакажы сынмыш“ (спряталась въ укромномъ мѣстѣ) вмѣсто: јакаја?

№ 6. Въ просторѣчии кварталъ: „таһтал кал'а“ называется таһта кале („деревянная крѣпость“). Форма: „верімеръ“ (или „верімеръ“) широко распространена, и возможно, что она принадлежитъ къ числу народныхъ (безграмотныхъ) образованій, въ которыхъ одна составная часть берется изъ турецкаго языка, а другая изъ иностраннаго (часто изъ персидскаго языка), какъ напр. јелпазе (вѣтеръ) изъ јел (вѣтеръ) и „баз“ корень персидскаго глагола: „бахтен“-играть; такъ-же „ојунбаз“ (акробатъ). Въ словѣ „верімеръ“ можно предположить существительное: „вері“ (даваніе) въ соединеніи съ персид. именнымъ образованіемъ; кер, гер, т. е. собственно, слово значить: имѣющій (въ своихъ рукахъ) право давать. Ср. такъ-же въ пѣснѣ № 15: „емекдер“ (сотрудникъ).

№ 10. Кажется, нужно читать: „bele дурмуш“, а не „beli дурмуш“ т. е. она заняла вершину высокой горы. Впрочемъ, возможно, что юрки, какъ румелійскіе турки, употребляютъ винительный падежъ часто вм. дательнаго.

№ 11. Выраженіе тѣркѣ јакмак“ (сочинить пѣсню) употребляется не только въ народномъ, но и въ литературномъ языкѣ.

№ 13. Вѣроятно, нужно читать: „бірісі онун ölüsünün (а не: ölüsünü) üzеріне бауырымш“: одинъ (медвѣдь) взвылъ надъ трупомъ умершаго (товарища).

№ 16. „ідераміс“ очевидно опечатка вм: „ідареміз“ (наше житье-бытье).

Въ предисловіи г. Гизе дѣлаетъ бѣглую характеристику домашняго быта юрковъ; но терминологія его возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ, слова, слышанныя имъ у юрковъ, извѣстны изъ языка другихъ вилайетовъ, и не только въ иномъ произношеніи, но подчасъ и съ другимъ значеніемъ; такъ напр., „шебіт“ („шіпіт“, „шы быт“ „шыпыт“, по-моему) означаетъ небольшой тонкій слой кругловатаго тѣста, начиненнаго часто сыромъ въ (Эдремитѣ): можетъ-быть, нужно читать не: „бездіме“, а „бездірме“ чуть-чуть потолще „шипита“ хлѣбъ. „Базлама“ выпекается и въ Румеліи; это тонкій хлѣбъ („блинъ“), весь въ дырочкахъ. Хлѣбъ, на дрожжахъ, называется „чöрек“; существуетъ такъ-же другаго рода хлѣбъ, подъ именемъ: „джізме“ (на дрожжахъ), „гöзілү“ (опрѣснокъ) и „боуача“ (прѣсный хлѣбъ, приготовляемый пастухами).—Не знаю, какъ у юрковъ, но вообще подъ „бостак“ у турокъ разумѣется всякій овощъ или плодъ, который можно употреблять въ їду сырымъ, т. е. не только огурецъ, но и кабачки, томаты, арбузъ, дыня. „һебе“ означаетъ сумку, перекидываемую не только на верблюда, но вообще, на всякое вьючное животное. Для сумокъ бльшаго размѣра скорѣе даже употребляется слово: „һуруч.“.

Владиміръ Гордлевскій.

Объ одномъ свадебномъ обрядѣ.

I.

Въ извѣстной книгѣ Крашенинникова о Камчаткѣ имѣется любопытное описаніе свадебныхъ обрядовъ камчадаловъ, довольно часто цитируемое въ работахъ по исторіи первобытнаго брака. Главная суть этихъ обрядовъ сводится къ слѣдующему: „Когда женихъ получаетъ позволеніе хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ-нибудь напасть на нея въ малолѣтствѣ: ибо она бываетъ тогда подъ охраненіемъ всего женскаго полу того острожка, которія рѣдко отъ ней всѣ отлучаются. Сверхъ того, во время хватанья бываетъ она одѣта вдвой или втрои хоньбы, опутана сѣтми рыболовными и ремнями увязана такъ, что она не можетъ повернуться какъ статуа. И если женихъ улучшить въ малолѣтствѣ свою невѣсту, то бросается съ великимъ стремленіемъ, деретъ на ней хоньбы и сѣти, чтобы коснуться тайнаго уда: *„ибо сіе у нихъ вмѣсто вниманія почитается“*. Охраняющія невѣсту родственницы оказываютъ жениху всяческое сопротивленіе, „бьютъ его, таскаютъ за волосы, терзаютъ лицо, и всякія средства употребляютъ, чтобы ему не дать схватать невѣсты“. Вслѣдствіе этого попытки жениха рѣдко удаются сразу и иногда проходитъ цѣлый годъ и больше, прежде чѣмъ онъ достигнетъ своей цѣли; бывають даже случаи, что женихи получали при этомъ серьезныя увѣчья и окончательно отказывались отъ невѣсты. Но зато „буде жениху пощастится предпріятія свое произвести въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умилнымъ и жалостнымъ голосомъ *ни ни*. Въ семъ состоитъ вся важность брачнаго ихъ сочетанія“. „Кто схватаетъ невѣсту, то въ

слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозить ея въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній“¹⁾.

Штеллеръ подтверждаетъ описаніе Крашенинникова почти во всѣхъ деталяхъ и опредѣленно указываетъ, что рѣшающимъ моментомъ для заключенія брака было „Einstecken des Fingers in die Schaam“. Что касается до сопротивленія самой невѣсты и охраняющихъ ее родственницъ, то Штеллеръ упоминаетъ, что любящая жениха невѣста умѣла облегчить ему задачу, въ противномъ же случаѣ ему предсояло выполнить дѣйствительно очень трудное дѣло. „Хватаніе“ или, какъ онъ пишетъ, „Gwatawanie“ и свадьба (Hochzeit) у Штеллера въ примѣненіи къ камчадаламъ синонимы²⁾. Ко всему сказанному надо добавить, что дѣвушки у камчадаловъ пользовались значительной свободой, и женихи не требовали отъ нихъ новинности; больше того, какъ сообщаетъ Крашенинниковъ, правда, на основаніи разсказовъ, точности которыхъ онъ не берется „утверждать“, „зятевья въ порокъ тещамъ своимъ ставятъ, когда женъ получаютъ дѣвицами“³⁾. То же, но въ болѣе категорической формѣ, повторяетъ и Штеллеръ⁴⁾.

Еще чаще описывался аналогичный обрядъ у коряковъ. Уже Крашенинниковъ говоритъ, что они „невѣсты хватаютъ по Камчатски“, но добавляетъ онъ, „вмѣстѣ имъ спать дозволяется, хотя невѣста и не схватана“; для совершенія обряда невѣста однако „бываетъ по надлежащему опутана“⁵⁾. Нѣсколько позже въ отвѣтахъ, присланныхъ въ 1770 г. иркутскимъ губернаторомъ Брилемъ на вопросы сената, сообщается про чукочь и коряковъ, что у нихъ женихъ отработываетъ за невѣсту тестю „до то время, естли тотъ зять усильствомъ своимъ у засватанной своей невѣсты схвата ея небольшимъ ножомъ разрѣзавъ и за нижній ея тайный удъ захватить рукою, тогда уже ее дѣйствительно получить себѣ въ жену“. Во время „того его рукою дѣйствія“ женщины оказываютъ жениху отчаянное сопротивленіе, бьютъ его елико можно палками

1) *С. Крашенинниковъ*, Описаніе земли Камчатки (изданіе 1-е, 1755 г.), т. II стр. 121—122.

2) *G. W. Steller*, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka (1774) S. 343—345.

3) *С. Крашенинниковъ*, II стр. 125.

4) *Steller*, S. 345—346.

5) *Крашенинниковъ*, II стр. 163.

и дерутъ ручными ногтями, колютъ небольшими палками и женскими ножницами, для того увеселенія по обычаю ихъ". Дѣло иногда кончается тѣмъ, что женихъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы тестю въ концѣ-концовъ отказывается отъ надежды получить невѣсту ¹⁾.

Производившій въ 1787 г. опись западнаго берега Камчатки геодезистъ Елистратовъ даетъ описаніе свадебныхъ обрядовъ осѣдлыхъ коряковъ, содержащее въ себѣ нѣкоторыя любопытныя детали. Послѣ известнаго срока службы жениха тестю „полагаютъ день тотъ, въ который бѣдно-трудящійся женихъ получить долженъ невѣсту. Ее наряжаютъ во всѣ ихъ платья, и больше стараются о крѣпкихъ хонбахъ (штаны), которыхъ надѣваютъ двои или трои; потомъ всея окутываютъ ременными сѣтьми, и въ пологѣ дѣвки хранить опасно. Женихъ же, по утушеніи въ юртѣ огня, усматривая оплошность невѣсты и ея караульныхъ, старается тихо войти къ ней въ пологъ, и разобрать все прикрывающее ее; но какъ сего скоро ему учинить не можно, то стерегущія невѣсту бьютъ его чѣмъ ни попало, царапаютъ медвѣжьими лапами и орловыми когтями, не щадя лица и глазъ; онъ, снося сіе мученіе, исполняетъ свое намѣреніе, а когда оное ему удастся, то дѣвка закричитъ необычайнымъ голосомъ, и родственники бить перестаютъ“. Этимъ все дѣло кончается: „по утру на другой день невѣстины отецъ и мать берутъ жениха и его невѣсту съ ласкою руку и вводятъ въ дѣвкинъ пологъ; женихъ садится въ переднее мѣсто на невѣстиной постелѣ, гдѣ его и оставляютъ“ ²⁾.

Совершенно то же по существу, съ нѣкоторыми незначительными отклоненіями лишь въ деталяхъ, пишетъ про брачныя обряды коряковъ еще одинъ авторъ той же эпохи Лессепсъ ³⁾, и потому его показаній я уже не буду цитировать. Изъ литературы позднѣйшаго времени необходимо отмѣтить сравнительно краткое, но содержащее въ себѣ наиболѣе существенныя черты болѣе раннихъ

¹⁾ Описаніе народовъ находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. „Россійскій Магазинъ“, 1799 г., стр. 371.

²⁾ Западный берегъ Камчатки по описанію Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 г. „Зап. Гидрограф. Департ., кн. X, 1859 г., стр. 153—154.

³⁾ *Lesserps, Reise von Kamtschatka nach Frankreich. Aus dem Französischen vom Herrn Prof. Villoume. 1791, Bd. II, S. 66—68.*

описаній показаніе охотскаго окружнаго врача Богородскаго ¹⁾).

Наконецъ и новѣйшее и лучшее изъ имѣющихся въ литературѣ описаній коряковъ, работа В. И. Иохельсона вполнѣ подтверждаетъ правильность старинныхъ разсказовъ о свадебныхъ обрядахъ даннаго народа. Онъ указываетъ, что когда женихъ получаетъ разрѣшеніе „хватать“ (seize) невѣсту, ее одѣваютъ соответственнымъ образомъ, завязываютъ одежду ремнями, и тогда женихъ долженъ поймать ее, развязать или разрѣзать ремни ножомъ и дотронуться рукою до ея половыхъ органовъ. Для невѣсты обязательно сопротивленіе, хотя на практикѣ, конечно, оно бываетъ различно, смотря потому, какія чувства питаетъ дѣвушка къ жениху. Сопротивленіе настолько обязательно, что если женихъ встрѣтитъ невѣсту въ отдѣльномъ положѣи неодетой должнымъ образомъ, онъ не дотронется до нея, считая такую доступность съ ея стороны какъ бы оскорбленіемъ для себя. Впрочемъ, сопротивленіе и не заходить черезчуръ далеко, и если невѣста, не питая расположенія къ жениху, вздумаетъ убѣжать во время хватанія въ какой-нибудь чужой домъ, чтобы тамъ спрятаться, ея родственники мѣшаютъ ей сдѣлать это. Родственницы помогаютъ невѣстѣ защищаться отъ жениха, но только „иногда“. Разъ жениху удалось дотронуться до половыхъ частей невѣсты, это придаетъ ихъ браку легальный характеръ, и они становятся законными мужемъ и женой. Указанія на этотъ обрядъ имѣются и въ мифологій коряковъ. Когда Лунная Женищина не довѣряетъ обѣщанію Эмемкута жениться на ней, онъ дотрогивается рукою до ея половыхъ органовъ и говоритъ, что теперь-то ужъ не обманетъ ее, такъ какъ подобное прикосновеніе все равно, что бракъ ²⁾.

II.

Эти свадебныя церемоніи любопытны и сами по себѣ, но онѣ становятся еще интереснѣе вслѣдствіе возможности нѣкоторыхъ сопоставленій. Хотя въ свадебныхъ обрядахъ всѣхъ вообще русскихъ инородцевъ „символы захвата“, притворное насиліе жениха

¹⁾ *Богородскій*, Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа. Журн. Мин. Вн. Д. 1853 г. 4 стр. 109.

²⁾ *W. Iochelson*, *The Koryak* (The Jesup North Pacific Expedition, vol. VI), pp. 741—742, 176.

надъ невѣстой встрѣчается очень часто, но такого „хватанія“, которое существуетъ у камчадаловъ и коряковъ, ни у кого изъ другихъ инородческихъ племенъ Россіи нѣтъ; ни у кого изъ нихъ прикосновеніе къ половымъ органамъ невѣсты не является безусловно необходимымъ и въ то же время вполне достаточнымъ для законности брака актомъ. Въ этомъ отношеніи камчадалы и коряки стоятъ особнякомъ среди прочихъ племенъ Сибири ¹⁾, и искать какихъ-нибудь аналогій ихъ свадебнымъ обрядамъ придется довольно далеко, на американскомъ континентѣ, и притомъ на извѣстномъ отдаленіи отъ Берингова пролива.

У томпсоновскихъ индѣйцевъ, живущихъ на рѣкахъ Фразеръ и Томпсонъ въ Британской Колумбіи и принадлежащихъ къ салишскому племени, имѣется на ряду съ другими способами заключенія брака и такъ называемый „бракъ прикосновеніемъ“ (matriage by touching), обстоятельно описанный однимъ изъ участниковъ экспедиціи Дезюпа-Тейтомъ. Сущность этого способа состоитъ въ томъ, что человекъ, желающій жениться на дѣвушкѣ, долженъ былъ прикоснуться къ ея обнаженной груди или пяткѣ. Послѣ этого для обѣихъ сторонъ уже не было отступленія, и онѣ сразу становились мужемъ и женою. Равнымъ образомъ достаточно было мужчигѣ развязать или разрѣзать шнуровку на груди дѣвушки или завязки у ея штановъ, и онъ опять-таки сразу становился ея признаннымъ мужемъ безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ церемоній. Въ настоящее время „бракъ прикосновеніемъ“ уже вышелъ изъ употребленія, но это не мѣняетъ сути дѣла ²⁾.

Совершенно такой же способъ заключенія брака имѣлся у ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ томпсоновскихъ индѣйцевъ, у племени лиллуетъ. Здѣсь, по свидѣтельству того же Тейта, тоже мужчигѣ было достаточно дважды въ разное время дотронуться

---

1) Отвѣты Бриля не различаютъ коряковъ и чукочъ, но никакихъ другихъ указаній на существованіе „хватанія“ у чукочъ, не имѣется, поэтому данное описаніе относится очевидно къ однимъ корякамъ. Равнымъ образомъ не подтверждается ничѣмъ по отношенію къ первымъ и указаніе Эрмана на хватаніе у тунгусовъ и камчадаловъ. Впрочемъ, съ этимъ указаніемъ я знакомъ лишь изъ вторыхъ рукъ.

2) *J. Teit, The Thompson Indians of British Columbia (The Jesup North Pacific Expedition. Vol. I, Part IV), pp. 323—325.*

до груди или до пятки дѣвушки, чтобы сдѣлаться ея мужемъ ¹⁾. Боазъ, съ своей стороны, даетъ такое описаніе брака у лиллоуетъ: „Дѣвушки, достигнувъ зрѣлаго возраста, спали съ матерями. Когда мужчина намѣревался жениться на дѣвушкѣ, онъ проползаль украдкой къ ея постели и старался схватить ее за пятку... Дѣвушка немедленно же увѣдомляла отца, что такой-то человекъ схватилъ ее за пятку, и онъ долженъ былъ жениться на ней“ ²⁾.

На первый взглядъ роль пятки во всѣхъ этихъ церемоніяхъ можетъ показаться нѣсколько странной, но дѣло разъясняется вполне просто объясненіями, приводимыми Боазомъ, со словъ самихъ индѣйцевъ. Суть въ томъ, что пятка женщины близка къ ея половымъ частямъ, когда женщина сидитъ на корточкахъ, какъ вообще сидятъ индіанки. Такимъ образомъ, пятка служитъ какъ бы передаточной инстанціей, и прикосновеніе къ пяткѣ является замѣной прикосновенія къ половымъ частямъ дѣвушки. По формѣ брачный обрядъ томпсоновскихъ индѣйцевъ и племени лиллоуетъ приличіе „хватанія“ камчадаловъ и коряковъ, но основа и въ томъ и другомъ случаѣ остается тожественной, и закрывать глаза на это тожество не приходится.

Какъ у томпсоновскихъ индѣйцевъ, такъ у лиллоуетъ есть еще одна возможность получить дѣвушку въ жены, а именно для этой цѣли достаточно пробраться къ ней ночью и полежать на краю ея постели, не трогая самой дѣвушки. Нѣчто подобное проскальзываетъ и въ цитированномъ выше описаніи Елистратова, упоминающаго, что женихъ прокрадывается къ невѣстѣ съ цѣлью хватанія ночью, „по утушеніи въ юртѣ огня“. Было ли у коряковъ лежаніе на постели невѣсты самостоятельнымъ способомъ заключенія брака или подобный мотивъ просто примѣшивался къ „хватанію“, выяснить изъ описанія Елистратова невозможно, но смѣшеніе этихъ моментовъ вполне естественно. Вѣдь и лежаніе на постели дѣвушки, и прикосновеніе къ ея половымъ органамъ, хватаніе за пятку, дотрогиваніе до груди,—все это символы одного и того же значенія, во всѣхъ нихъ мы видимъ замѣну полового акта.

¹⁾ *J. Teit*, *The Lillooet Indians* (*The Jesup North Pacific Expedition*, Vol. II, Part V), p. 268.

²⁾ *F. Baas*, *The Indian Tribes of the Lower Fraser River* (*British Association for the Advancement of Science*. 1894), p. 458.

Если бы черты сходства между камчадалами и коряками, съ одной стороны, и внутренними салишскими племенами, съ другой, ограничивались аналогичностью „хватанія“ „браку прикосновенія“, такое сходство можно было бы объяснить простою случайностью. Но аналогіи идутъ дальше, и салишскія племена, несмотря на то, что они живутъ такъ далеко отъ Берингова пролива, входятъ въ кругъ тѣхъ народовъ американскаго континента, съ которыми можно сближать палеазіатовъ восточной Сибири. Достаточно познакомиться по книгамъ того же Тейта съ подземными жилищами томпсоновскихъ индѣйцевъ и лиллуэтъ, даже въ деталяхъ напоминающими подземныя же юрты коряковъ и камчадаловъ, чтобы сразу увидѣть, какое широкое поле для сближеній тутъ открывается. На ряду со многими другими аналогіями, и сходство въ брачныхъ обрядахъ имѣетъ существенное значеніе.

А. Максимовъ.

СМЪСЬ.

Мельниковъ (Печерскій), какъ собиратель былинъ.

Авторъ романовъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“ вносилъ въ свои художественныя произведенія въ значительномъ количествѣ этнографическіе матеріалы, имъ самимъ записанные. Эти матеріалы представляютъ значительную научную цѣнность. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстны точныя записи П. И. Мельникова. А между тѣмъ можно думать, что въ свои печатныя произведенія онъ включилъ лишь незначительную часть собраннаго имъ матеріала. Такъ, въ статьѣ „Очерки мордвы“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1867 г., Мельниковъ сообщаетъ, слѣдующее: „Во Владимирской губерніи, въ селѣ Нижній Ландехъ, въ 1855 году... встрѣтилъ я на базарѣ безрукаго нищаго, расшавшаго про Алексія Божія челоуѣка и т. п. „стихи“, Антона Яковлева, уже старика, ходившаго съ другими нищими-пѣвцами по базарамъ и сельскимъ ярмаркамъ Владимирской, Костромской и частію Нижегородской губерній. Я записалъ со словъ Антона Яковлева нѣсколько былинъ о богатыряхъ (которыя лишь весьма незначительными варіантами отличаются отъ напечатанныхъ въ *Собраніи тьсенъ* Кирѣвскаго), и кромѣ того нѣсколько преданій о разныхъ мѣстностяхъ верхневолжскаго края“¹⁾.

Сообщеніе это любопытно само по себѣ: до сихъ поръ изъ Владимирской губ. была извѣстна лишь одна былина, и фактъ существованія нѣсколькихъ былинъ въ половинѣ XIX в. имѣетъ значеніе для вопроса о географическомъ ихъ распространеніи. Затѣмъ, весьма важно сообщеніе Мельникова въ томъ отношеніи, что даетъ одно изъ рѣдкихъ свидѣтельствъ объ исполненіи былинъ *каликкою*, нищимъ-профессіоналомъ, пѣвцомъ стиховъ. Но

¹⁾ Полное собраніе сочиненій П. И. Мельникова. 1898. XII, 10, прим. 2.

еще интереснѣе было бы имѣть подлинныя былины Антонова Яковлева, такъ какъ указаніе Мельникова на то, что онѣ мало отличаются отъ собранныхъ Кирѣевскимъ, ничего намъ не говоритъ, пока мы не знаемъ, съ какими былинами сборника сравнивалъ ихъ авторъ. Весьма желательно было бы, чтобы люди, имѣющіе доступъ къ бумагамъ, оставшимся отъ П. И. Мельникова, дали свѣдѣнія о томъ, сохранились ли собранные имъ этнографическіе матеріалы. Исслѣдователи былинь объ Ильѣ Муромцѣ часто цитировали сказаніе о мордвинѣ Скворцѣ, жившемъ на мѣстѣ Нижняго Новгорода, которое было изложено Мельниковымъ въ статьяхъ „Очерки мордвы“ и „Преданія въ Нижегородской губерніи“¹⁾. Подлинное сказаніе до сихъ поръ неизвѣстно, и мы знаемъ лишь, что оно было найдено Мельниковымъ въ 1845 г. въ рукописномъ сборникѣ временъ Петра Великаго.

А. Марковъ.

Изгородь сѣверной деревни.

Изъ всѣхъ предметовъ деревенскаго быта, характеризующихъ экономическую сторону жизни населенія, быть можетъ, слабѣе всѣхъ затронуты изученіемъ полевая изгородь. Да и самый видъ этихъ примитивныхъ сооружений не представляетъ ничего загадочнаго; ничего интереснаго, что возбуждало бы умъ исслѣдователя трудностью и значительностью неразрѣшенной задачи. А между тѣмъ если поставить себѣ такой невинный, напр., вопросъ: „какова эволюція русской сѣверной изгороди въ послѣднія 3—4 столѣтія“, то едва ли подобный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ на основаніи фактическихъ, а не апіорныхъ соображеній. Несомнѣнно, что сѣверная изгородь столь же древняго происхожденія, какъ и сѣверная деревня. Колонистъ, брошенный среди непроходимыхъ лѣсовъ сѣвера, прежде всего огораживался изгородью отъ окружающаго „дикаго мѣста“, „лома“, чтобы сохранить въ цѣлости домашній скотъ; вмѣстѣ съ этимъ, онъ огораживалъ за сѣянныя поля отъ своей и чужой скотины. Съ увеличеніемъ населенія изгородь стала необходимымъ признакомъ межъ, отдѣляющихъ села и деревни другъ отъ друга. Такое юридическое зна-

¹⁾ Тамъ же, стр. 8—10, 420—421.

ченіе изгороди было закрѣплено Судебниками: княжескимъ 1497 года и царскимъ 1550 г.

Хотя, такимъ образомъ, межи Московской Руси въ силу закона обставлялись городьбою, но самая форма и размѣръ этихъ „межевыхъ знаковъ“ не были нормированы, какъ, впрочемъ, это наблюдается вплоть до конца 17-го столѣтія по отношенію къ межникамъ, столбамъ, ямамъ, гранямъ и пр.

Для изгороди съ указаннымъ юридическимъ значеніемъ Судебники знаютъ одинъ терминъ „межный огородъ“; на основаніи ясныхъ указаній древнихъ памятниковъ судопроизводства по земельнымъ процессамъ, можно сдѣлать то предположеніе, что изгородь съ чисто хозяйственнымъ значеніемъ называлась часто „осѣкъ“ или „огородъ“. Провести рѣзкое различіе между осѣкомъ и „огородомъ“ не представляется возможнымъ. Одно тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что изгороди около черныхъ лѣсовъ назывались по преимуществу осѣками.

Чрезвычайно характерными для исторіи „огорода“ и „осѣка“ являются постановленія Судебника 1589-го года. Этотъ памятникъ, открытый въ 1900-мъ году, чрезвычайно загадочнаго происхожденія: онъ, съ одной стороны, безспорно не былъ закономъ для всей Московской Руси, но, съ другой—онъ употреблялся на сѣверѣ при рѣшеніи спорныхъ дѣлъ, какъ авторитетный источникъ, „судебникъ“, изъ котораго въ своихъ просьбахъ тяжущіеся цитировали дѣлыя статьи. Какъ бы то ни было, историками права придается указанному Судебнику исключительное значеніе для выясненія мѣстнаго (сѣвернаго) обычнаго права.

По отношенію къ изгородямъ, ст. 169 этого Судебника содержитъ такое правило: „А огородъ ставитъ около поля 7 жердей добрая, а около гумна 9 жердей добрая. А осекъ ставитъ 7 хлудинъ нарочитая. А чья животина черезъ такой огородъ пакость сотворитъ, и сыскавъ на томъ протравъ взяти“....

Придавая Судебнику Федора Іоанновича значеніе памятника обычнаго права, мы должны предположить, что авторъ его взялъ приведенныя выше нормы изъ указанія повседневнаго опыта и дѣйствительной жизни, т. е. мы должны думать, что въ 16-мъ столѣтіи огородъ или осѣкъ ставились въ 7 жердей или хлудинъ.

Это предположеніе невольно рождаетъ мысль о существую-

щихъ въ настоящее время разитрахъ изгородей нашего сѣвера. Свѣдѣнія, которыми я располагаю относительно Новгородской губерніи, говорятъ слѣдующее. Изгороди въ ней называются осѣнками и отдѣляютъ поля „хлѣбныя“ отъ парового, гдѣ пасется, пока не убрали хлѣбъ, домашній скотъ.

Эти осѣнки строятся по мірской разверткѣ, сообразно количеству земли у домохозяина, такимъ образомъ: между парами толстыхъ кольевъ, забитыхъ сажени черезъ $1\frac{1}{2}$, кладутся горизонтальныя жерди числомъ отъ 6-ти до 8, а въ среднемъ по 7 штукъ. Это полное совпаденіе цифръ Судебника 16-го столѣтія и настоящаго момента, отдѣленнаго отъ указаннаго закона 320-ю годами, позволяетъ, какъ намъ кажется, сдѣлать тотъ выводъ, что сѣверныя изгороди не только весьма древняго происхожденія но, что болѣе важно, очень древни по формѣ: вѣроятно, ни одинъ изъ предметовъ быта новгородца-пахаря временъ таинственнаго Гостомысла не дошелъ до насъ въ такой первобытной чистотѣ, какъ изгородь около полей.

Къ моему глубокому изумленію, то же количество горизонтальныхъ жердей—7 штукъ—кладется въ губерніяхъ Западной Сибири и въ Забайкальской области, что указываетъ на вѣроятную колонизацію Сибири, выходцами сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областей Московской Руси.

В. Седашевъ.

Изъ повѣрій о животныхъ у жителей Ярославской губерніи.

а. Новокупленная скотина.

При покупкѣ лошади, коровы и другой скотины въ Ярославской губерніи соблюдаются общеизвѣстные обычаи передавать скотину „изъ полы въ полу“, прихватывать у продавшаго (незамѣтнымъ образомъ) горсть навозу, сѣна, брать съ продавца деньги (5—10 коп.) на поводокъ (жертвуютъ въ церковь) и т. д. Здѣсь прихватываніе навоза, сѣна дѣлается обыкновенно женщинами. Если скотина продается на бойнѣ, то берутъ навозъ изъ-подъ телѣги, сѣно изъ того вороха, который она въ послѣдній разъ ѣла. Все это дѣлается, чтобы скотина не убѣгала отъ новаго хозяина. Кроме того, съ той же цѣлью выполняется и слѣдующій обычай.

Когда приведутъ корову на новый дворъ, и она будетъ убѣгать къ старому хозяину, то новый хозяинъ беретъ мотокъ суровыхъ нитокъ, обматываетъ ими всю корову—голову, брюхо, спину, ноги—и такъ она всю ночь стоитъ на дворѣ, затѣмъ нитки разматываютъ и выдаютъ тутъ же въ навозъ.

Если купили собаку, которая убѣгаетъ на старое мѣсто, то дѣлаютъ слѣдующее: возьмутъ длинную лозу (пруть), этимъ прутомъ смѣрятъ собаку, и воткнутъ его въ своемъ дворѣ. Новопуленной собакѣ (а также и скоту) хозяинъ даетъ хлѣба со своею слюной.

Побѣгъ новопуленного скота считается большимъ несчастіемъ для деревенскаго поселенина: ее не любятъ-де „дворовой“. При частыхъ побѣгахъ скота прибѣгаютъ къ „отчерпалкамъ воды“ и къ другимъ знахарямъ, а иногда такой скотъ снова продаютъ— „не ко двору пришелся“—продаютъ за безпѣнокъ, разоряя себя.

„Ну-тко, сваха“, говоритъ одна сосѣдка другой: „мы вѣдь ономнѣ продали новолѣтку-то; все, матка, лѣто-то-лѣтински и убѣгала въ замошицу. Я и водицы-то отчерпывала и къ зарѣчкимъ дѣвкамъ бѣгала (Зарѣчье славится знахарками и отчерпалками воды)—ништо не помогало!“

б. Кукушка.

Кукушка, по повѣрью Ярославскаго народа, имѣетъ даръ предвѣщанія, а также черезъ нее можно найти и талисманъ счастья. Въ Колобовской волости, Пошехонскаго уѣзда, крестьянки берутъ тотъ сучокъ, на которомъ сидѣла кукушка, когда куковала, и имъ обводятъ кругъ по внутреннимъ стѣнкамъ крышки, употребляемой для молока; кругъ этотъ дѣлается по самому краю,— и тогда отъ этого „кукушачьяго сучка“ всегда будетъ большой настой молока.

„Кукушачій сучокъ“ носятъ такъ же, какъ талисманъ, въ карманѣ—а именно, охотники. Этотъ сучокъ долженъ имъ давать прибыль на охотѣ. Кромѣ того, всякій имѣющій при себѣ „кукушачій сучокъ“, предохраняется тѣмъ отъ несчастій.

Самое же кукованье кукушки—не къ радости. Если кукушка прилетитъ весной и начнетъ куковать, когда еще лѣсъ не одѣлся зеленью, это—къ неурожаю въ наступающемъ году; напротивъ, если она впервые запѣла на зеленый лѣсъ—будетъ урожай. Ку-

кушка, часто прилетающая къ селеню и кукующая на селеніе, предвѣщаетъ бѣду—пожаръ. Кукушка, кукующая на дому, предвѣщаетъ продолжительный или навсегда уходъ кого-нибудь изъ дому: уходъ на заработки, въ солдаты или выдадутъ кого-либо въ этомъ году замужъ. Но кукушка не предвѣщаетъ смерти. Для этого въ повѣрьяхъ мѣстнаго народа существуетъ воронъ. Поэтому говорятъ: „Нонѣ кукушка у насъ на дому куковала—не пришлось бы Натаху замужъ отдавать“. О воронѣ говорятъ: „Надъ домомъ воронъ пролетѣлъ, да и на трубѣ посидѣлъ—быть покойнику“. Кукушку спрашиваютъ также: „скажи мнѣ кукушка сколько мнѣ осталось жить?“. Сколько разъ она прокукуетъ, столько лѣтъ и жить.

Кукушка служить и для сельско-хозяйственныхъ примѣтъ. Крестьянинъ примѣчаетъ, что соловей перестаетъ пѣть, когда рожь озимая вполне выколосится, а кукушка перестаетъ пѣть, когда всѣ травы вполне расцвѣтутъ и близокъ покосъ. „Пора ужъ, говорятъ они, косы бить и грабли готовить—вонъ ужъ кукушка охрипла“.

И. В. Костоловскій.

Критика и библиографія.

W. Lockelson. *The Koryak* (The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. Volume VI). Leyden-New-York. 1905—1908, pp. XV+842, in 4°.

Коряки были до сихъ поръ однимъ изъ наименѣе изслѣдованныхъ инородческихъ племенъ Сибири и даже полный перечень всей литературы о нихъ далъ бы какихъ-нибудь десятка два названій, не больше того, а если исключить отсюда работы полуконсплятивнаго характера, то дѣйствительно цѣнныхъ для науки сочиненій останется и совсѣмъ немного. Въ настоящій моментъ дѣло кореннымъ образомъ измѣнилось, и съ появленіемъ книги В. И. Лохельсона Коряки сразу превратились изъ пасынковъ этнографіи въ ея любимыхъ дѣтей. Ни одинъ изъ народовъ, живущихъ въ Сибири, не былъ до сихъ поръ представленъ въ литературѣ такой обширной и обстоятельной монографіей, какъ книга В. И. Лохельсона. Конечно, если свести во едино всю колоссальную литературу, напр., о Киргизахъ, она, можетъ быть, дастъ еще болѣе детальное знакомство съ ними, чѣмъ книга В. И. Лохельсона съ Коряками, но въ томъ то и дѣло, что тутъ нужна продолжительная и кропотливая сводка, отъ которой избавленъ человекъ, желающій ознакомиться съ Коряками. Для русской этнографіи великое счастье, что изслѣдованіе такого почти совсѣмъ неизвѣстнаго племени, какъ Коряки, было поручено Джезуповской экспедиціей именно В. И. Лохельсону, сумѣвшему дать чрезвычайно полное и обстоятельное и въ то же время въ высшей степени добросовѣстное и осторожное изслѣдованіе. Если бы о другихъ инородческихъ племенахъ были такія же тщательныя монографіи, это былъ бы такой громадный прогрессъ въ области этнографіи, который сразу бы поставилъ ее на совершенно иную почву.

Работа В. И. Лохельсона, какъ уже упомянуто въ заголовкѣ,

составляетъ 6-й томъ трудовъ Сѣверо-Тихоокеанской экспедиціи, снаряженной на средства недавно скончавшагося американскаго мецената Джезупа, и представляетъ громадную книгу болѣе чѣмъ въ 800 страницъ текста формата in quarto; такъ что даже по размѣрамъ эта работа представляетъ исключительное явленіе въ этнографической литературѣ. Описанію Коряковъ предпосланъ обзоръ литературы о нихъ, составленный тщательно, но все же не свободный отъ пропусковъ; въ числѣ пропущенныхъ сочиненій надо отмѣтить статью: „Западный берегъ Камчатки по описанью Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 г.“, напечатанную въ „Запискахъ Гидрографическаго Департамента“, кн. X 1852 г. и содержащую въ себѣ интересныя записи о Корякахъ геодезиста Елистратова, наблюдавшаго ихъ въ 1787 г.; „Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска, въ Камчаткѣ“, представляющее извлеченіе изъ отвѣтовъ (1770 г.) якутскаго губернатора Бриля на вопросы сената (напечатано въ „Россійскомъ Магази-нѣ“ 1792 г.); статью охотскаго окружнаго врача Богородскаго „Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа“ (Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ, 1853 г. 4); книгу Lessers'a „Reise von Kamtschatka nach Frankreich“ (переводъ съ французскаго, 1791 г.). Эти пробѣлы, впрочемъ, на содержаніи работы В. И. Тохельсона не отразились, и упоминаемъ мы о нихъ только въ цѣляхъ болѣе-шей библиографической полноты.

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ первая часть книги, посвященная религіи и мѣнамъ Коряковъ. Въ отдѣлѣ о религіи послѣдовательно описываются представленія Коряковъ о сверхъестественныхъ существахъ и прежде всего о Большомъ Воронѣ, преобразователѣ міра и предкѣ Коряковъ, о верховномъ существѣ (довольно не оформленнаго характера), о злыхъ существахъ и т. д., далѣе идутъ духи-хранители и покровительствующіе семейные предметы, фетиши, иногда общественные, но чаще семейные и изрѣдка личные, шаманы, профессиональные и семейные, ихъ заклинанія; праздники и жертвоприношенія (особенно подробно описывается праздникъ въ честь кита у приморскихъ Коряковъ), обряды при рожденіи, смерти и погребеніи; въ качествѣ заключенія дано изложеніе общихъ представленій Коряковъ о природѣ, представленій, противнутыхъ убѣжденіемъ въ одухотворенности всего видимаго и невидимаго и въ антропоморфномъ характерѣ душъ

или сущности всѣхъ предметовъ. Изложеніе здѣсь строго фактическое, не претендующее на широкія обобщенія, но не отказывающееся отъ сопоставленій съ явленіями религіозной жизни сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, эскимосовъ и сибирскихъ племенъ. Иллюстрацій въ этомъ отдѣлѣ очень много; кромѣ снимковъ съ различныхъ церемоній и изображеній различныхъ священныхъ предметовъ и принадлежностей культа и празднествъ, здѣсь даны снимки съ рисунковъ самихъ Коряковъ, ярво иллюстрирующія ихъ вѣрованія и представленія о природѣ и божествахъ; такъ, напр., рисунокъ (№ 40), изображающій „кала“ (злого духа), перехватывающаго жертву, назначенную Верховному Существо, можетъ сказать больше многихъ словъ. Нѣкоторыя заклинанія и молитвы, приведенныя въ этомъ отдѣлѣ, даны не только въ переводѣ, но и въ подлинномъ коряцкомъ текстѣ.

Слѣдующій отдѣлъ—миеологія—занимаетъ въ книгѣ В. И. Юхельсона весьма важное мѣсто. Коряцкій фольклоръ находится сейчасъ въ упадкѣ; его первобытная форма, въ которой всѣ сказанія относились къ божествамъ и духамъ, вымираетъ подъ вліяніемъ столкновенія съ высшей цивилизаціей, но не замѣняется новой формой, не относящейся къ религіи. Преданія и миѣы рассказываются у Коряковъ почти исключительно женщинами и зачастую сохранились лишь въ видѣ несвязныхъ отрывковъ. Несмотря на это, В. И. Юхельсону удалось собрать обильный матеріалъ; всего имъ записано 130 коряцкихъ сказаній и 9 камчадальскихъ (всѣ эти записи даны лишь въ переводѣ), и разработка этого матеріала приводитъ къ очень важнымъ выводамъ. Что коряцкій фольклоръ почти тождественъ съ камчадальскимъ, и въ то же время имѣетъ много общаго съ чукотскимъ и юкагирскимъ, что въ немъ есть, кромѣ того, позаимствованія изъ тюрко-монгольскаго эпоса,—все это такія вещи, которыя можно было предположить и а priori. Гораздо многозначительнѣе сопоставленія коряцкаго эпоса съ эпосомъ американскихъ Индѣйцевъ и Эскимосовъ. По подсчету В. И. Юхельсона, расчленившаго коряцкія сказанія на отдѣльные эпизоды, оказывается, что изъ 122 эпизодовъ имѣется общихъ съ фольклоромъ стараго свѣта—8, съ эскимосскимъ фольклоромъ—12, съ фольклоромъ американскихъ индѣйцевъ—75; далѣе 10 эпизодовъ коряцкаго эпоса общи индѣйскому и эскимосскому фольклору, 9 индѣйскому и фоль-

келору стараго свѣта и 8 индѣйскому, эскимосскому и стараго свѣта. Въ общемъ итогѣ общихъ съ индѣйскимъ эпосомъ 102 эпизода или 84%, съ эскимосскимъ—30 или 24%, съ эпосомъ стараго свѣта—25 или 20%. Изъ американскихъ племенъ Коряковъ приходится сопоставлять не съ какимъ нибудь отдѣльнымъ народомъ или лингвистической семьей а съ очень многими группами. Наиболѣе близокъ корякскому эпосу тлингитскій (73 эпизода), далѣе слѣдуютъ береговья племена южной части Британской Колумбіи (65 эпизодовъ), атапакскія племена (35), племена береговой части Вашингтона (27), алгонгинскія племена (10), Микмаки, Понка, Новаха и другія племена (13 эпизодовъ). Оставляя пока открытымъ вопросъ о томъ объясняется ли такое сходство эпоса Коряковъ и американскихъ индѣйцевъ общимъ происхожденіемъ тѣхъ и другихъ или позаимствованіемъ, В. И. Юхельсонъ считаетъ себя вправѣ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, тотъ выводъ, что, отдѣленные въ настоящее время другъ отъ друга громаднымъ пространствомъ моря, Коряки и Индѣйцы въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ имѣли между собою непрерывное и близкое общеніе и обмѣнъ идеями. Съ другой стороны, изученіе эпоса даетъ В. И. Юхельсону основаніе утверждать, что было время, когда Коряки и съ Эскимосами бывивъ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ въ настоящее время. Передатчиками азіатско-европейскихъ эпизодовъ къ Корякамъ авторъ склоненъ считать Юкагировъ на сѣверѣ и Тунгусовъ на югѣ.

Чтобы дать читателямъ хотя какое-нибудь представленіе о корякскомъ фольклорѣ, я заимствую у В. И. Юхельсона даваемое имъ дѣленіе корякскихъ сказаній на группы по содержанію; всѣхъ такихъ группъ имъ установлено 24: 1) Борьба Большого Ворона и его семьи противъ kalau (злыхъ духовъ); это самая обширная группа, содержащая 28 сказаній, и къ нимъ можно прибавить еще 3 разсказа о людоедахъ, которые не суть kalau, и 3 сказанія о борьбѣ Большого Ворона съ волками. 2) Комические разсказы и миѣы (часто весьма непристойнаго содержанія) о продѣлкахъ Большого Ворона и членовъ его семьи или о продѣлкахъ, жертвой которыхъ они были (35 сказаній). 3) Эмемгутъ, Облачный Человѣкъ или другіе герои убиваютъ дѣвушку или чью-нибудь жену или убѣждаютъ самого мужа убить жену, подъ предлогомъ невѣрности, а затѣмъ снова возвращаютъ убитую къ жи-

ни и женятся на ней (4 сказанія). Сюда же принадлежать исторіи о похищеніи жены у мужа (4 сказанія), о простомъ воскрешеніи мертвой дѣвушки и женитьбѣ на ней (2 сказанія), о томъ, какъ Облачный Человѣкъ внушаетъ Большому Ворону противоестественное желаніе выдать дочь замужъ за ея брата съ цѣлью, чтобы дочь могла убѣжать отъ Большого Ворона и укрыться въ лагерь молодого человѣка, которому Облачный Человѣкъ покровительствуетъ (1 сказаніе). 4) У Эмемкута похищаютъ жену или сестру и онъ находитъ ихъ послѣ разныхъ приключеній (4 сказанія); Эмемкута убиваютъ съ цѣлью овладѣть его женами, но онъ возвращается къ жизни и наказываетъ убійцу (1 сказаніе). 5) Эмемкутъ отправляется въ странствованіе, преодолеваетъ опасности и находитъ себѣ жену (3 сказанія). 6) Большой Воронъ выкрадываетъ дѣвушку для сына или въ образѣ ворона высматриваетъ новѣсту сыну (2 сказанія). 7) Дѣвушка не хочетъ выходить замужъ за Эмемкута, но чудовище или какой-либо другой нежелательный ухаживатель, посланные Большимъ Ворономъ, заставляютъ ее бѣжать къ Эмемкуту, котораго она прежде отвергла (3 сказанія). 8) Дѣвушка силой отнимаетъ мужа у другой женщины (2 сказанія). 9) Первая жена убиваетъ или уродуетъ соперницу (3 сказанія). 10) Эмемкутъ и его сестра успѣваютъ въ брачныхъ дѣлахъ, а ихъ кузены терпятъ неудачу (6 сказаній). 11) Женщины состязаются въ красотѣ и въ шаманскомъ искусствѣ (2 сказанія). 12) Герой напускаетъ на женщину болѣзнь, излѣчиваетъ ее и въ награду становится ея мужемъ (3 сказанія). 13) Дочь Большого Ворона выходитъ за одного человѣка, а въ слѣдствіи другой мужъ приноситъ ее назадъ, когда она посвѣщаетъ родителей (3 сказанія). 14) Двое людей ухаживаютъ за дочерью Большого Ворона и одинъ изъ нихъ, выполняющій извѣстное испытаніе, получаетъ ее (1 сказаніе). 15) Бракъ дѣтей Большого Ворона съ животными, неодушевленными предметами, явленіями природы и сверхестественными существами (22 сказанія). 16) Прелюбодѣнія Большого Ворона и Мити съ животными и неодушевленными предметами (3 сказанія). 17) Эмемкутъ женится на сестрѣ, а послѣдняя изъ стыда обмѣнивается мужьями съ другой женщиной (2 сказанія). 18) Прогнанный изъ дома сынъ Большого Ворона или его покинутая дочь становятся могущественными и метать отцу, или дочери убѣгаютъ изъ дома вслѣдствіе дурного

обращенія (3 сказанія). 19) Одинъ изъ сыновей Большого Ворона отправляется на поиски братьевъ, убитыхъ каннибалами, убиваетъ послѣднихъ и возвращаетъ братьевъ къ жизни (3 сказанія). 20) Превращеніе мужчины въ женщину или женщины въ мужчину, а также исторіи о мужчинахъ, рождающихъ дѣтей (4 сказанія). 21) Сношенія Большого Ворона и его дѣтей съ обитателями небесныхъ или подземныхъ селеній (9 сказаній). 22) Борьба Большого Ворона съ Чукчами и Оленными Коряками (2 сказанія). 23) Разказы, въ которыхъ Большой Воронъ и его семья не упоминаются (9 сказаній). 24) Смѣшанныя сказанія.

Въ концѣ даннаго отдѣла приведенъ подробный перечень отдѣльных эпизодовъ съ указаніемъ ихъ параллелей изъ фольклора другихъ народовъ. Этотъ перечень даетъ возможность, съ одной стороны, провѣрить выводы автора, а съ другой, пополнить его работу дальнѣйшими сопоставленіями. Хотя В. И. Юхельсонъ указываетъ, что онъ далеко не въ полной мѣрѣ использовалъ литературу по фольклору, тѣмъ не менѣе въ его перечнѣ сведено столько матеріала, что онъ можетъ быть очень цѣннымъ для изученія не только корякского эпоса, но и эпоса другихъ племенъ.

Вторая часть посвящена матеріальной культурѣ и социальной организаціи. Здѣсь прежде всего данъ очеркъ мѣстности, занимаемой Коряками, затѣмъ идетъ небольшая глава „корякское племя“, гдѣ связано понемногу о физическомъ типѣ и свойствахъ Коряковъ, объ ихъ болѣзняхъ, смертности, плодовитости, объ умственныхъ способностяхъ, о счетѣ и мѣрахъ, о дѣленіи года на сезоны и, наконецъ, объ языкѣ. Несмотря на краткость даваемыхъ въ этой главѣ свѣдѣній, здѣсь тѣмъ не менѣе можно найти много любопытнаго. Интересна, напр., лингвистическая стойкость Коряковъ, которые не только очень неохотно изучаютъ чужіе языки и тѣмъ заставляютъ иноплеменниковъ, имѣющихъ съ ними дѣла, изучать корякскій языкъ, но и не заимствуютъ даже отдѣльных словъ, придумывая для обозначенія новыхъ понятій и предметовъ, внесенныхъ къ нимъ русскими, свои собственные названія. Далѣе слѣдуетъ распредѣленіе Коряковъ по мѣстности; указаніе пастбищныхъ участковъ Оленныхъ Коряковъ и полный перечень всѣхъ селеній Приморскихъ (54 селенія), тутъ же даются свѣдѣнія о численности всего племени: 3748 Оленныхъ Коряковъ и 3782 Приморскихъ.

Этнограф. Обзор. Кн. LXXIX.

10

За этими главами, которыя, какъ вводныя, правильнѣе было бы помѣстить въ началѣ всего сочиненія, слѣдуетъ чрезвычайно детальное описаніе матеріальной культуры. Отдѣльныя главы чередуются тутъ въ такомъ порядкѣ: жилище, оленеводство, собаководство, рыбная ловля, охота и война, домашняя утварь и пища, одежда (включая сюда украшения, прическу и татуировку), ремесла. Не довольствуясь простыми описаніями, В. И. Тохельсонъ даетъ здѣсь матеріалы для культурно-исторической оцѣнки фактовъ корякской жизни. Очень поучительный очеркъ посвященъ, между прочимъ, оленеводству, гдѣ устанавливается сравнительно позднее появленіе этого факта и его зависимость отъ охотничьихъ экспедицій внутрь страны; авторъ категорически высказывается противъ довольно распространеннаго мнѣнія, что приморскіе Коряки (и Чукчи) были раньше оленеводами, но затѣмъ потеряли оленей въ силу тѣхъ или другихъ причинъ и должны были заняться рыболовствомъ и охотой какъ главными промыслами. Допускаемая такой переходъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, В. И. Тохельсонъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что какъ общее правило имѣлъ мѣсто обратный переходъ осѣдлыхъ рыболововъ и охотниковъ къ кочевому оленеводству, представляющему болѣе высокій хозяйственный типъ. Въ главѣ о собаководствѣ авторъ устанавливаетъ пять типовъ собачьей упряжки: западно-сибирской, восточно-сибирской, эскимосской, амурской и древне-камчадальской. Въ главѣ о жилищѣ данъ интересный очеркъ распространенія подземныхъ юртъ не только у палеазиатовъ, но и въ Америкѣ. Съ большимъ интересомъ читаются страницы, посвященные каменнымъ орудіямъ и ознакомленію съ металлами, древнему гончарному искусству, существованію котораго у палеазиатовъ до сихъ поръ отрицалось и т. д., и т. д. Изложеніе въ этомъ отдѣлѣ богато иллюстрировано, и благодаря обилію рисунковъ представленіе о матеріальной сторонѣ корякской жизни, дѣйствительно, получается отчетливое. Къ матеріальной культурѣ тѣсно примыкаетъ обширная глава объ искусствѣ: скульптурѣ, рѣзбѣ и орнаментѣ. Въ рѣзбѣ изъ кости и дерева коряки ушли очень далеко, и, напр., приведенный въ книгѣ снимокъ съ фигурки, изображающей капитана китоловного судна, обнаруживаетъ несомнѣнную способность схватить нѣкоторыя типичныя особенности изображаемаго лица; очень жизненны и нѣкоторыя бытовые сцены и изображенія разныхъ животныхъ (напр.,

фиг. 183). Орнаментъ коряковъ, равнымъ образомъ, достигъ уже довольно высокой степени совершенства и стилизаціи. Пигментно-графическаго письма, подобнаго юкагирскому, у Коряковъ нѣтъ, но они имѣютъ свои особыя памятливыя отиѣтки, особенно для счета товаровъ, и покупаютъ для этого карандаши и бумагу у русскихъ торговцевъ. Недостатокъ реализма при отиѣткахъ животныхъ и разнаго рода предметовъ въ подобнаго рода счетахъ даетъ автору основаніе думать, что условныя обозначенія не всегда представляютъ искаженіе первоначально реалистическихъ изображеній, а зачастую являются самостоятельными. Въ заключеніе этого отдѣла говорится о географическихъ картахъ, рисуемыхъ коряками и очень вѣрно передающими конфигурацію мѣстности; снимокъ одной изъ такихъ картъ данъ въ книгѣ.

Семейная жизнь Коряковъ и отношенія между полами описаны В. И. Юхельсономъ съ большою обстоятельностью и даютъ очень интересную картину. Коряки представляютъ до извѣстной степени исключеніе среди сосѣдей предъявляемыми ими строгими требованіями цѣломудрія какъ къ замужнимъ женщинамъ, такъ и къ дѣвушкамъ. Послѣдовательно проведенной экзогаміи у нихъ нѣтъ, но ограниченія браковъ между кровными родственниками и особенно между свойственниками идутъ довольно далеко. Обычное у коряковъ обязательство жениха отработать до брака извѣстный срокъ въ семьѣ невесты авторъ объясняетъ какъ испытаніе жениха; такое же испытаніе онъ видитъ и въ обычаяхъ „хватанія“ невесты. Очень детально останавливается В. И. Юхельсонъ на левиратѣ у Коряковъ, ставя этотъ институтъ съ культомъ домашнего очага и съ желаніемъ продолжить и укрѣпить связи, завязавшіяся между семьями чрезъ посредство брака. Впервые опубликована въ книгѣ система родства и свойства у коряковъ, не только принадлежащая къ типу „описательныхъ“, употребляя терминологию Моргана, но и не различающая дядей и тетокъ по отцу и по матери.

Дальше авторъ описываетъ племенную и общественную жизнь Коряковъ, не отличающуюся большою сложностью; послѣдовательно выработанныя промежуточные звенья между семьей и племенемъ здѣсь не образовались и теперешніе „роды“ представляютъ совершенно искусственное образованіе русской администраціи. Въ этой

же главѣ о „соціальной жизни“ говорится также о кровной мести, торговлѣ, путяхъ сообщенія, бѣгахъ и играхъ.

Заключительная глава имѣетъ дѣло съ исторіей отношеній между Коряками и Русскими и съ культурными вліяніями Русскихъ и другихъ народовъ на Коряковъ.

Ко всему сказанному остается добавить, что работа В. И. Юхельсона очень богато иллюстрирована (40 отдѣльныхъ таблицъ и 251 рисунокъ въ текстѣ) и снабжена хорошими указателями. Есть, впрочемъ, у ней недостатокъ—слишкомъ высокая цѣна, дѣлающая ее почти недоступной частнымъ лицамъ; все сочиненіе стоитъ 55 флориновъ или свыше 40 р. на наши деньги, не считая почтовыхъ расходовъ (при выискѣ черезъ магазины книга обходится въ 46 р. 75 к.) и, слѣдовательно, не можетъ разсчитывать на то широкое распространеніе, котораго оно заслуживаетъ по своему въ высшей степени цѣнному содержанію.

А. Максимовъ.

Dr. Georg Jacob. Beiträge zur Kenntnis des Dervisch-ordens der Bektashis. Berlin. 1908. X+100. (Türkische Bibliothek. Bnd. IX).

Исходя изъ мысли, что для уясненія религіозной жизни мусульманъ важно знакомство не только съ каноническимъ ученіемъ ислама, но и съ сектанствомъ, проф. Г. Якобъ посвятилъ настоящую работу ордену „бекташи“. Работа заключаетъ въ себѣ переводъ полемической брошюры Исхака-эфенди, направленной противъ этой секты, съ обширнымъ введеніемъ г. Якоба о мнимо́мъ основателѣ секты, Хаджи Бекташъ-Вели и о его послѣдователяхъ.

Правда, сектанты возводятъ свое ученіе къ Хаджи Бекташъ, однако ихъ утвержденія бездоказательны; точно такъ-же сомнительна исконная связь между Хаджи Бекташемъ и турецкимъ войскомъ янычаръ, хотя впоследствии и создавалась легенда объ основаніи войска Хаджи Бекташемъ, почему въ рядахъ янычарскаго войска находились всегда представители этого ордена. Естественно, что когда въ 1826 году султанъ Махмудъ II уничтожилъ янычарское войско, гоненія обрушились такъ-же на „бекташи“. Ихъ земли были переданы другимъ орденамъ. Однако ихъ монастыри („текке“) кое-гдѣ, даже въ Константинополѣ, до сихъ поръ уцѣлѣли; наиболѣе извѣстны между ними 4 провинціальныхъ: одинъ—въ Румелии, три—въ Малой Азіи. Г. Якобъ, на основаніи евро-

пейскихъ свидѣтельствъ, подробно рассказываетъ о „текке“, подѣ Кыр-шехиромъ (Ангорскаго вилайета). Этотъ монастырь приобрѣлъ большую популярность не только между мусульманами, но и христіанами, и ежегодно сюда стекаются тысячи поклонниковъ, въ чаяніи, что молитвы святыхъ отцовъ исцѣлятъ ихъ отъ всякихъ болѣзней.

Религіозное ученіе „бекташи“ представляетъ, быть-можетъ, компромиссъ между исламомъ (въ толкованіи персовъ) и христіанствомъ. Основнымъ моментомъ является ихъ вѣра въ тріичнаго Бога (Аллахъ, Мохаммедъ, *Али*). Повидимому (насколько это выступаетъ изъ брошюры Исхака-эфенди), идея непрерывной инкарнаціи божества такъ-же имъ близка, какъ вообще всѣмъ сектантамъ, источникъ ученія которыхъ—шіизмъ. Помимо другихъ шіитскихъ чертъ (празднованіе „тазіе“, ненависть къ первымъ тремъ халифамъ и т. д.), на ихъ ученіи сказалось сильное вліяніе Фазлул-ла-Хуруфи, († 804), придававшего особое, мистическое значеніе буквамъ. Гипотеза о христіанскомъ вліяніи на мусульманскую секту, быть-можетъ, на первый взглядъ покажется нѣсколько неожиданной. Но отношенія между христіанами и мусульманами всегда были дружескія; проф. В. Д. Смирновъ, напр., готовъ видѣть въ т. наз. сельджукскихъ стихахъ отголоски Евангелія отъ Іоанна (*Actes du XI Congrès des orientalistes. Paris. 1899. Troisième section. Стр. 142—157*). Стало-быть, неудивительно, что для сектантовъ гностическое ученіе христіанъ должно было быть ближе, чѣмъ суннитское пониманіе ислама. Впрочемъ, у самого проф. Якоба этотъ пунктъ затронутъ поверхностно.

Среди правовѣрныхъ турокъ „бекташи“ въ болѣеи степени, чѣмъ остальные мусульманскіе ордена (въ „мевлеви“, напр., такъ-же видятъ сторонниковъ Али), пользуются дурной славой; но въ исторіи турецкой литературы они займутъ видное мѣсто. Во время ихъ молитвенныхъ собраній или пооекъ речитируются стихотворенія, въ которыхъ чувства ихъ, не скованныя, благодаря ихъ общей невѣжественности, условностями арабской и персидской поэзіи, носятъ національный отпечатокъ. Лѣтомъ мнѣ довелось слышать ихъ старинную религіозную поэму, въ которой божество изображалось съ большимъ юморомъ; вѣроятно, теперь, съ объявленіемъ конституціи, запретныя сочиненія выйдутъ наружу, и

такимъ образомъ могутъ измѣниться наши представленія о турецкой поэзіи.

Вообще, всестороннее рѣшеніе вопроса объ ученіи „бекташи“ преждевременно. Это зналъ проф. Якобъ, и странно, что въ основу своей работы онъ положилъ *полемическое* сочиненіе, когда самъ-же вскользь отмѣчаетъ ненадежность такого источника.

Вл. Гордлевскій.

D-r G e o r g J a c o b, *horos kardasch (Bruder Hahn). Ein orientalisches Märchen- und Novellenbuch aus dem türkischem... übertragen von...* Berlin. 1906. (XIV+122). (Türkische Bibliothek, Bnd. V.).

Настоящій томикъ „Турецкой библіотеки“ содержитъ въ себѣ переводъ, съ обширными примѣчаніями, сказочнаго цикла: „Братъ Пѣтухъ“. Въ предисловіи проф. Георгъ Якобъ разложилъ, поскольку это оказалось возможнымъ, сборникъ на его составныя части, указавъ для каждаго отдѣльнаго мотива его варианты. Сборникъ распадается на двѣ главныя части: 1) исторія о хитромъ мальчикѣ („Братцѣ-Пѣтушкѣ“), метящемъ разбойникамъ за отнятую у него куру, 2) исторія турецкой Женевиевы, въ которую вплетена серія мелкихъ разсказовъ, какъ-то: а) о хитрости женщины, заставившей судью вернуть взятыя имъ у бѣдняка на храненіе деньги, б) исторія о гордомъ царѣ (литературная обработка разсказа у Гаршина), в) мотивъ о 3 запретахъ, нарушеніе которыхъ ввергаетъ въ несчастіе, г) мотивъ о ревнивомъ мужѣ (Отелло), д) исторія о монахѣ, наказанномъ за свое коварство.

Исторія этого цикла, извѣстнаго въ двухъ изданіяхъ (на турецкомъ языкѣ): армянскимъ и арабскимъ шрифтомъ, остается неясна. Для рѣшенія вопроса о его первоначальной редакціи важно было-бы изученіе странныхъ собственныхъ именъ, встречающихся въ сборникѣ, если только эти имена не вымышлены рассказчикомъ. Трудно вообще ихъ приурочить къ какой-либо реальной обстановкѣ; поэтому, всякая гипотеза будетъ произвольна. Впрочемъ, я позволю себѣ высказать „sous toute réserve“ предположеніе, что этотъ циклъ, полностью или по крайней мѣрѣ, отчасти, зародился въ Индіи, о чемъ свидѣлствуютъ, помимо общности мотивовъ, даже въ мелочахъ, нѣкоторыя имена, претерпѣвшія, вѣроятно, большія измѣненія („Текнам“ Так-нама?), „Урта-камусъ“; затѣмъ, этотъ сборникъ попалъ къ арабамъ (можетъ-быть, въ „Ша-

мер“ позволительно видѣть имя одного изъ убійць Али, а изъ „Шамер“ уже на турецкой почвѣ возникло Шармеръ). Окончательную обработку сборнику дали уже какіе-то христіане, что видно на тонѣ самыхъ разсказовъ, а также, на примѣръ, на введеніи въ циклъ христіанскихъ святыхъ (безсребренниковъ): Козьмы и Даміана. Такимъ образомъ, на долю турецкаго редактора (или переводчика?)¹⁾ выпала простая работа: онъ приправилъ разсказы пословицами (иногда, впрочемъ, совсѣмъ некстати), и ввелъ также нѣсколько именъ: Сурханъ (изъ Сару-ханъ?); имена: Каклакъ, Шишлекъ, Картошъ (изъ Кар-туш?) тоже звучатъ какъ-будто по-турецки. Во всякомъ случаѣ, я не согласенъ съ проф. Г. Якобомъ, который видитъ въ сборникѣ „ein türkisches Märchenbuch“. Это безусловно литературная обработка народныхъ сказокъ, искусственность которой рѣзко сказывается въ скомканности заключительныхъ мотивовъ.

Что касается работы, то она исполнена аккуратно; переводчикъ отмѣчаетъ всюду турецкія параллели къ пословицамъ въ текстѣ, привлекая иногда такой забытый матеріалъ, какъ: Gi. B. Donado, Della letteratura de'turchi (Венеція. 1688, 1690. 2-ое изданіе). Raccolta curiosissima d'adaggj. turcheschi (ibidem). Изъ мелкихъ промаховъ отмѣтимъ: арабское слово: „дуруб“ сохраняетъ въ видѣ рѣдкаго исключенія, звукъ д, т. е. „дуруб-і емсал“ (пословицы); не „өксіз“ (сирота), а „өксүз“; „il(им)дар“ (ученый) употребляется наряду съ „ilдан“; „шөһрет“ (извѣстность), а не: „шүһрет“; „el ічин аүлажан гөзден олур“ (кто плачетъ о чужомъ, остается безъ глазъ). Какъ здѣсь, такъ пожалуй, и на стр. 30. „el“ невѣрно понято въ смыслѣ „el“ (рука); „пота“ (плавильникъ), а не „пута“; „чул тутмаз“, б. мож., употреблено фигурально: онъ нигдѣ не уживается; „бені уфак тефек гөрүбде салахане сепеті мі саядын?“ (Такъ ты, увидавъ, что я такой невзвѣрный, принялъ меня за корзину на бойнѣ); удачнѣе извѣстный мнѣ вариантъ, гдѣ упоминается: „карамусал сепеті“ (корзина изъ Карамусала). Это деревня за Яловой, гдѣ готовятъ небольшія корзины. һаләб онда (а еще лучше: „орда) ісе, аршін бунда (опять лучше: бурда) дыр.“ (Если Алеппо тамъ, то аршинъ (для мѣрки матеріи

¹⁾ Да еще возможно, что это былъ не-турокъ. По крайней мѣрѣ, кое-гдѣ синтаксисъ не турецкій; встрѣчаются странныя ошибки, какъ: „hich dejilice“ (вм. hiç olmazsa).

алешской) здѣсь. Т.-е. мѣра вездѣ одинакова. Странно также, что проф. Якобъ подкрѣпляетъ свои соображенія, при переводѣ, ссылкой на практическое руководство къ турецкому языку, О. Еглички. А впрочемъ, это общая ошибка.

Вл. Гордлевскій.

F. Giese. Der Ubereifrige xodscha Nedim. Eine Meddâh-Burleske. Berlin. 1907. X+33+25. (Türkische Bibliothek, Band. VIII).

Изданная вѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ, турецкая рукопись г. Гизе представляетъ народный фарсъ, изъ репертуара „меддаховъ“, въ которомъ разсказывается исторія любопытнаго ходжи Недима. Въ домѣ ходжи Недима, отличавшагося большимъ умомъ, толпились постоянно по дѣламъ кліенты; въ концѣ концовъ это стало ему надоѣдать, и онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ такому способу: кліентъ долженъ былъ на бумагѣ изложить ему свою просьбу, а ходжа уже черезъ нѣсколько дней давалъ на нее отвѣтъ. Однажды онъ получилъ рядъ заявленій, подъ которыми стояли подписи армянина, еврея, лаза, турка и т. д. Еще не успѣлъ ходжа сообразить, въ чемъ дѣло, какъ уже къ нему ввалился армянинъ. Утомивъ ходжу разговоромъ на армянскомъ языкѣ, котораго тотъ совершенно не понимаетъ (отчего у нихъ происходятъ забавные *qui pro quo*), онъ вдругъ бросается къ ходжѣ и душитъ его въ своихъ объятыхъ. Въ это время появляются авторы остальныхъ заявленій и, думая, что это ужъ такой обычай, накидываются всѣ разомъ на ходжу и начинаютъ его тормозить. Измятый, ободранный, облитый съ головы до ногъ водой, ходжа встаетъ, и кое-какъ удается ему выслушать по одному дѣлу своихъ кліентовъ и отпустить ихъ. Но когда ходжа уже облегченно вздыхаетъ, что выпроводилъ всѣхъ, приходитъ сумасшедшій, и бессмысленная рѣчь его сводитъ съ ума ходжу. Такъ,—заканчиваетъ рукопись,—ходжа былъ наказанъ за свое излишнее любопытство.

Несомнѣнно, разсказъ, въ которомъ дѣйствующими лицами являются любимые народные типы, принадлежитъ къ литературѣ „меддаховъ“ (народныхъ разсказчиковъ), съ ихъ безграмотно-вычурнымъ языкомъ; но нравоучительное окончаніе разсказа указываетъ уже на его *книжное* происхожденіе. По крайней мѣрѣ, сколько я ни слышалъ въ Константинополѣ разсказовъ, въ нихъ никогда не было такой тенденціозности.

Издавая рукопись, г. Гизе долженъ былъ исправить ошибки безграмотнаго писца; впрочемъ, въ этомъ отношеніи хотѣлось-бы видѣть болѣе строгаго проведенія „условно-литературнаго“ правописанія. Хотя профессора Якобъ и Снукъ Хургронье уже объяснили значительно текстъ, одно-два замѣчанія будутъ все-же не лишни. „Сык басап“ (стр. 5) въ переносномъ смыслѣ можетъ значить: настойчивый. Вопросительная форма желательнаго наклоненія: „демесін“ заключаетъ въ себѣ отгнѣнокъ изумленія: а онъ и скажи! Странно было-бъ присутствіе французскаго „oui“ (да) въ языкѣ армянина; не {междометіе-ли это: гмъ! что? (стр. 6). Арабскій „каф“, въ Дамаскѣ, правда, произносятся, какъ гамзу, но въ Бейрутѣ это—глубоко-заднебный звукъ. Февраль не только въ Кастамунійскомъ вилайетѣ называется маленькимъ мѣсяцемъ („гүчүк ај“). На стр. 5 (перевода) дано произношеніе: „не hлеван“; лучше: „nehľван“ или „nehľван“ (борецъ). Выраженіе: „gŷle-gŷle“ (на стр. 23) можно соединять и съ другими пожеланіями. Оно, напр., даже самостоятельно, выражаетъ напутствіе: „ну, съ Богомъ“!

Вл. Гордлевскій.

FS. Г. Гизе присоединилъ къ нѣмецкому переводу еще нѣсколько замѣчаній къ ранъше изданному проф. Якобомъ тексту: „Fanni dede ile Omeraça“. Поэтому, и я считаю удобнымъ сказать по этому поводу два-три слова. Прежде всего замѣчу, что медахъ Люледжи Ахмедъ (Кыз-Ахмедъ?) пользовался большою извѣстностью въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ XIX-го вѣка, и его портретъ мнѣ пришлось видѣть въ одномъ переводномъ путешествіи по Турціи (Константинополь и турки. СПб. 1843.) Самый сюжетъ о ловкости гравера, умудряющагося въ одномъ стихѣ умѣстить полную характеристику заказчика, связывается обыкновенно съ именемъ Мухлисъ - Эс'адъ паши, бывшаго одно время вали въ Коніи. О немъ, кстати сказать, вообще ходитъ много анекдотовъ, которые усердно собираетъ одинъ изъ моихъ турецкихъ друзей, Веледъ-челеби.

Вл. Грдл.

L. Pekotsch und M. Bittner. Mehmed Tschelebi, (ein ursprünglich türkisch verfasster Schwank)... Wien 1905. VIII+20+23+25.

Чтобы поправить какъ-нибудь свои денежные дѣла, дрогистъ

Мехмедъ-челеби вступаетъ въ соглашеніе съ комисіонеромъ Самуиломъ, который и берется, за приличное вознагражденіе, обмануть „франка“ Джорджи. Успокоенный увѣреніями еврея въ платежеспособности дрогиста, Джорджи отпускаетъ ему товаръ на сумму, значительно превышающую задатокъ. Когда наступаетъ срокъ, Мехмедъ-челеби отказывается отъ платежа, заявляя на судъ, что тотъ хочетъ вторично содрать съ него деньги. А для подтвержденія своей правоты, онъ успѣлъ уже подыскать двухъ лже-свидѣтелей. Такъ-какъ Джорджи и Мехмедъ-челеби, оба упорно стоятъ на своемъ, то ихъ заключаютъ въ тюрьму. Тогда повѣренные ихъ, дѣйствуя на своихъ кліентовъ, улаживаютъ кое-какъ дѣло, и Джорджи мирится на половинѣ долга. Мехмедъ-челеби, правда, пережилъ нѣсколько непріятныхъ мгновеній, но онъ устроилъ свои дѣлишки и гуляетъ на свободѣ. Торжествующій, приходитъ къ нему Самуилъ и требуетъ условленной суммы, но Мехмедъ-челеби притворяется, что никогда его не видалъ и не знаетъ, и гонитъ его изъ своей лавки.

Таково содержаніе этой шутки, состоящей изъ 20 «разговоровъ», или картинъ. Въ ней дано яркое изображеніе восточнаго быта; вскрыты всѣ его тѣневныя стороны, создающія атмосферу лжи и обмана. Первоначально эта шутка написана была на турецкомъ языкѣ.... французскимъ миссіонеромъ Вигье (авторомъ „*Eléments de la langue turque*“ (С: рle. 1790), гдѣ впервые былъ затронутъ законъ гармоніи гласныхъ), а затѣмъ, очевидно, заслужила такой успѣхъ, что съ турецкаго оригинала была переведена на арабскій и персидскій языки. Персидскій переводъ случайно попалъ въ руки г. Пекоча и изданъ имъ съ единственной цѣлью,—познакомить слушателей (Восточныхъ консульскихъ курсовъ въ Вѣнѣ?) съ скорописью ново-персидскаго языка; ученикъ г. Пекоча, г. М. Биттнеръ, профессоръ Вѣнскаго университета, сличилъ переводъ съ оригиналомъ и сопровождалъ его примѣчаніями, въ которыхъ, главнымъ образомъ, отмѣчаетъ стилистическія ошибки и промахи (турцизмы) переводчика. Кое-какіе корректорскіе недосмотры непріятно рѣжутъ глазъ: такъ, въ первой же строчкѣ стоитъ: *тастаі*’на, вм. *настаі*’на (мы взываемъ (къ Тебѣ) о помощи). Г. Пекочъ употребляетъ въ переводѣ слово: „*Kawass*“, какъ если-бы въ текстѣ стояло: „*jasakçı*“, между тѣмъ тамъ „*nesaqçı*“, что означаетъ стражу, идущую впереди шаха;

мож. б., людей, производящихъ публичное наказаніе (лишеніе какого-либо члена). На стр. 4-ой восточнаго текста въ примѣчаніи вм. „казевін“ нужно читать: „казеві“ (плетеная корзина). Начертаніе: „mahzur“ (стр. 7, прим. 5) мож.-быть, объясняется произношеніемъ слова (въ Малой Азіи): „mō(h)sūr, что и сбило безграмотнаго переводчика. Тамъ-же лучше читать: «сем'ев ве таа'тен (т. е. безъ элифа). На стр. 13, примѣч. 5 выраженіе «кякавафы» что-то подозрительно. Въ восемнадцатомъ „разговорѣ“ выраженіе: «Ahmed bаш ача» я такъ-бы перевелъ: Ахмедъ, будь другомъ! На стр. 20 (текста) предлогъ: «бе» въ выраженіи: „begūш коні“ (ты слушаешь) лишній. На 21-ой стр., 5-ая строчка лучше такъ читать пословицу: «казаі бе серем (вм. сер) амедені буд, бемалем амед» (т. е. то несчастіе, что должно было разразиться надъ моей головой, пало на мое добро). На стр. 23 можно уничтожить союзъ: „ве“ (и) въ выраженіи: „heštū hešt kесе“. Тамъ-же въ примѣч. турецкая пословица: „hileile gelen eшејin ölüмü судан дыр“ переведена неудачно; вольный переводъ такой: для осла, выставленнаго напоказъ, вода это — смерть. Здѣсь заключается намекъ на народный рассказъ, какъ одинъ хитрецъ вздумалъ было подкрасить своего стараго осла, чтобы выгодно его продать; но едва пошелъ дождь, краска ручьями потекла, и обманъ его былъ обнаруженъ.

Вл. Гордлевскій.

R. Altenkirch: Die Beziehungen zwischen Slaven und Griechen in ihren Sprichwörtern. Ein Beitrag zur vergleichenden Parömiographie.

Число сборниковъ пословицъ, обращающихся въ славянскихъ земляхъ, значительно превышаетъ число изслѣдованій, имъ посвященныхъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства каждая новая статья, относящаяся къ пословицѣ, ея происхожденію, развитію и измѣненію, вызываетъ какъ вниманіе, такъ и интересъ. Статья R. Altenkirch'a, появившаяся въ XXX томѣ Archiv'a für Slav. Philologie, привлекаетъ своею темою: выяснитъ соотношенія культуры славянъ и грековъ посредствомъ сравненій ихъ пословицъ—этихъ старыхъ сужденій о явленіяхъ жизни—задача, полная интереса. Авторъ самъ сознаетъ это и указываетъ, что сравнительное изученіе греческихъ и славянскихъ пословицъ поможетъ дать новое освѣщеніе культурно-историческимъ взаимоотношеніямъ этихъ

народовъ. Какъ матеріаломъ, R. Altenkirch пользуется сборниками пословицъ русскими (Даль, Сямони), сербскими (Вукъ Караджичъ), болгарскими (Миладиновы, Чолаковъ), польскими (Ададьбергъ), очень многими греческими (Kurz, Krumbacher), привлекаетъ сюда и западноевропейскіе, и восточные сборники пословицъ. Кромъ того, авторъ постоянно ссылается на книгу І. Е. Тимошенки: „Литературные первоисточники 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ“, Кіевъ 1897, который въ своей работъ затрогиваетъ вопросъ о зависимости русскихъ пословицъ отъ греческихъ. Изслѣдованіе свое R. Altenkirch располагаетъ такъ: предпославъ краткое введеніе, въ которомъ отмѣчены источники и дано нѣсколько руководящихъ замѣчаній, авторъ приводитъ греческую пословицу и тотчасъ же указываетъ ей наиболѣе близкія параллели, какъ славянскія, такъ и восточныя и западноевропейскія, снабжая такое наглядное сравненіе своими замѣчаніями относительно внутренняго сходства и совпаденія внѣшней формы изложенія. Такая группировка обильнаго и разнообразнаго матеріала даетъ возможность произвести весьма точное сравненіе и опредѣлить не только сходство и различіе въ мысли, но и въ оттѣнкахъ, въ способахъ выраженія. Что касается до приемовъ составленія пословицъ, авторъ обращаетъ вниманіе на гибкость, между прочимъ, русскаго языка, въ которомъ возможно сочетаніе трехъ словъ для ясной передачи мысли. Такъ какъ названная статья еще не окончена, то о выводахъ ея автора придется сказать впослѣдствіи, теперь же на нее можно указать, какъ на новое добавленіе къ литературѣ о пословицѣ.

Е. Е.

Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Berlin. 1908. 725 страницъ.

Сборникъ въ честь академика И. В. Ягича изданъ по поводу 70-ти-лѣтней годовщины этого неутомимаго разносторонняго ученаго и состоитъ изъ статей его учениковъ и соработниковъ въ области славянскихъ литературъ и славянскаго языковѣдѣнія.

Разнообразіе вопросовъ, затронутыхъ статьями сборника, характеризуетъ собою то разнообразіе интересовъ и ту разносторонность знаній, которыми отличается чествуемый ученый, а также и широкую дѣятельность изслѣдователей, связанныхъ своими научными трудами съ дѣятельностью И. В. Ягича.

Въ сборникъ 87 статей, различныхъ по объему и содержанию. Однѣ изъ нихъ касаются изслѣдованія памятниковъ древней письменности (грамотъ, сказаній, словъ, поученій, сборниковъ), другія—произведеній народнаго творчества (легендъ, пѣсенъ, эпоса, повѣрій), наконецъ, въ третьихъ разрабатываются вопросы славянскаго языковѣднія. Въ числѣ сотрудниковъ „Сборника“ встрѣчается не мало именъ русскихъ ученыхъ, перу которыхъ принадлежитъ рядъ интересныхъ статей. *Е. Карскій*: Слѣды богатырскаго эпоса въ бѣлорусской народной поэзіи. *А. Шахматовъ*: Сказаніе о предложеніи книгъ на словѣнскій языкъ. *М. Сперанскій*: Слово Ильи Трудолюбиваго. *Н. Дашкевичъ*: Опытъ указанія литературныхъ параллелей къ „плачу Ярославны“ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. *Ю. Яворскій*: Малорусскій отрывокъ Измарагда XVII в. *А. Яцимирскій*: Отголоски славянской пороты въ обычномъ правѣ у румынъ XV—XVII в. *П. Заболотскій*: Изъ первыхъ лѣтъ новоболгарскаго литературнаго возрожденія. *А. Соболевскій*: Одинъ изъ законовъ ц. слав. яз. *Е. Будде*: Сочиненія П. И. Мельникова, какъ лексическій матеріалъ рус. литер. яз. *В. Богородицкій*: О вліяніи на ударяемыя гласныя твердости и мягкости соедѣнныхъ согласн. въ общ.-рус. языкѣ. *Ө. Корниъ*: Иноязычное происхожденіе церк.-слав. словъ инокъ—*γρῶψ*, *чрътогъ* и *Сварогъ*. *М. Фасмеръ*: Къ вопросу о заимствованныхъ словахъ въ слав. языкахъ. *Г. Ильинскій*: Славянскія этимологіи. *Р. Брандтъ*: Золовка. *П. Лавровъ*: Къ вопросу о времени изобрѣтенія письменъ и перевода свящ. Писанія. *В. Бобровъ*: Матеріалы къ познанію рус. говоровъ Лифляндской губ. *Б. Ляпуновъ*: Изъ наблюденій надъ языкомъ древнерусскихъ и старослав. памятниковъ.

Славянскіе, нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе и др. ученые, принявшіе участіе въ „Сборникѣ“, дали немало цѣнныхъ свѣдѣній въ своихъ, помѣщенныхъ здѣсь, работахъ: напр. *Ж. Polivka* далъ много интереснаго матеріала въ своей статьѣ *Lidové pověsti o původu tabáku*, отмѣтивъ различные варианты сказанія о табакѣ.

Е. Katižniacki въ ст. „Ueber Wesen und Bedeutung der volksetymologischen Attribute christlicher Heiliger“ разсматриваетъ имена нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ и объясняетъ происхожденіе различныхъ повѣрій, связанныхъ съ тѣмъ или другимъ святымъ; напр., св. ц. Елена (Алена въ народномъ употребленіи) считается покровительницей льна—это повѣрье образовалось на созву-

чіи имени Алены и лёны—(м. ч. отъ лёнь), также какъ—св. Кузьма (благодаря созвучію же словъ) считается кузнецомъ, св. Макрина вызываетъ представление о сырости: „Мокрина мокра и осень мокра“.

I. Grafenauer въ ст. *Legenda o Salomonu v slovenski narodni pesmi* даетъ очеркъ перехода легенды въ народную пѣсню.

Въ началѣ „Сборника“ помѣщенъ указатель работъ И. В. Ягича съ 1861 по 1907 г., составленный Ф. Pastnek'омъ.—Этотъ указатель, свидѣтельствуя о плодотворной и постоянной литературной дѣятельности чествуемаго ученаго, является цѣннымъ пособіемъ для занимающихся славянскими литературой и языковѣдніемъ, для которыхъ труды И. В. Ягича даютъ серьезное руководство.

Е. Е.

Български народни пѣсни отъ Елена В. Янкова. Записаль и издалъ полковникъ Г. Янковъ. Пловдивъ 1908. VI+IX+264.

Происхожденіе указанныхъ въ заглавіи пѣсень таково: полковникъ Г. Янковъ записаль ихъ отъ своей матери въ 1892—93 гг. въ Кіевѣ, гдѣ онъ въ это время жилъ эмигрантомъ въ качествѣ болгарскаго офицера, прикомандированнаго къ русскому полку; онъ выписаль къ себѣ свою мать и въ теченіе двухъ лѣтъ ея пребыванія здѣсь записаль эти пѣсни числомъ 333. Собраніе это любопытно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно идетъ все цѣликомъ отъ *одного* лица, несомнѣнно, выдающагося среди хранителей народной поэзіи, обладавшаго незаурядной памятью: въ этихъ пѣсняхъ 8 тысячъ слишкомъ стиховъ; во-вторыхъ, какъ показываетъ сообщенная Г. Янковымъ біографія матери, пѣвица, хотя и родомъ изъ г. Ямбола, всю свою долгую жизнь (род. 1825 г. ум. 1901) провела въ болгарской колоніи въ Бессарабіи, все время она вращалась въ семьѣ и среди земляковъ бѣженцевъ изъ Ямбола, въ с. Карапча (болг. колонія, иначе Хасанъ-батъръ); она научилась этимъ пѣснямъ изъ двухъ источниковъ—отъ молодежи болгарской въ Карапчѣ (это, повидимому, пѣсни лирическія, обрядовыя) и отъ своей матери, съ которой она въ 1828 г. трехъ лѣтъ выселилась изъ Ямбола въ Бессарабію (это—преимущественно старыя историческія пѣсни), стало быть, пѣсни Елены Янковой даютъ матеріалъ для двухъ

мѣстностей—Ямбола и болгарскихъ колоній въ Бессарабіи. Кроме того, по сообщенію сына, семья Янковыхъ любопытна, какъ своего рода пѣвческая семья: сестра собирателя знаетъ половину почти материныхъ пѣсенъ (изъ нихъ 70 онъ записалъ), а его дядя (братъ Елены), пѣвшій пѣсни съ сестрой и матерью ихъ, до сихъ поръ знаетъ цѣлый рядъ пѣсенъ,—т. о., у насъ живой матеріалъ для изученія пѣсни на протяженіи цѣлыхъ трехъ поколѣній: мать Елены—она сама и ея братъ—ея дочь. Надо пожелать, чтобы полковникъ Г. Янковъ издалъ пѣсни своего дяди и сестры. Изданіе пѣсенъ сдѣлано очень внимательно: вездѣ представлены ударенія, во введеніи указано произношеніе ударяемыхъ и неударяемыхъ звуковъ, разъ это произношеніе отличается отъ принятаго въ современной болгарской графикѣ. По содержанію, пѣсни Елены Янковой раздѣлены: на 1) историческія (60), между коими есть и мѣстные (напр. № 7—Кърджалиитѣ въ Ямболѣ, № 19—о Варяѣ городѣ, откуда болгары выселились въ Болградѣ), религиозно-легендарныя (кановъ № 28—объ Архангелѣ Михаилѣ), старо-эпическія (№№ 34, 35, 36), 2) лирическія (жалобныя, веселія-сатирическія) и 3) обрядовыя (колядныя, жатвенныя, посидѣльныя, лазарицы) и др.

М. Сперанскій.

Новъ Титоровъ. Българитѣ въ Бессарабія. София, 1905.
331+II.

Книга эта даетъ, сколько могу себѣ представить, наиболѣе обстоятельный очеркъ и собраніе матеріала, касающагося самой обширной болгарской колонизаціи въ Россіи, именно въ южной Бессарабіи, гдѣ болгарами въ разное время занято было 67 селъ и два города (Болградъ и Камратъ). Авторъ съ большою подробностью излагаетъ исторію переселенія болгаръ въ южную Бессарабію; (это рядъ послѣдовательныхъ эмиграцій, начиная съ русско-турецкихъ войнъ (1769—1774) XVIII в. и кончая временемъ крымской кампаніи); исчисляетъ всѣ правительственныя мѣры и права, которыми пользуются колонисты, наконецъ, вычисляетъ общую цифру болгаръ поселенцевъ южной Бессарабіи—около 120 тысячъ. Для насъ въ данномъ случаѣ наибольшій интересъ представляютъ главы VIII, X и XII очерка г. Титорова. Въ первой изъ нихъ рѣчь идетъ о правахъ и обычаяхъ

бессарабскихъ болгаръ: онъ сводитъ почти все, что можно было собрать по этнографической литературѣ, главн. обр. румынской и русской, затѣмъ даетъ свои дополненія (стр. 249 и сл.), описываетъ костюмъ (сюда относятся два рисунка, мужского и женскаго костюма, въ концѣ книги), затѣмъ музыкальные инструменты (гайджа и тумпанъ), перечисляетъ виды пѣсенъ (впрочемъ, довольно бѣгло: „пѣснѣ у тѣхъ сж только много и разнообразны, щото за всечко има особни пѣсни; има хороводни, свадбарски, жетварски, коледни, юнашки и разни други“—252); гораздо подробнѣ описаны обряды при рожденіи, женитьбѣ и погребеніи, но опять-таки лишь описаны, самый же матеріалъ не приводится пѣликомъ (напр. пѣсни, причитанія); впрочемъ, при описаніи „зашушницъ“ (265) по поводу повѣрій о загробной жизни приведена одна пѣсня, записанная отъ родственницы автора; изъ той же Бессарабіи въ числѣ народныхъ обычаевъ отмѣчены: коледа, сирни-заговѣзни (со скаканьемъ черезъ огонь), пеперуда (1 мая), русалии, Феодорова-субота (Феод. Тиронъ); наконецъ описаны кратко посидѣлки. Дополненіемъ къ этой главѣ служатъ приложенія (307—321; 322—324), гдѣ издано нѣсколько пѣсенъ бессарабскихъ болгаръ съ указаніемъ, отъ кого и гдѣ записаны, частью перепечатаны (изъ „Общій трудъ“, изд. Икономова въ Болградѣ 1868 г.)—всего 14 пѣсенъ; здѣсь же нѣсколько „благословіи“—среднее между заговоромъ или приговоромъ. Глава X (279 сл.) посвящена гагаузамъ; авторъ зачисляетъ ихъ въ число болгаръ, потому что сами гагаузы считаютъ себя болгарами, затѣмъ потому, что выселились они изъ „болгарскаго отечества“ (Варны, Силистріи), наконецъ, потому что многіе обычаи гагаузовъ—болгарскіе; перебравши литературу о нихъ, авторъ приходитъ къ выводу, что вопросъ о происхожденіи бессарабскихъ гагаузовъ остается открытымъ (285)¹⁾, съ своей стороны авторъ дополняетъ свѣдѣнія о гагаузахъ по личнымъ наблюденіямъ; здѣсь любопытна замѣтка о вліяніи болгаръ на гагаузовъ: такъ, 30 лѣтъ назадъ молодежь гагаузская не знала ни слова по-болгарски, те-

¹⁾ Г-ну Титорову осталась неизвѣстной спеціальная монографія В. А. Мошкова о гагаузахъ (Этн. Обзор. 44 (1900) 48, 49, 51 (1901), 54, 55 (1902), книги); поэтому новаго сравнительно съ этой обстоятельной работой г. Мошкова, у г. Титорова не найдемъ ничего.

перъ волидния пѣсми гагаузи поють уже по-болгарски; одѣжа у болгаръ и гагаузовъ одинакова, обычай—тоже, но есть и различія; но этихъ чертъ автору удалось привести очень немного: онъ отмѣтилъ крайнюю консервативность болгарскихъ гагаузовъ въ Бессарабіи, ихъ мстительность, появленіе „светли“—людей, занимавшихся лѣченіемъ чудесной водой, вѣрованіе полотемца, въ знакъ траура, на домъ покойника. Последняя (XII) глава—старини и памятници—говоритъ объ остаткахъ въ родѣ Троянова вала, о надписи 1438 г. на Акверманской крѣпости, на церкви Николы въ Киліи—1658 г., евангеліи Киприановскаго мон.—1545 г.; остальное—памятници XVIII—XIX ст.

М. Сперанскій.

Самоучитель турецкаго языка. Тіелисъ. 1908. VI+352. Изданіе Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ.

Въ русской литературѣ давно уже ощущается недостатокъ въ руководствахъ для изученія турецкаго языка; быть можетъ, теперь, когда какъ въ русской, такъ и въ турецкой печати раздаются толки о необходимости соглашенія между двумя сосѣдними государствами; когда, такимъ образомъ, возникаетъ мысль ближе узнать другъ друга, этотъ пробѣлъ еще болѣе замѣтенъ. Но увы, если-бы читатель, воодушевленный благими намѣреніями, вздумалъ изучать турецкій языкъ, то мы посовѣтовали-бы ему что угодно, но только не „Самоучитель турецкаго языка“, представляющій переводъ учебника Вида, сдѣланный г-мъ Терлецкимъ.

Само по себѣ руководство Карла Вида имѣетъ извѣстныя преимущества передъ другими учебниками своей сжатостью и краткостью; его главный недостатокъ, легко поправимый, заключается въ томъ, что турецкія слова и тексты переданы исключительно въ транскрипціи. Опытный переводчикъ, устранивъ недостатки оригинала, могъ-бы оказать дѣйствительно большую пользу всѣмъ желающимъ ознакомиться съ османскимъ языкомъ; но, очевидно, г. Терлецкій, несмотря на то, что неоднократно бывалъ, кажется, въ Турціи, очень и очень поверхностно изучилъ языкъ. Подробный разборъ руководства былъ-бы скученъ, да и потребовалъ-бы массу времени, такъ-какъ книга положительно отъ начала до конца кишитъ ошибками (не говоря уже объ отвратительной корректурѣ, которая собьетъ съ толку неопытнаго читателя). Транскрипція, тер-

минологія, изложеніе грамматики,—все - все изобличает невѣжество автора. Вотъ на удачу нѣсколько примѣровъ: на стр. 39—въ число наклоненій попали: „partatif“ (общее неопредѣленное наклоненіе (sic!) и „particip“ (причастія)! На стр. 44—45 спрягается во всѣхъ лицахъ недостаточный глаголъ „вар“, на стр. 56—57 смѣшеніе желательнаго наклоненія съ условнымъ, на стр. 70—71 причастія и дѣепричастія перепутаны и т. д. и т. д., но особенно удивительна транскрипція.

Все производитъ такое впечатлѣніе, что переводчикъ изучалъ турецкій языкъ гдѣ-то на лунѣ, и мы удивляемся, какъ подобная стряпня была издана Канцеляріей Кавказскаго Намѣстника.

Замѣтимъ въ заключеніе, что въ словѣ „мѣстоименіе“ до сихъ поръ принято было писать послѣ втораго м—е, а не ѣ.

Вл. Гордлевскій.

Былны новой и недавней записи изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Подъ редакціей проф. В. О. Миллера, при ближайшемъ участіи Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. Изданіе Московскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ. Москва. 1908. Стр. V+312. Цѣна 2 р.

Новое изданіе Московскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ является какъ бы продолженіемъ изданнаго въ 1894 г. Этнографическимъ Отдѣломъ И. О. Л. Е., А и Э. сборника „русскихъ былинъ старой и новой записи“. Цѣлью обоихъ сборниковъ является сосредоточеніе въ одной книгѣ былинъ, разсѣянныхъ по періодическимъ и отдѣльнымъ изданіямъ, часто провинціальнымъ, далеко не всѣмъ доступнымъ; такъ, для настоящаго сборника использованы, кромѣ общедоступныхъ „Этнографическаго Обзорнія“, „Живой Старины“, „Извѣстій II Отд. И. А. Н.“, изданія: „Пермскій сборникъ“, „Саратовскій сборникъ“, „Памятная книжка Воронежской губ.“, „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, „Н. Шайжитъ. Олонедій фольклоръ“, М. Е. Соколовъ. Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ.“, „М. Березковъ. Еще нѣсколько образцовъ народныхъ историческихъ пѣсней, записанныхъ во Владимирской губ.“—и нѣкоторыя другія. Уже одного этого списка достаточно, чтобы судить о важности сборника для всѣхъ, интересующихся русскимъ былевымъ эпосомъ. Цѣнность сборника еще увеличивается благодаря присутствію въ немъ впер-

вые появляющихся въ печати вариантовъ былинь въ количествѣ 28 №№, что составляетъ четвертую часть всѣхъ былинь, въ немъ помѣщенныхъ. По поводу новыхъ записей былинь намъ не разъ приходилось слышать неодобрительные отзывы любителей народного эпоса, отрицавшихъ за ними право на вниманіе изъ-за той нерѣдко крайне искаженной формы, въ которой онѣ до насъ дошли. Такой взглядъ представляется совершенно несправедливымъ: во-первыхъ, у насъ нѣтъ ни одного сборника, гдѣ бы не оказывалось искаженныхъ былинь; во-вторыхъ, въ испорченныхъ даже вариантахъ можно бываетъ открыть тѣ или другія черты старины, бросающія новый свѣтъ на исторію даннаго сюжета или подкрѣпляющія прежде выставленныя изслѣдователями предположенія; въ-третьихъ, самый плохой вариантъ даетъ драгоценный матеріалъ для уясненія своеобразной эволюціи былины въ народной средѣ. Помимо всего этого, всякая новая запись, въ особенности изъ такихъ мѣстностей, какъ Смоленская или Московская губ., важна для вопроса о географическомъ распространеніи былинь. Приведу для подтвержденія этого списокъ губерній и областей, въ которыхъ записаны былины, вошедшія въ составъ настоящаго сборника, не касаясь самыхъ былинныхъ сюжетовъ: губерніи Архангельская (25 №№), Владимирская (1), Воронежская (1), Енисейская (3), Московская (1), Нижегородская (1), Олонецкая (19), Оренбургская (8), Пермская (4), Саратовская (4), Смоленская (1), области: Войска Донского и Терская (28), Уральская (1), Якутская (11).

Впервые появляющіяся въ печати былины представляютъ слѣдующіе №№, записанные въ Архангельской, Олонецкой и Смоленской губ. и въ Землѣ Войска Донского: № 9. Про Илью М. и голей кабацкихъ; № 23. Добрыня и Маринка; №№ 29—31. Не удавшаяся женитьба Алеши (въ этихъ вариантахъ любопытно отмѣтить, что Добрыня развѣзжаетъ на змѣиномъ конѣ, полученномъ имъ въ даръ отъ самой змѣи, вмѣсто кн. Владимира упоминается царь Градинъ, очевидно произведенный отъ Царьграда); № 43—44. Михайло Игнатьевичъ (Даниловичъ); № 56. Дюкъ Степановичъ; №№ 62—65. Дунай Ивановичъ (соединеніе сюжетовъ „молодецъ и королева“ и „женитьба кн. Владимира“); въ № 65 странное окончаніе: какъ только Дунай является къ королю Ляхоминскому по порученію кн. Владимира, ему отсѣкаютъ буйну

голову); №№ 67—69. Коварушко; №№ 75—77. Иванъ Годимовичъ № 76. Кн. Романъ и Марья Юрьевна; № 81. Чурлыо и невѣрная жена; № 86. Соловей Будимировичъ; № 92. Мать продаетъ своего сына; № 96. Иванъ Дудоровичъ и № 98. Овёшко. Последнія двѣ былины заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ крайне рѣдкія. Изъ первой изъ нихъ разсказывается, какъ Ивашушко Дудоровичъ застрѣлъ свои стрѣлочки (мотивъ Добрыни и Маринки) на бѣлокаменные палаты, гдѣ жила Настасья Митреяновна, которая беретъ его за бѣлы руки и ведетъ въ палату. Послѣ угощенія Иванъ Дудоровичъ засыпаетъ, но его будитъ Настасья, предупреждая, что возвращается отъ обѣдни два ея брата—два Ивана царевича, два волховника, два волшебника (сама Настасья тоже носитъ званіе Волховичны). Когда Иванъ Дудоровичъ выходитъ на крыльцо, царевичи увозятъ его въ поле, гдѣ и отрубаетъ ему голову. Затѣмъ та же участь постигаетъ и Настасью. Кромѣ этого варианта, извѣстенъ еще одинъ, записанный тоже А. В. Марковымъ („Бѣломорскія былины“ № 32); въ этомъ послѣдствіи герой носитъ имя Ивана Дородоровича героиня—Софья-царевны, племянницы кн. Владимира. Иванъ, двоюродный братъ Софьи, живетъ съ ней, какъ съ сестрой, но заподозрѣвъ мужиками деревенскими въ преступномъ сожителствѣ съ ней. Оба они гибнутъ отъ рукъ двулѣ палачей (о братьяхъ вовсе не упоминается). Эта любопытная былина представляетъ очень мало данныхъ для рѣшенія вопроса объ ея происхожденіи, но, повидимому, указанію на царское происхожденіе героевъ слѣдуетъ придать значеніе; необычное для эпоса имя Софья наводитъ на мысль, что тутъ отразилась несчастная судьба царевны Софьи Алексѣевны и ея фаворита кн. В. В. Голицына, а подъ братьями-царевичами скрываются Петръ и Іоаннъ, отрицательное отношеніе къ которымъ естественно для консервативнаго, дорожащаго „старой“ вѣрой сѣвера. Когда мы припомнимъ, какъ много сохранилъ сѣверъ воспоминаній о Петрѣ Великомъ (ср., напр., пѣсню про семейную жизнь его въ „Бѣломорскихъ былинахъ“), подобное предположеніе не покажется очень неправдоподобнымъ; въ такомъ случаѣ и объясненія отчества Дудоровичъ, Дородовичъ, Дородоровичъ придется искать среди именъ Петровской эпохи. Если допустить связь съ этой былинной пѣсней про Софью и Василія—двухъ несчастныхъ любовниковъ (Гильфердингъ), то отсюда извлекается и имя знаме-

нистаго «аворита Солов. Въ золотницкомъ вариантѣ („Бѣл. был.“ № 32) сюжетъ этотъ введенъ уже въ кievскій текстъ: тутъ фигурируютъ Киевъ и кн. Владимиръ, въ другомъ же вариантѣ только вставлено зпическое имя Настасья Митреяновны, да начало былинны говоритъ о томъ, какъ состарился и преобразился Дудоружко (ср. начало былинны о Василии Бусласевичѣ). Примѣръ такой же дивизации позднѣйшей пѣсни представляетъ и былина объ Оксѣнкѣ (Орсѣнкѣ), при которой перенечатакъ также прозаическій пересказъ изъ Пермскаго сборника (№ 99); третій вариантъ, записанный по пересказу, находится въ „Бѣлом. был.“ подъ № 86. По предположенію А. В. Маркова („Бѣл. был.“ стр. 463), Орсѣнко—Арсеній Грекъ, который упоминается въ поморскихъ легендахъ о Нилонѣ. Былинный Орсѣнко (или Оксѣнко) встрѣчается въ лѣсу или въ полѣ разбойниковъ, дѣлающихъ похищенную ими изъ церкви Миколиной казну, убиваетъ ихъ, отнимаетъ казну и прошиваетъ ее съ голами кабацкими, за что приуждается къ казни; но избавляется отъ смерти, забивая народъ. Общимъ именемъ для №№ 98 и 86 является Вологда, гдѣ проеходять похождения Орсѣнка, но въ № 86 фигурируетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ, а въ № 98—кн. Владимиръ (въ № 99 этихъ именъ нѣтъ). Можно отмѣтить еще на этой былинѣ сильное влияние повѣстей Соломонова цикла; такъ, казнь Орсѣнка напоминаетъ казнь Соломона похитителемъ его жены: высокій рей, тоекратныя просьбы передъ висѣлицей, „моя смерть страшна будетъ“. Встрѣча Оксѣнка съ разбойниками въ № 98 воспроизводитъ встрѣчу Ильи М. со станичниками, а угощеніе голей—подобную же оцену изъ былинъ объ Ильѣ М. Эта же былина, но безъ имени главнаго героя, пѣлась и въ Олонецкой губ. (см. Гильф. II № 95—Рыбн. II № 42). Здѣсь добрый молодець отбиваетъ казну, похищенную изъ монастыря Румянцева (какъ въ вар. № 99), царь же названъ Петромъ Алексѣевичемъ, который не велитъ казнить молодца, а отпускаетъ его „ходить-гулять по чисту полю, стоять за вѣру христіанскую“.

Въ приложеніи перенечатаны нѣкоторыя старинныя записи, въ томъ числѣ и такъ называемое „богатырское слово“, первоначально изданное Е. В. Барсовымъ, и помѣщены впервые два варианта былинны „Добрыня въ отъѣздѣ“ и одинъ вариантъ былинны „Илья М. и Идолище“; послѣдняя записъ крайне интересна тѣмъ, что сдѣлана въ Смоленской губ., при чемъ Идолище носитъ имя

Данидонища. Указатели (именной и предметный) показались намъ слишкомъ краткими, такъ какъ въ нихъ не оказалось многого, что было бы желательно тамъ видѣть; нельзя не отмѣтить словъ: гербовая бумага—с. 111, кельи—с. 110, конь змѣинъ—с. 79, кружало государево—с. 86—87, 181, люстры свѣтлыя—с. 55, поляница—с. 172, рогъ турій (для питья)—с. 106, рукомойка—с. 111, слюда—„изъ околенокъ слутки посыпались“—с. 106, старицы мавашицы—с. 87 (помѣщено подъ словомъ „старикъ“), трубочка подозрная—с. 79—80 и мн. др. Подъ словомъ „дѣлѣжъ (добычи)“ неправильно показана с. 84, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о жеребьевкѣ при распредѣленіи порученій: „стали они (богатыри) дѣлѣ дѣлать, стали дѣлѣ они дѣлать да стали пай паить. Никитушки, Добрынюшки дѣлѣ выпалѣ—на заставу царь Градинъ поставилѣ“.

Въ заключеніе обзора слѣдуетъ указать, что сборникъ, содержащій былинныя о большинствѣ богатырей и давая довольно полное понятіе о составѣ нашего народнаго эпоса, можетъ, помимо своего чисто научнаго значенія, служить прекраснымъ пособіемъ для слушателей и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній при занятіяхъ не только народной словесностью, но и диалектологіей, такъ какъ при печатаніи значительнаго количества записей соблюдены особенности мѣстныхъ говоровъ.

Н. В. В.

Пѣсни, собранныя Н. В. Гоголемъ. *Изданы* Г. П. Георгіевскимъ. Изд. Отдѣленія русскаго яз. и слов. И. Академіи Наукъ. Спб. 1908. 8^о Стр. 429.

„Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями?“ Такъ писалъ Гоголь 9 ноября 1833 г. Максимовичу. Судя по восторженному отношенію Гоголя къ народной поэзіи, можно было бы предполагать, что онъ самъ записывалъ пѣсни изъ устъ народа. Г. П. Георгіевскій находитъ въ перепискѣ Гоголя „лишь косвенныя указанія“ на это (стр. 3). Дѣйствительно, судя по письму къ Пушкину 1833 г., Гоголь собирался сдѣлаться этнографомъ: „Сколько соберу тамъ (въ Кіевѣ) преданій, повѣрьевъ, пѣсенъ и проч.!“ Но уже то обстоятельство, что онъ надѣялся собрать все это не въ Васильевкѣ, а въ культурномъ центрѣ, показываетъ, какъ мало понималъ

Гоголь процессъ записыванія народной поэзіи. Единственный фактъ этого рода—включеніе Гоголемъ въ гимназическую записную книгу „Книга всякой всячины“ нѣсколько народныхъ пѣсенъ. О своемъ собраніи пѣсенъ въ 30-хъ годахъ Гоголь выражается такъ: „я прибрѣлъ“; „тетрадь пѣсенъ, которыя въ разные времена списывались“; „мои списки“; „получилъ много новыхъ“ (пѣсенъ); безпрестанно получаю новыхъ“. Все это свидѣтельство, что собраніе пѣсенъ составилось у Гоголя изъ тетрадей, присылавшихся ему матерью, сестрой, теткой Катериной Ивановой, а также двумя женщинами, жившими у его родныхъ, вѣроятно, приживалками,—судя по тому, что одну изъ нихъ (Марью) онъ называетъ просто „Борисовной“.

Изданный Г. П. Георгіевскимъ обширный сборникъ представляетъ интересъ для изученія какъ творчества Гоголя, такъ и народной поэзіи. Выборка пѣсенъ весьма характерна. Такъ, изъ сборника Кирши Данилова въ собраніе включены двѣ пѣсни: одна „А и въ горе жить—не кручинну быть“—наиболѣе пессимистическая пѣсня сборника; другая „У Спаса къ обѣднѣ звонять“ полна неудержимаго юмора. Въ выборѣ ярко сказался бытописатель „смѣха сквозь слезы“.

Каковы источники Гоголевскаго сборника? Источники болѣе обширной малорусской части уяснить не трудно. Это, очевидно,—записи, полученные Гоголемъ изъ дому. Важно отмѣтить, что онъ получалъ отсюда не только современный матеріалъ, но и старый рукописный. „Болѣе всего одолжили вы меня, пишетъ онъ матери 22 ноября 1833 г., присылкою старинной тетради съ пѣснями“. Подобныя тетради, доставлявшіяся изъ Васильевки, по всей вѣроятности, заключали только малорусскія пѣсни. Но у Гоголя были матеріалы и изъ другихъ мѣстностей. Вопреки мнѣнію Г. П. Георгіевскаго. (стр. 15), Гоголь часть своего собранія доставилъ П. В. Кирѣевскому, который о томъ печатно заявилъ въ 1848 г., въ предисловіи къ первой части своихъ пѣсенъ (къ духовнымъ стихамъ): „Н. В. Гоголь, говоритъ онъ, сообщилъ мнѣ тетрадь пѣсенъ, собранную въ различныхъ мѣстахъ Россіи“¹⁾. Гдѣ собиралъ Гоголь великорусскія пѣсни, мы

¹⁾ Чтенія въ И. Обществѣ Исторіи и Древн. Росс. 1848 г. № 8, стр. V.

не знаетъ, но нѣтъ сомнѣній, что онъ пользовался старыми пѣсенниками, рукописными или печатными.

Г. П. Георгіевскій сравниваетъ эти пѣсни преимущественно съ „Пѣснями русскаго народа“ Сахарова, хотя тутъ же оговаривается, что Гоголь, закончившій свое собраніе, но всея вѣроятности, до отъѣзда за границу въ 1836 г., не могъ ими пользоваться. Но изъ этого факта вовсе не вытекаетъ самостоятельность собранія пѣсенъ, какъ предполагаетъ г. Георгіевскій (стр. 16). Сравнивая текстъ пѣсни „Ужъ какъ наль туманъ“ у Гоголя съ текстомъ Сахарова (с. 20—22), издатель замѣчаетъ здѣсь значительную разницу. Но эта разница является постольку, поскольку Сахаровъ искажилъ пѣсню, взятую имъ изъ пѣсенника 1810 г. Въ этомъ послѣднемъ пѣсенникѣ текстъ вполне сходенъ съ Гоголевскимъ (перепечатанъ акад. Соболевскимъ въ I т. подъ № 381). Вообще сравненіе произведено г. Георгіевскимъ не вездѣ полно и точно. Такъ, XXV пѣсню Гоголя онъ сравниваетъ съ № 360 перваго тома Соболевскаго, а она между тѣмъ вполне тождественна съ № 359 (изъ пѣсенника 1780 г.). На стр. 26—27 сравниваются совершенно разные пѣсни, и отсюда дѣлается выводъ, что запись Гоголя старше и цѣннѣе, чѣмъ сохранившаяся въ пѣсенникахъ“ (сравненіе основано лишь на томъ, что пѣсни начинаются съ одинаковаго слова). Достаточно просмотрѣть собраніе Гоголя, чтобы увидѣть его зависимость, пѣликомъ или по частямъ, отъ печатнаго матеріала. Такъ, изъ сборника Кириши Данилова взяты двѣ пѣсни: № LV напечатанъ въ новомъ изданіи „Сборника“ на стр. 175—6, а № LVI—на стр. 162. №№ II, XII, XXV, XLII, LIV, LX, LXII, LXIII и, вѣроятно, другіе буквы въ букву сходны съ пѣснями 1780 г., перепечатанными акад. Соболевскимъ (см. таблицу г. Георгіевскаго, стр. 17—19) и Безсоновымъ въ Пѣсняхъ, собр. Киришевскимъ VIII, 22, 160, 296; VII, 33. Въ виду такихъ совпаденій можно предполагать, что весь сборникъ великорусскихъ пѣсенъ или, по крайней мѣрѣ, весьма значительная его часть восходятъ къ старымъ рукописнымъ сборникамъ или къ печатному матеріалу. И это весьма естественно, такъ какъ рѣшительно нѣтъ никакихъ указаній ни въ письмахъ Гоголя, ни въ другихъ источникахъ на то, чтобы для Гоголя кто-нибудь записывалъ великорусскія пѣсни изъ народныхъ устъ. Какъ составила тетрадь пѣсенъ изъ различныхъ

иѣтъ Россіи, полученная отъ Гоголя Кирѣевскимъ, и имѣла ли она что-нибудь общее съ напечатаннымъ Г. П. Георгіевскимъ матеріаломъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Очень жаль, что издатель не привлекъ къ сравненію небольшое количество пѣсенъ, доставленныхъ Гоголемъ Безсонову и напечатанныхъ послѣднимъ въ „Калѣвахъ переходжихъ“. Во всякомъ случаѣ, матеріалъ, изданный г. Георгіевскимъ, весьма важенъ для выясненія отношенія перваго художника-бытописателя къ народному творчеству.

А. Марковъ.

Труды Черниловской Губернской Архивной Комиссіи. Подъ редакціей П. М. Добровольскаго. Черниговъ. 1908. Выпускъ VII. 66 + 184 + 127.

Изданный „На память о XIV-омъ Археологическомъ съѣздѣ въ г. Черниговѣ“, 7-ой выпускъ Трудовъ Архивной Комиссіи содержитъ нѣсколько статей и замѣтокъ касательно города Чернигова. Не главный интересъ сообщаютъ выпуску *материалы* для исторіи края, и въ этомъ, думается намъ, вся сила и значеніе губернскихъ архивныхъ комиссій.

Изъ вошедшихъ въ Труды статей отмѣтимъ рядъ воспоминаній о проф. Антоновичѣ, въ которыхъ личность покойнаго ученаго вырисовывается его слушателями съ большой теплотой (особенно живо написана статья г. Верзилова), а также рефератъ г. Янѣвича: „Опытъ объясненія легенды объ Ивиковыхъ журавляхъ“. Въ сущности, это не вполне самостоятельное изслѣдованіе преданія, а преимущественно изложеніе взглядовъ, высказанныхъ Велькеромъ о журавляхъ, „вѣчныхъ странникахъ“, на которыхъ отразились поэтическія народныя представленія, какъ о свидѣтеляхъ всякихъ тайныхъ человѣческихъ дѣяній. Во всякомъ случаѣ, рефератъ цѣненъ благодаря подробному указанію вариантовъ (по Велькеру, *Kleinere Schriften* и Амальфи въ *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*. 1896. II).

Если мы еще прибавимъ, что въ настоящій выпускъ вошелъ „Указатель статей по исторіи, археологіи и этнографіи, помещенныхъ въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1838—1906 гг., то мы увидимъ, что разносторонне подобранный полезный матеріалъ его заслуживаетъ полнаго одобренія, и мы отъ души желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ почтеннымъ дѣятелямъ.

Вл. Гордлевскій.

Труды Московской Дialectологической Комиссии Вып. 1. Варшава. 1908. Стр. III+128. Отт. изъ „Русск. Фил. Вѣстника“.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ перваго выпуска „Трудовъ“ Комиссии, начавшей свою работу съ 1904 г. Цѣль работы—составленіе dialectологической карты русскаго языка. Пока Комиссія занята собираніемъ, подготовкой и обработкой матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ и вновь собираемыхъ различными лицами, между прочимъ, и гг. членами Комиссии. Въ составъ настоящаго выпуска входятъ отчеты о поѣздкахъ съ цѣлью изученія dialectовъ Владимирской, Московской, Тверской, Рязанской и Орловской губерній. Особенную цѣнность имѣютъ сводки матеріаловъ, полученныхъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ вмѣстѣ съ собранными членами Комиссии. Въ первый выпускъ входятъ своды по губерніямъ Владимирской, Нижегородской, Калужской, Курской, Тульской, Воронежской, Рязанской, Костромской, а также Вологодской, Пермской и Петербургской, изъ которыхъ въ распоряженіи Комиссии были пока слишкомъ незначительные матеріалы. Обработка матеріаловъ производилась членами Комиссии по опредѣленному весьма цѣлесообразному плану, что весьма упрощаетъ возможность пользоваться важнѣйшими данными по dialectологій, извлеченными изъ грудъ сырого матеріала. Въ началѣ выпуска помѣщена статья Н. Н. Соколова: „Опредѣленіе и обозначеніе границъ русскихъ говоровъ“. Значительная часть этой статьи представляетъ собою возраженіе на статью акад. Соболевскаго: „О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности“ („Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ“ 1904, кн. 2).

М — ор —

В. В. Передольскій. По Енисею. Бытъ енисейскихъ остяковъ. Съ рисунками по фотографіямъ автора. Спб. 1908 (?). 8°. Изд. Девриена. VIII+182 стр.

Авторъ говоритъ въ предисловіи своей книги, что онъ три раза посѣтилъ страну енисейскихъ остяковъ (въ 1894, 1895 и 1898 гг.), что, проплывая по Енисею съ своими упряжными собаками, онъ часто нуждался въ помощи остяковъ, съ которыми поэтому сблизился, и что, наконецъ, написанные имъ очерки явля-

ются неискаженнымъ изображеніемъ того, что онъ видѣлъ и слышалъ.

Тѣмъ не менѣе написалъ онъ не простые очерки, которые бы объективно изображали бытъ енисейскихъ остяковъ, а художественные, съ большимъ настроеніемъ, съ явнымъ желаніемъ не останавливаться на этнографическихъ деталяхъ. Наоборотъ, авторъ обобщаетъ плачевную судьбу енисейскаго остяка двумя-тремя бытовыми типами, съ цѣлью подчеркнуть главную свою мысль, что остяки вырождаются, но не оттого, что они сами „угасаютъ“, а оттого, что ихъ „заѣдаетъ“ русская культура, проникшая къ нимъ насильно, въ лицѣ разныхъ кулаковъ-эксплоататоровъ.

Какъ бы ни были заманчивы такія перспективы для художника, но для этнографа онѣ весьма невыгодны. Начать съ того, что въ книгѣ г-на Передольскаго нельзя даже приблизительно опредѣлить мѣста расселенія тѣхъ остяковъ, которыхъ онъ посѣтилъ, между тѣмъ именно для остяковъ, какъ извѣстно, это играетъ большую роль. Трудно представить себѣ также картину ихъ религіознаго быта, напр., культъ шаманизма, хотя цѣлыхъ двѣ главы: „Шаманъ“ и „Смерть шамана“ построены на этомъ бытовомъ элементѣ. По главѣ „Шаманъ“ выходитъ какъ бы такъ, что шаманизмъ держится благодаря алчности русскаго духовенства и бѣднотѣ остяковъ: русскій богъ не поможетъ, „русскому богу развѣ слезы нужны?—ему нуженъ ясакъ!“... Все это очень ярко и, м. б., даже въ бытовомъ отношеніи правдиво; но религіозный культъ шаманизма исходитъ не изъ борьбы съ христіанскою церковью. Въ частности, отчего бы автору не привести было пѣсенъ шамана „о твореніи первыхъ людей, объ ихъ привольной счастливой жизни подъ защитою Нома“ и др. пѣсенъ, которыя шаманъ поетъ во время своего камланія?

Въ области семейной жизни интересны бытовые свѣдѣнія, даваемые авторомъ въ главѣ „Савоська овдовѣлъ“. Но и здѣсь чувствуется что-то другое, чѣмъ всѣ описанія прежнихъ этнографовъ, напр., у Степанова, П. И. Третьякова („Туруханскій край, его природа и жители“, Спб. 1871). У послѣдняго объ остякахъ говорится, что женщины у нихъ лѣнны, грубы, нечистоплотны и мужчинами обыкновенно не уважаются; сами остяки тоже лѣнны, безпечны, легкомысленны, къ старости упорны въ суевѣріяхъ. Между тѣмъ у автора нарисована такая семейная иллюзія, что не въ-

рится, чтобы она была типична для семейнаго быта остяковъ. Есть у автора также свѣдѣнія изъ области экономической жизни остяковъ, но типичная народная жизнь и здѣсь сильно затуманена яркими картинами эксплуатаціи со стороны такихъ культуртрегеровъ, какъ Ландуръ.

Впрочемъ, вся книга, м. б., назначена только для большой публики, а для специалистовъ г. Передольскій надееть что-ниб. по-серьезнѣе. Но, думается, и большая публика не совсемъ ужъ чуждается правдивыхъ этнографическихъ фактовъ.

Погрѣшилъ авторъ и въ иллюстраціяхъ: типы остяковъ, ихъ костюмы и домашняя жизнь представлены скудно и вѣскими очень неотчетливыми фотографіями. Лучше вышли пейзажи.

Несмотря на всѣ указанные недостатки, книга г-на Передольскаго читается съ интересомъ, потому что, повтѣряемъ, написана она съ хорошимъ намѣреніемъ вызвать сочувствіе къ несчастному человеку, заброшенному историческими судьбами на холодный сибирскій сѣверъ.

Вл. Б.

Газеты и Журналы.

American Anthropologist. 1908, Vol. 10, № 3. (July—September).
A. T. Sinclair: „Tattooing—Oriental and Gypsy“—*J. W. Fewkes*: „Ventilators in Ceremonial Rooms of Prehistoric Cliff-dwelling“.—*M. R. Harrington*: „Catawba Potters and their Work“.—*M. R. Harrington*: „Vestiges of Material Culture among the Canadian Delawarees.“—*H. Beyer*: „The Symbolic Meaning of the Dogin Ancient Mexico“.—*Ch. C. Willoughby*: „Wooden Bowls of the Algonuyian Indians“.—„Book Reviews“ (12 рецензій).—„Some new Publications.“—*A. F. Chamberlain*: „Periodical Literature“—„Foreign Notes“.—„Anthropologic Miscellanea.“

Anthropos. Band III. 1908. Heft 4. *T. Carus*: „Au paus des castes“; продолженіе начатыхъ раньше статей, касающееся главнымъ образомъ религиозныхъ вѣрованій.—*J. Meier*: „Mythen und Sagen der Admiralitätsinsulaner“ (продолженіе); тексты и дословные переводы.—*Ch. Gillhodes*: „Mythologie et religion des Katchins (Birmanie)“; начало довольно обширной статьи.—*O. Mayer*: „Ein Sonnenfest bei den Eingeborenen von Vuatou, Neu-Pommern, Südsee“.—*J. M. Henry*: „Le culte des esprits chez les Bambara“.—*J. de Marzan*: „Sur quelques sociétés secrètes aux îles Fiji“. Авторъ описываетъ четыре тайныхъ общества, которые въ виду ихъ религіознаго характера правильнѣе было бы, пожалуй, называть сектами; довольно подробно описываются церемоніи, условія поступленія, иногда іерархія, но внутренняя природа обществъ остается мало выясненной.—*A. Durr*: „Die alte Religion der Tschetschenen“; изложеніе статьи Б. Далгата, напечатанной въ „Терскомъ Сборникѣ“ за 1893 г.—*Ivo Struyf*: „Aus dem Märchenschatz der Bakongo“; оригинальные тексты, съ дословными переводами, 8 сказокъ.—*J. Dols*: „L' enfance chez les Chinois de la province de Kail-sou“.—„Hindu Mythologie and Literature as recorded by Por-

tuguese Missionaries of the early 17-th century. Translated by Dr. L. Casartelli“; продолженіе статьи, начатой печатаніемъ въ предыдущемъ году; въ настоящемъ № помѣщенъ отрывокъ всего въ 2 страницы.—*C. C. Uhlenbeck*: „Die einheimischen Sprachen Nord-Amerikas bis zum Rio Grande“. Статья не бесполезная, хотя черезъ чуръ краткая; на 24 страницахъ характеризуются 54 самостоятельныхъ лингвистическихъ группы, и потому характеристики, исключительно морфологическія, неизбежно очень кратки; объ нѣкоторыхъ группахъ въ сущности ничего не сказано; такъ, напр., китунагской группѣ посвящена буквально одна строчка: „китунагскій языкъ есть изолированный языкъ Монтаны и Британской Колумбіи“; о пуджунскомъ языкѣ сказано только то, что онъ мало извѣстенъ и т. д.; болѣе важнымъ группамъ отведено, конечно, больше мѣста, но въ концѣ концовъ даже болѣе обширный очеркъ (эскимосскихъ языковъ) довольно кратко. Достоинство статьи въ томъ, что авторъ даетъ попутно много частныхъ параллелей съ неамериканскими языками. Классификація Уленбека нѣсколько отличается отъ классификаціи Пауэля и „Бюро Американской Этнологіи“; вмѣсто 59 лингвистическихъ семей, насчитываемыхъ въ послѣднихъ изданіяхъ Бюро, у Уленбека фигурируетъ только 54; шошонскую семью и пимскую (piman) онъ соединяетъ вмѣстѣ съ нагуатлемъ въ группу „астекоидныхъ“ языковъ; вайлатпуискую (Wailatpouan) семью онъ присоединяетъ къ сагаптіиской, а серійскую (serian) и палайннигскую (palainnihan) совсемъ опускаетъ.—*L. Besse*: „Another word about the Todas“.—*G. Schmidt*: „L'origine de l'idée de Dieu.“—„Miscellanea“.—„Bibliographie“ (7 рецензій).—„Zeitschriftenschau“.

Heft. 5 6 (двойной). *L. Ostermann*: „The Navajo Indians of New Mexico and Arizona“. Небольшой, но связанный очеркъ социальной организаціи и матеріальнаго быта. Любопытная черта—необыкновенно внимательное отношеніе даже къ самымъ отдаленнымъ степенямъ родства. Навахо не затрудняется опредѣленіемъ даже такихъ степеней родства, какъ: „приемный племянникъ дяди сестры моей бабушки“.—*H. Beyer*: „Tamoanchan, das alt mexikanische Paradies“.—*F. Pierini*: „Los Guarayos de Bolivia“.—*E. Ignace*: „Le fétichisme des nègres du Brésil“.—*C. Tatevin*: „Préface à un dictionnaire de la langue Tapihya, dite Tupi ou neéngatu (belle langue)“.—*R. Lehmann-Nitzsche*: „Patagonische Gesänge und Musikbogen“.

Въ статьѣ приложено 10 страницъ нотныхъ записей (51 мелодія), а въ текстѣ много иллюстрацій съ изображеніемъ описываемыхъ инструментовъ.—*E. Fischer*: „Patagonische Musik“; научная обработка записей, сдѣланныхъ авторомъ предыдущей статьи и хранящихся въ фонограммномъ архивѣ Берлинскаго университета.—*Th. Koch-Grünberg*: „Die Hianákoto-Uanáa“; окончаніе статьи, начатой въ одной изъ предыдущихъ книжекъ, специально лингвистическаго содержанія.—*J. B. Ambrosetti*: „La facultad de Filosofía y Letras de la Universidad Nacional de Buenos Aires y los Estudios de Arqueología Americana“.—*W. Lehmann*: „Der sogenannte Kalender Ixtlixochitls“.—*J. Meier*: „A kaja oder der Schlangenbergglaube bei den Eingeborenen der Blanchebucht (Neupommern)“.—*P. Carty*: „Moralité, sanction, vie future dans la Védanta.“—*Otto*: „Buschmann-Malereien aus Natal“; небольшая статья, интересная главнымъ образомъ по снимкамъ, приложеннымъ къ ней.—*A. Dirr*: „Die alte Religion des Tschetchenen, (окончаніе).—„Hindu Mythology and Literature as recorded by Portuguese Missionaries of the early 17-th century. Translated by Dr. L. C. Casartelli“ (продолженіе).—*G. Schmidt*: „L' origine de l'idée de Dieu“. Эта статья, наиболѣе обширная въ журналѣ и печатавшаяся во всѣхъ его книжкахъ за данный годъ, осталась далеко не законченной; авторъ пока даетъ критику и оцѣнку теорій другихъ изслѣдователей; собственныя построенія его еще не изложены въ должной систематичности.—„Miscellanea“.—„Bibliographie“ (14 рецензій)—„Zeitschriftenschau“.

Journal of the Royal Anthropologicae Institute. Vol. XXXVIII, 1908. January to June. „Annual General Meeting, January 28-th, Reports of Council and Treasurer“.—„President's Address“. Докладъ президента (проф. Д. Дж. Кеннингэма) былъ посвященъ обзору положенія и успѣховъ антропологии въ 18-мъ столѣтіи; особенно подробно докладчикъ остановился на работахъ Петра Кампера, Чарльза Хуайта, Иоганна Фридриха Блюменбаха, Джемса Каульса Причарда, сэра Уильяма Лауренса; портреты всѣхъ этихъ лицъ приложены къ статьѣ.—*D. Waterston*: „Skulls from New Caledonia“; описаніе и измѣреніе коллекціи изъ 8 череповъ, хранящейся въ анатомическомъ музеѣ Единбургскаго университета.—*H. Ling Roth*: „Mocassins and their Quill Work.“—The Kano Chronicle. Translated, with an Introduction, by *H. R. Palmer*: Лѣтопись излагаетъ

въ хронологическомъ порядкѣ исторію государствъ Гауса (верхняя Нигерія, въ Африкѣ) почти за цѣлое тысячелѣтіе съ 999 до 1899 г.; оригинальная рукопись, съ которой сдѣланъ переводъ; очень недавняго происхожденія, конца прошлаго вѣка.—*Ch. S. Myers*: „Contributions to Egyptian Anthropology“. Основные выводы автора, основанные на громадномъ антропометрическомъ матеріалѣ (1005 измѣренныхъ субъектовъ), сводятся къ слѣдующему: „Нѣтъ антропометрическихъ доказательствъ двойственности расы. Я думаю, что несмотря на неоднократный притокъ чужой крови въ прошломъ, современный Египетъ содержитъ однородное населеніе, которое постепенно мѣняетъ свой средній характеръ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ югу, отъ береговъ Средиземнаго моря къ Нубіи за первыиъ катарактомъ... Два объясненія такой измѣчивости навязываются сами собой. Первое ставитъ эту измѣчивость въ зависимость отъ климата, второе... въ зависимость отъ негроидной примѣси съ очень древнихъ временъ. Я пришелъ къ заключенію, что дѣйствіе климата гораздо болѣе вѣроятный и болѣе важный изъ этихъ двухъ факторовъ... Конечно было бы абсурдно сказать, что болѣе широкій носъ и болѣе выдающаяся челюсть существенны для болѣе продолжительной жизни въ Верхнемъ Египтѣ, по сравненію съ Нижнимъ Египтомъ, но я вѣрю, что въ соотвѣтствіи съ этими физическими чертами есть неизвѣстные физиологическіе факторы, которые дѣлаютъ болѣе легкимъ поддержаніе жизни въ сухомъ, жаркомъ климатѣ Верхняго Египта, чѣмъ въ болѣе влажныхъ, болѣе прохладныхъ и болѣе плодородныхъ областяхъ, близкихъ къ Средиземному морю“. Къ статьѣ приложены таблицы измѣреній, легшихъ въ основу этихъ выводовъ.—*W. L. Hildburgh*: „Notes on Sinhalese Magic“. Чрезвычайно детальное и систематическое описаніе; изложеніе раздѣлено на 3 главныхъ отдѣла: 1) разная магія (любовная магія, способы обезпечить себѣ расположеніе, мечь врагамъ, убійство ихъ, перемѣна наружности и невидимость, воровская магія и т. д.), 2) лѣчебная магія, 3) покровительственная или охранительная магія.—*R. A. Kern*: „A Malay Cipher Alphabet“.—*J. Beddoe*: „A last contribution to Scottish Ethnology“.

Man. Vol. VII 1908 № 7. *Lord Avebury*: „Sir John Evans“ (некрологическая замѣтка, съ портретомъ покойнаго).—*H. A. Rose*: „On Caste in India“.—*H. G. O. Kendall*: „Palaeolithic Microliths“.—

J. B. Scrivenor: „Malay Beliefs concerning Prehistoric Stone Implements“.—*F. Eyles*: „Firemaking Apparatus of the Makorikori“.—„Reviews“ (6 рецензій).—*Anthropological Notes*“.

№ 8. *C. G. Seligmann*: „Quartz Implements from Ceylon“.—*W. G. Aston*: „A. Japanese Book of Divination“.—*A. C. Haddon*: „Copper Rod Currency from the Transvaal“.—*H. D. Hemsworth*: „Note on Marali Currency“.—„Reviews“ (3 рецензии).—„*Anthropological Note*“.

№ 9. *W. M. Flinders-Petrie*: „The Peoples of the Persian Empire“.—*A. Lang*: „Pirauru in Scotland.“—*J. G. Frezer*: „Statues of Three Kings of Dahomey“.—*J. Roscoe*: „Nantaba, the Female Fetich of the King of Uganda“.—*W. H. R. Rivers*: „Totemism in Fiji“.—*K. R. Dundas*: „Notes on the Origin and History of the Kikuyu and Dorobo Tribes“.—„Reviews“ (3 рецензии).

№ 10. *R. Grant Brown*: „Rain-making in Burma“.—*T. A. Joyce*: „Note on a Native Chart from the Marshall Islands in the British Museum“.—*W. A. Cunnington*: „String Tricks from Egypt“.—*R. H. Mathews*: „Matrilineal Descent, Northern Territory“. Авторъ пытается опровергнуть главный аргументъ въ пользу мнѣнія объ отцовской филіаціи у восьмиклассныхъ племенъ Сѣверной Австраліи, аргументъ, сводящійся къ факту дѣленія племени на двѣ „половины“ или „фратріи“ и принадлежности ребенка къ „половинѣ“ отца. Метърсъ утверждаетъ, что при извѣстныхъ, мѣтѣ частыхъ, видахъ брака это правило невѣрно и бываютъ случаи, когда ребенокъ принадлежитъ противоположной половинѣ, чѣмъ отецъ. Въ сущности это признаютъ и главные сторонники теоріи объ отцовской филіаціи, Спенсеръ и Гилленъ (*Northern Tribes*, p. 117, note), соглашающіеся, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мужчина беретъ жену не изъ обычнаго класса, принадлежность ребенка къ тому или другому классу зависитъ отъ класса матери, а не класса отца.—*W. Schmidt*: „Totemism in Fiji“.—„Reviews“ (2 рецензии).—„*Proceedings of Societies*“.

№ 11. *W. E. Roth*: „Australian Canoes and Rafts“.—„*C. G. Seligmann*: „Note on Totemism in New Guinea“.—*J. Edge-Partington*: „Stone-headed Clubs from Malaita, Solomon Islands“.—*C. M. Woodford*: „Note on Stone-headed Clubs from Malaita, Solomon Islands“.—*W. Allen-Sturge*: „The Polished Axe found by Canon Greenwell in a Flint Pit at Crime's Graves“.—*W. A. Dutt*: „New

Palaeolithic Site in the Waweney Valley".—„Reviews“ (2 рецензии)—„Proceedings of Societies“.—„Anthropological Notes“.

№ 12. *O. M. Dalton*: „The Animal-Headed Figure on the Frangs Casket“.—*A. Lang*: „Linked Totems“.—*C. G. Seligman*: „Linked Totems: a Reply to Mr. Lang“.—*K. R. Dundas*: „Kikuyu Rika“ (возрастные дѣленія африканскаго племени Kikuyu).—*H. W. Garbutt*: „Alphabet Boards“.—*A. C. Haddon*: „Additional Note on Copper Rod Currency from the Transvaal“.—*W. Schmidt*: „On the Elussification of Australian Languages“.—*Mrs. Hewitt*: „Some Sea-Dayak Tabus“.—„Reviews“ (4 рецензии)—„Proceedings of Societies“.—„Anthropological Notes“.

Zeitschrift für Ethnologie. 1908. Heft. IV. A. Götz: „Brettchenweberei im Altertum“. Археологическія данныя, положенныя въ основу статьи, восходятъ къ неолитическому вѣку и относятся главнымъ образомъ къ восточной части балтійской области (особенно мемельскій округ).—*A. Lissauer*: „Archäologische und anthropologische Studien über die Kabylen“. Статья небольшая и написанная подъ впечатліемъ непродолжительной поѣздки по сѣверной Африкѣ, но затрагивающая очень важные вопросы. Выводы автора сводятся къ слѣдующему: 1) автохтонами сѣверной Африки надо признать родственныи сомалийцамъ хамитскій народъ, жившій тамъ въ каменномъ вѣкѣ и говорившій языкомъ „tamazirt“; (хамитскій); 2) затѣмъ послѣдовало нашествіе Кабилловъ (свѣтлобожихъ брюнетовъ) съ Иберійскаго полуострова, которые отѣснили автохтоновъ къ югу, уже сооружали дольмены и замѣнили свой языкъ языкомъ „tamazirt“; 3) далѣе слѣдуетъ нашествіе блондиновъ изъ сѣверной Европы, которые совершенно смѣшались съ Кабилами, селились преимущественно на вершинахъ Атласа и тамъ сохранили въ чистотѣ свои расовыя особенности до настоящаго времени; 4) далѣе, въ историческія времена, слѣдуютъ нашествія финикійцевъ, грековъ, римлянъ, евреевъ, вандаловъ, византийцевъ, арабовъ, турковъ, испанцевъ и французовъ. Къ сожалѣнію, Лиссауръ оставляетъ совершенно вопросъ о баскахъ, лингвистическая близость которыхъ къ хамитамъ можетъ имѣть весьма существенное значеніе для уясненія всѣхъ затронутыхъ въ настоящей статьѣ вопросовъ.—*Anna Lissauer*: „Vier kabyli-sche Fabeln und Märchen“. Небольшая замѣтка, служащая дополненіемъ къ предыдущей статьѣ; сказки („Осель и левъ“, „Добрый

сынъ“, „Друзья“ и „Три наследника“) представляютъ нѣмецкій переводъ французскаго пересказа.—*A. Majr*: „Eine vorgeschichtliche Begräbnisstätte auf Malta“.—*Fr. Wiegers*: „Neue Funde paläolithischer Artefakte“.—*Max. Verworn*: „Ein objectives Kriterium für die Beurteilung der Manufaktnatur geschlagener Feuersteine“. Попытка представить новыя доказательства тому, что находки третичнаго періода во Франціи и въ Бельгіи были дѣйствительно „орудіями“ археолитическаго вѣка.—*G. Oesten*: „Bericht über den Fortgang der Rethraforschung“.—*H. Mühsam*: „Die Bedeutung der neueren Methoden der Blutdifferenzierung für die Anthropologie“.—*Th. Preuss*: „Ethnographische Ergebnisse einer Reise in die mexikanische Sierra-Madre“. Статья имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ вѣроваіями и мѣрами племени Гуичаль.—*Mc. Clintock*: „Bräuche und Legenden der Schwarzfussindianer“. Изъ обычаевъ рѣчь идетъ о припятіи въ племя, а легенды касаются главнымъ образомъ происхожденія созвздіи и планетъ.—*R. Mielke*: „Ein merkwürdige Totenbrauch“ (къ вопросу о погребеніи въ сядячемъ и скорченномъ положеніи).—*Moszkowski*: „Die Völkerschaften von Ost-und Zentralsumatra“.—„Literarische Besprechungen“ (5 рецензій).—Поступленія въ бібліотеку.

Heft V. F. V. Luschan: „Über Buschmann-Malereien in den Drakensbergen“. Статья богато иллюстрирована; особенно выдаются цвѣтныя репродукціи раскрашенныхъ бушменскихъ рисунковъ.—*W. Planert*: „Australische Forschungen II. Dieri-Grammatik“. Статья, подобно болѣе ранней работѣ того же автора о грамматикѣ аранда (Арунта), представляетъ обработку матеріаловъ, собранныхъ миссіонеромъ Веттенгелемъ. Кромѣ грамматики, очень краткой, даны 3 страницы текстовъ съ переводами.—*C. Strehlow*: „Einige Bemerkungen über die von Dr. Planert auf Grund der Forschungen des Missionars Wettengel veröffentlichte Aranda-Grammatik“. Эта статья вмѣстѣ съ краткими возраженіями Планерта показываетъ, какъ еще мало подвинулось впередъ лингвистическое изученіе австраійскихъ племенъ; хотя Аранда (Аринда, Арунта) принадлежитъ къ числу наилучше изслѣдованныхъ племенъ (имъ между прочимъ посвящена большая часть первой книги Спенсера и Гиллена) и уже около 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1890 г.) миссіонеръ Кемпе сдѣлалъ первую попытку составить грамматику ихъ языка, всетаки языкъ этотъ оказывается настолько плохо изслѣдован-

нымъ, что споры возможны относительно самыхъ элементарныхъ вопросовъ.—*W. Stempell*: „Die Tierbilder der Mayahandschriften“. Статья чисто описательнаго характера.—*H. Gensch*: „Wörterverzeichnis der Bugres von Santa Catharina“. Словарю предпослано небольшое введение Зелера, дающее общую картину „Bugres“ (дикие) индѣйскаго народа въ Бразиліи родственнаго Короадо.—*A. Bezzenberger*: „Vorgeschichtliche Analekten“. — *W. Hindenburg*: „Über einen Fund von Mäanderurnen bei Königsberg in der Neumark“.—*F. Voas*: „Eine Sonnensage der Tsimschian“. Статья состоитъ изъ вступительныхъ замѣчаній, дающихъ общую характеристику мифологіи Тсимшиановъ и краткій очеркъ ихъ языка, и текстовъ, снабженныхъ подстрочнымъ переводомъ и очень обстоятельными филологическими примѣчаніями.—Во 2-й отдѣлъ „Verhandlungen“ включено также нѣсколько работъ, болѣе краткихъ по размѣрамъ.—„Literarische Besprechungen“ (3 рецензіи).—Поступленія въ бібліотеку.

Живая Старина. Периодич. изданіе Отдѣленія Этнограф. И. Р. Г. О., подъ редакціей *В. И. Ламанскаю* и *Н. Н. Виноградова*. 1907. 4. *Макаренко, А. А.* Канунъ по сибирскимъ селеніямъ.—*Даміловъ, В. В.* Среди нашей братіи.—*Сергѣево-Товстухинъ, А. К.* Очерки Бѣлоруссіи. III Ловля вьюновъ. IV Талака.—*С-чъ, А.* Туркменскій поэтъ босякъ Көръ-Молла и его пѣсни о русскихъ.—*Даміловъ, В. А.* Особенности психическаго міра якутовъ.—*Батурицъ, М.* Два брата. Остяцкая легенда.—*Макаренко, А. А.* Сибирскія пѣсенныя старпны.—*Пекарскій, Э. К.* Изъ якутской старины.—*Ончуковъ, Н. Е.* Печорскіе стихи и пѣсни.—*Виноградовъ, Н. Н.* Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Критика и бібліографія. Хроника.

Землѣдѣніе. Периодическое изданіе Географическаго отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э., подъ редакціей *Д. Н. Анучина* 1908 кн. II *Красноперовъ, И.* Зырянская община на сѣверѣ Россіи. III Изъ монголо-сычуанской экспедиціи. П. К. Козлова. (Есть нѣк. свѣдѣнія о мѣстныхъ жителяхъ).—IX международный географическій конгрессъ въ Женевѣ.

Русскій Антропологическій Журналъ. Изданіе Антропологическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. подъ редакціей *А. А. Иванова*. 1907. № 3—4. ¹⁾ *Абрамовъ, Арк. Н.* Башкиры (съ 17 рис.) Сначала данъ краткій историческій очеркъ расселенія башкиръ и

¹⁾ О № 1—2 см. въ „Этн. Обзор.“ 1907 г. № 4.

этнографическая характеристика ихъ быта въ предѣлахъ нынѣшнихъ Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской губерній. Затѣмъ идутъ свѣдѣнія антропометрическія, свѣренныя съ выводами извѣстной работы А. А. Ивановскаго „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“. Авторъ констатируетъ большую смѣшанность башкирскаго типа, при чемъ на с.-з. они впитали въ себя финскія народности, образовавъ новую башкирскую разновидность „ново-башкиръ“. Ихъ, по словамъ автора, среди кореннаго башкирскаго населенія зовутъ „тептярями“. Последній терминъ, по-башкирски „тюптарь“, „тюпляръ“, авторъ производитъ отъ башкирскаго же „тюпляръ“, что означаетъ мѣсто, покрытое пнями, его будто бы и должны были выкорчевывать, обрабатывать тептяри. Не мѣшаетъ здѣсь напомнить и другое словопроизводство и объясненіе термина „тептарь“ въ статьѣ Ахмарова „Тептяри и ихъ происхожденіе“ (см. „Этн. Обзоръ“, 1908, № 1—2, стр. 221—222). Рисунки, приложенныя къ статьѣ г. Абрамова, изображаютъ не только типы населенія, но и ихъ постройки.—*Курдова, К. М.* Таты Дагестана. Авторъ, работая надъ евреями Дагестана, заинтересовался тамъ и татами. Таты живутъ отдѣльными участками по всему Закавказью, числомъ до 135.000 чел. Историческія данныя указываютъ на ихъ иранское происхожденіе; говорятъ они на фарсидскомъ языкѣ, вытѣсняемомъ татарскимъ (они мусульмане); жители с. Рукалъ постановили цѣлымъ обществомъ не говорить на своемъ родномъ языкѣ, и вотъ только нѣкоторые старики говорятъ теперь по-татски. По антропометрическимъ даннымъ г. Курдова таты Дагестана ближе всего подходятъ къ типу горскихъ евреевъ Дагестана и болѣе родственны съ народами тюрскаго поколѣнія, нежели иранскаго.—*Вайсенбергъ, С. А.* Ростъ головы и лица.—*Иматьевъ, В. Е.* Периметръ груди, формула Пинье и index ponderalis Ливи, какъ показатели физическаго развитія слушателей Константиновскаго Межевого института (съ 3 рис.).—*Джавахоевъ, А. Н.* Къ антропологии Грузіи: грузины Кахетіи (съ картой, 31 рис. и 4 діагр.). Сначала даны краткія свѣдѣнія о Кахетіи (въ дополненіе къ прежнимъ свѣдѣніямъ о Карталиніи: „Русс. Антроп. Журн., 1905, № 3—4“), ея прошлымъ, этнографическихкихъ особенностяхъ и бытъ населенія. Затѣмъ авторъ обработалъ лично добытыя антропометрическія данныя. Въ результатѣ послѣднихъ оказывается, что грузины Карталиніи и Ка-

хетин весьма мало уклоняются другъ отъ друга; по сравненію съ другими антропологическими группами они стоятъ особнякомъ, образуя самостоятельную грузинскую или картвельскую группу. На рисункахъ, кромѣ типовъ, изображены: жилища, хозяйственные строенія, земледѣльческія орудія, домашняя утварь, перевозочныя средства, мельницы, прялки, орудія для выдѣлки рогожи, музыкальные инструменты, костюмы. — *Эриксонъ, Э. В.* Къ антропологін армявъ. Вслѣдъ за историческими справками объ армявахъ, приведены антропометрическія данныя автора, въ сравненіи съ другими. Какъ извѣстно, А. А. Ивановскій выдѣлилъ армявъ въ особую армянскую группу; авторъ тоже не настаиваетъ на близкомъ родствѣ армявъ съ другими антропологическими группами, хотя и есть данныя о вліяніи персовъ, курдовъ и др. племенъ иранской расы, а также евреевъ, пверовъ (грузинъ), сирійцевъ, арабовъ и др. — *Прохоровъ, К. Г.* О разноцвѣтныхъ глазахъ. — *Синицкій, Л. Д.* Объ одномъ антропологическомъ заблужденіи. (Антропосоціологія, ея теоріи и „законы“). Авторъ подробно разбираетъ основанія этой „лже-науки“ въ сочиненіяхъ Гобино, de-Larouge'a, Peez'a, Вольтмана и др. при помощи критическаго обзора идей Ляпужа въ книгѣ „L'Armen et l'Anthroposociologie“, etude critique par le D-r Emile Houzé. — *Ивановскій, А. А.* Проф. Эмилъ Шмидтъ. Некрологъ. († 22 окт. 1906 г.). Изъ работы покойнаго отмѣтимъ: Zur Urgeschichte Nordamerikas (въ Arch. f. Anthropolog, B. V, 1872); Die prähistorischen Kupfergeräte Nordamerikas (Arch. f. Anthr. B. XI); Die ältesten Spuren des Menschen im Gebiete der Vereinigten Staaten (Hamburg, 1887); Die vorgeschichtlichen Indianer Nordamerikas (1895); Die Vorgeschichte Nordamerikas im Gebiete der Vereinigten Staaten (Braunschweig, 1894). Кромѣ того, онъ выпустилъ много цѣнныхъ работъ по физической антропологін.

Русскія Вѣдомости. 1909. 1. *Анучинъ, Д. И. Е.* Забѣлинь (1820—1908) Некрологъ. — 13 и 19 *Козловъ, П. К.* Озеро Куку-поръ и его таинственный островъ Куйсу. (Изъ монголо-сычуанской экспедиціи). — 22 *Покровскій, М. М., проф.* Двадцатипятилѣтній юбилей профессора С. Ф. Зѣлинскаго. — 30 *Дюнео.* Авраамъ Линкольнъ и нѣшнія расы.

Новости этнографической литературы.

Архангельская Карелія. Изданіе Арх-скаго Губ. Статист. Комитета. Арх. 1908. 8°. II+II+101+39 стр.+карта Кемскаго уѣзда въ мѣш. 25 верстъ въ 1 дюймъ.

Бобринскій, А. А. гр. Горцы верховьевъ Пянджа (Баханцы и Ишкашимцы). Очерки быта по путевымъ замѣткамъ. 20 фототипическихкихъ таблицъ раб. фот. П. Павлова со снимковъ Н. В. Богоявленскаго. Москва 1908. 8° VIII+150 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Борещій-Бергфельдъ, Н. Исторія Венгрии въ средніе вѣка и Новое время. Изд. „Брокгаузъ-Ефронъ“.

Бузескуль, В. Исторія авинской демократіи. Спб. 1909. 8° VII+468 стр. Ц. 2 р. 50 к. (рец. Н. Карѣва въ „Рус. Вѣдом.“ 1909 г. № 21).

Виноградовъ, Николай. Бѣлорусскій вертепъ. Его устройство. Описаніе куколъ. Вертепная драма въ Смоленскѣ. Представленіе въ Спасѣ-Деменскѣ. (Съ XVII табл. рис.) Спб. 1908.

Виноградовъ Н. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. I. Спб. 1908. 102 стр.

Гидуляновъ, П. В. проф. Участіе женщины въ древне-христіанскомъ богослуженіи (оттискъ изъ № 1-го „Юридич. записокъ“, издав. Демидов. лицеемъ). Ярославль. 1908. 8° 30 стр.

Городецкій, Б. М. Систематическій указатель содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 25 лѣтъ (1880—1904). Спб.

Добровольскій, В. Н. Киселевскіе цыгане. Вып. I. Цыганскіе тексты. Спб. 1908. VI+89 стр.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Баркулабовская лѣтопись. Кіевъ. 1908. 8°. 38+12 стр. (Оттискъ изъ Кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстій“).

Довнаръ-Запольскій, М. В. Договоръ рады В. Кв. Литовскаго съ в. кн. Сигизмундомъ-Августомъ. 8° 10 стр. (брош.).

Довнаръ-Запольскій, М. В. Украинскія староства въ первой половинѣ XVI вѣка. Кіевъ. 1908. 8° 118 стр.

Юхельсонъ, В. И. Древнія и современныя жилища племенъ с.-в. Азіи и с.-з. Америки. Спб. 1908.

Кастальскій, Б. Н. Бія-Найманскіе Осуаріи. Самаркандъ. 1908. 8°. 36 стр. 2 фототип. и 1 листъ чертеж.

Катанаевъ, Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль въ обсаѣдованіи и занятіи русскими Сибири и Средней Азіи. Вып. I. Конецъ 16-го и начало 17-го столѣтій. Спб. 1908.

Крымскій, А. Исторія Персіи, ея литературы и дервишской теософіи. Новое изданіе, переработанное совмѣстно съ К. Фрейтагомъ: I. Критико-библіографическій обзоръ источниковъ и пособій по политической и литературной исторіи Персіи. II. Политическое возрожденіе Персіи, покоренной арабами. (Труды по востоковѣдѣнію, издав. Лазарев. институтомъ вост. яз., вып. XVI, № 1-й). М. 1909. 8° IV+62 стр. Ц. 75 к.

Лавровъ, П. А. Сборникъ македонскихъ пѣсень, сказокъ и обычаевъ С. И. Верковича Спб. 1908. 69 стр.

Марръ, Н. Основныя таблицы къ грамматикѣ древне-грузинскаго языка, съ предварительнымъ сообщеніемъ о родствѣ грузинскаго языка съ семитическими. Спб. 1908.

Масловъ, А. Л. Иллюстрированное описаніе музыкальныхъ инструментовъ, хранящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ. Съ 137 рисунками въ текстѣ и 3 таблицами. М. 1909. 4°. 64 стр. Ц. 75 к.

Миллеръ, Вс. Ѳ. Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ. Спб. 1908. 8°. 90 стр. (Оттискъ изъ Извѣстій Отд. р. я. и сл. И. А. Н., т. XIII, кн. 1-я).

Мюнстербергъ, Гуго. Американцы. Перев. съ нѣм. А. А. Громбахъ, 2 тома Ц. 4 р. (Рец. въ „Землевѣдѣніи“, 1908 III).

Нифоровъ, В. В. Манчары. Якутскъ. 1908 16° 65 стр.

Ончуковъ Н. Е. Сѣверныя сказки. (Архангельская и Оловецкая губ.). Сборникъ. („Записки И. Р. Г. О по отдѣленію этнографіи“, т. XXXII) Спб. 1908 8°. XI+III+646 стр. (Здѣсь помѣщены записки *Н. Е. Ончукова* 2—200 стр., 471—593 стр., *А. А. Шахматова* 201—354 стр., *Д. Гермогивскаго* 355—408 стр., *М. М. Пушкина* 409—468; словарь областныхъ словъ и указатель).

Орловъ, А. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ. 1907. 8°. 430 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Пенарскій, Э. К. Образцы народной литературы якутовъ. Вып. 2. Сиб. 1908 съ 81 по 194 стр.

Передольскій, В. В. По Енисею. Бытъ енисейскихъ остяковъ. Съ рисунками по фотографіямъ автора. Изд. А. Ф. Девриена Спб. 1908. 8°. VIII+183 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Петровъ, А. Матеріалы для исторіи угорской Русп. V. Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Спб. 1908.

Реклю, Элизе. Человѣкъ и Земля. Перев. съ франц. пр.-доц. спб. унив. П. Ю. Шмидта, изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1906—1907. т. I, II, III

Штернбергъ, Л. Я. Матеріалы по изученію гилъскаго языка и фольклора. Т. I. Образцы народной словестности. Часть 1-ая. Эпосъ (поэмы и сказанія, первая половина). Тексты съ переводомъ и примѣчаніями. Спб. 1908. XXII+232 стр. Ц. 3 р. (Изд. Ак. Н.).

Яичукъ, Н. А. О мнимо-народныхъ бѣлорусскихъ пѣсняхъ петрическаго и мнѣологическаго содержанія. (Изъ XVIII т. Сборника Харьковского историко-этнологич. о-ва, издавнаго въ честь проф. Н. Ф. Сумцова) Харьк. 1908. 8° 23 стр.

Bloomfield, J. K. The Oneidas-New York: Alden Brothers. 1908. 8°. 395 pp. 81 ill.

Boas, F. Second report on the Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay. From notes collected by captain G. Comer, captain J. S. Mutch and rev. E. J. Peck. (Bull. Am. Mus. Nat. Hist. XV, pt. 2). New York, 1907. 8°. 371—570 pp., ill.

Bruner F. G. The hearing of primitive peoples: an experimental study of the auditory acuity and the upper limit of hearing of Whites, Indians, Filipinos, Aina and African Pigmies (Columbia University, Archives of Psychology. № 11). New York: Science Press. 1908. 8°. 133 pp.

Curtin, J. The Mongols. A history. With a foreword by Theodore Roosevelt. Boston: Little, Brown, and Co, 1908. 8°. XXVI+426 p., map.

Curtis, E. S. The North American Indian. Being a series of volumes picturing and describing the Indians of the United States and

Alaska. Written, illustrated, and published by Edward S. Curtis. Edited by Frederikk Webb Hodge. Foreword by Theodore Roosevelt. Field research conducted under the patronage of J. Pierpont Morgan. In twenty volumes 4° Vol. I. XVII+161 pp., 79 photogravure plates bound with text, and portfolio of 39 separate supplementary plates 20×24 inches. Vol. II. XII+142 pp., 75 photogravure plates bound with text, and portfolio of 35 separate supplementary plates 20×24 inches.

Dahlman, J. Indische Fahrten. 2 B. B. I. Von Peking nach Benares. XIV+403. B. II. Von Dehli nach Rom. XVIII.+456. Freiburg i. B. 1908. 18 M.

Durett, R. T. Traditions of the earliest visits of foreigners to North America, the first formed and first inhabited of the continents. (Filson Club Publications, № 23). Louisville: J. p. Morton and Co. 1908. 4°; XXII+179 pp., 20 pl.

Erdmann, H. D-r (Direktor des anorganisch - chemischen Instituts, der Königlichen Technischen Hochschule zu Berlin). Alaska. Ein Beitrag zur Geschichte nordischer Kolonisation. Mit 68 Abbildungen und Kartenskizzen in Text und einer Karte von Alaska. Berlin 1909. 8°. Dietrich (Ernst Volsen) Pr. 8 Mr.

Erzählungen aus *Hëmācandras Parisiṣṭaparvan*. Deutsch, mit Einleitung und Anmerkungen von *Johannes Hertel*. Verlag von Wilhelm Heims. Leipzig 1908. Preis 4.00.

Fynn, A. J. The American Indian as a product of environment. With special reference to the Pueblos. Boston: Little, Brown, and Co. 1907. 12°. XI+275 pp., 8 pl.

Gomme, G. L. Folklore as an historical science. London: Methuen & Co. 1908. 8°. XVI+371 pp. Price; 7 s. 6 d.

Hahn, Ed. Die Entstehung der wirtschaftlichen Arbeit. Heidelberg: Winters Universitätsbuchhandlung 1908. 8°. IV+109 pp. 2. 50 Mr.

Hodson, T. C. The Meithies. London: Nutt, 1908. XVII+227 pp. Price 7 s. 6 d.

Hans, Fr. M. The great Sioux nation. Chicago: M. A. Donohue & Co. 1907. 8°. 575 pp.

Jones, W. Fox Texts. (Publications of the American Ethnological Society. Edited by Franz Boas. Vol. I). Leiden: E. J. Brill, 1907. 8°. VI+383 p.

Keane, A. H. The world's peoples. A popular account of their bo-

dily and mental characters, beliefs, traditions, political and social institutions. London: Hutchinson & Co. 1908. 12°. XII+434 pp., 271 ill. Price 6 s.

Kidd, D. Kafir socialism and the dawn of individualism: an introduction to the study of the native problem. London: A. and C. Black 1908. XI+286 pp. Price 7 s. 6 d.

Kraus, S. Friedrich, D-r. Slavische Volkforschungen. Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitsrechte, Sitten, Bräuche und die Guslarenlieder der Südslaven. Vorwiegend auf Grund eigener Erhebungen. Leipzig. 1908. больш. 8°. VII+431 стр.

Kluck, E. и Sohnrey, H. Texte u. Spiele d. deutschen Landvolkes. B. 1909. 3, 60 M.

Lessmann, H. Aufgaben und Ziele der vergleichenden Mythenforschung. Leipzig: J. C. Hinrichs. 1908. 8°. VII+52 s. 2.50 Mrk.

Littmann, E. Arabische Beduinenerzählungen. I. Arabischer Text II. Uebersetzung. Schriften d. Wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg. 2 u 3. Strassburg. 1908.

Lyall, Sir C. The Mikirs. London: Nutt. 1908. XVII+183 pp. Price 7 s. 6 d.

Mansikka, V. I. Über russische Zauberformen mit Berücksichtigung der Blut und Verrenkungssegen. Akademische Abhandlung. Helsingfors, 1909. 8°. XVII+311 s.

Nalimov, Vasilij. Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjänen. (Extrait du „Journal de la Société Finno-Ougrienne“, XXV, 4).

Nigmann, E. Die Wahehe. Ihre Geschichte, Kult-, Rechts-, Kriegs- und Jagd-Gebrauche. Berlin: E. S. Mittler und Sohn. 1908 XII+131 pp. Mit 3 Karten und 11 Skizzen im Text.

Parmelee, M. The principles of anthropology and sociology in their relations to criminal procedure. 12°. 410 pp.

Schell, O. Das Volkslied. Lpz. 1908. (Handbücher z. Volkskunde. B. III.) Lpz. 1908. 2 M.

Schlemm, J. Wörterbuch zur Vorgeschichte. Eine Hilfsmittel beim Studium vorgeschichtlicher Altertümer von der paläolithischen Zeit bis zum Anfange der provinzialrömischen Kultur. Mit nahezu 2000 Abbildungen. Berlin: Dietrich Reimer. 1908. 688 pp. 20 Mk.

Seler, E. Gesammelte Abhandlungen z. amerikanischen Sprach- u. Altertumskunde. B. 3. XXX+729. Berlin. 1908. 24 M.

Strehlow, C. Mythen, Sagen und Märchen des Aranda-Stammes in Zentral-Australien. Gesammelt von Carl Strehlow, Missionar in Hermansburg, Süd-Australien. Bearbeitet von M. Fr. von Leonhardi. Frankfurt a. M. J. Baer & Co. 1907. 104 pp., 8 pl. 15 Mk. (Veröffentlichungen aus dem Städtischen Völker-Museum, Frankfurt a. M.).

Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXIV. Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. XXIV. Helsinki. 1908. 8°. 391. (съ рисунк.)

Suomen Museo. Finskt Museum. XV. 1908. Helsinki. 1908. 8°. 100 стр. (съ рисунками).

Thimme, A. Das Märchen. Lpz. 1909. VII+201. (Handbücher z. Volkskunde. B. II.) 2 м.

Thomas, N. W. Bibliography of Anthropology a. Folk Lore. V. VII. London. 1907.

Webb, W. M. The heritage of dress. London: Grant Richards. 1907. XXVI+933 pp. Price 15 s.

Weule, Dr. K. Negerleben in Ostafrika. Ergebnisse einer ethnologischen Forschungsreise. Mit 196 Abbildungen, darunter 4 bunte Vollbilder und einer Karte. Leipzig: F. A. Brockhaus. 1908. XII+524 pp.

Nova Guinea: Résultats de l'expédition scientifique néerlandaise á la Nouvelle-Guinée en 1903, sous les auspices de Arthur Wichmann, chef de l'expédition. Vol. III. Ethnography and anthropology by C. A. J. van der Sande. With 50 plates, 216 text figures, and a map. Leyden: E. J. Brill. 1907. 390 pp.

Reports of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres Straits. Vol. VI. Sociology, Magic and Religion of the Eastern Islanders. Cambridge: at the University Press, 1908. 4°. XX+316 pp., with 30 plates, 70 figures in the text, and 3 maps. Price 21 s.

ХРОНИКА.

25-лѣтіе дня основанія Финно-угорскаго Общества праздновалось 2-го декабря нов. ст. 1908 года, въ годовщину рожденія М. А. Кастрѣна.

Мысль объ основаніи Общества зародилась у профессора санскрита Отто Доннера, который еще во время своей первой заграничной командировки занимался финно-угорскими языками. Быть можетъ даже его труды въ области финно-угорской филологіи представляютъ большее значеніе, чѣмъ университетская дѣятельность, такъ-какъ находили въ обществѣ горячій отзвукъ. Въ теченіе почти 25 лѣтъ проф. О. Доннеръ, сперва въ качествѣ секретаря, а послѣ небольшого перерыва, въ качествѣ президента, руководилъ работами Финно-угорскаго общества, отмѣчая на годичныхъ засѣданіяхъ успѣхи, достигнутые членами въ ихъ изысканіяхъ. Высоко цѣня заслуги своего президента, Финно-угорское общество посвятило его имени (ко дню семидесятилѣтія его рожденія) XXIII выпускъ „Журнала“, въ которомъ приняло участіе около сорока ученыхъ.

Основанное въ 1883 году „для изученія финно-угорскихъ народностей въ отношеніи ихъ языка, археологій, исторіи и этнографіи“, Финно-угорское общество, несмотря на ограниченныя средства, которыми оно сперва располагало, уже въ 1884 году отправило своего стипендіата, д-ра К. Яккола въ Лапландію. Съ тѣхъ поръ ежегодно стипендіаты Общества изучаютъ финно-угорскія племена, и тѣмъ спасаютъ отъ забвенія памятники языка и матеріальной культуры, исчезающіе подъ давленіемъ современныхъ вѣяній. Работы финляндскихъ ученыхъ о финскихъ инородцахъ, населяющихъ Россію, краснорѣчиво говорятъ о культурности старшаго члена обширной семьи финскихъ народовъ.

Однако задачи Общества не ограничивались изученіемъ ближайшихъ сородичей финновъ. Орхонскія надписи (старо-турецкаго

языка), открытыя въ Монголіи Н. М. Ядринцевымъ, вызвали цѣлый рядъ изслѣдованій Финно-угорскаго общества, въ которыхъ приняли участіе не только финляндскіе ученые, но и иностраные. Такъ, напр., въ „Мемуарахъ“ Обществомъ была напечатана капитальная работа датскаго ученаго Вильгельма Томсена, дешифровавшаго орхонскія надписи. Последнее время въ Монголіи работалъ д-ръ Г. Рамстедтъ, который, повидимому, намѣревается прочесть обосновать гипотезу о сродствѣ финскихъ, турецкихъ и монгольскихъ языковъ.

Доходы Общества выражались сперва въ скромной цифрѣ 5000 марокъ (около 2 тыс. рублей); но въ 1897 году Финляндскій Сеймъ назначилъ Обществу ежегодную субсидію въ 8000 марокъ. Около того-же времени былъ образованъ, по случаю 60-лѣтней годовщины рожденія президента Общества, О. Доннера, особый фондъ, для поощренія изслѣдованій по финно-угорской филологіи. Въ общей сложности, капиталы Общества достигли за истекшіе 25 лѣтъ суммы 270 тысячъ марокъ.

Сверхъ „Журнала“ и „Мемуаровъ“ Общество предпріяло въ 1901 году изданіе новаго періодическаго органа: „*Finnisch-ugrische Forschungen*“, въ которомъ знакомить европейскую публику съ ходомъ своихъ работъ.

Общество насчитываетъ много членовъ не только въ Финляндіи, но и за границей. Изъ русскихъ ученыхъ въ числѣ членовъ мы находимъ нѣсколько членовъ Общества Л. Е., А. и Э., какъ то: проф. Д. Н. Анучина, акад. Ф. Е. Корша, С. К. Кузнецова и покойнаго Н. Н. Харузина. По случаю 25-лѣтія избраны въ почетные члены Общества (изъ русскихъ) академики: В. И. Ламанскій и Ф. Ф. Фортунатовъ.

Отъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э., отъ Общества Люб. Е., А. и Э., отъ Московскаго Румянцовскаго музея и другихъ учрежденій Москвы были посланы Финно-угорскому обществу-юбилару привѣтствія.

В. Г.

Юбилей Ягича. 6 іюля н. с. (23 іюня) 1908 г. исполнилось 70 лѣтъ со дня рожденія проф. славистики Вѣнскаго университета академика Игнатія Викентьевича Ягича. Въ этотъ день онъ кончилъ, по австрійскимъ законамъ, свою активную дѣятельность въ

университетъ и становился частнымъ ученымъ. Имя Ягича, несомнѣнно, перваго по таланту и значенію его работъ, современнаго, слависта, говоритъ уже само собою, что такое событіе въ его жизни было событіемъ и въ исторіи славяновѣдѣнія въ самомъ широкомъ смыслѣ и всей европейской филологической науки вообще. Друзья, почитатели, ученики, товарищи по наукѣ собирались торжественно отмѣтить этотъ день.

Но.... обстоятельства, ничего общаго съ наукой, тѣмъ болѣе съ славистикой, не имѣющія (о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто), были причиной того, что Игн. Вик. отказался отъ всякаго оффиціального чествованія, былъ противъ всякаго публичнаго заявленія дани уваженія и благодарности его дѣятельности. Съ трудомъ удалось уговорить его принять за нѣсколько дней до юбилея небольшой кружокъ ближайшихъ его товарищей и учениковъ и друзей; въ числѣ послѣднихъ находился и пишущій эти строки. Въ квартирѣ И. В. явились проф. К. О. Иречекъ, В. Вондракъ, М. Решетаръ, Я. Сутваръ, П. Кречмеръ и др., поднесли юбиляру вмѣстѣ съ пожеланіями многихъ лѣтъ здоровья и дѣятельности сборникъ, посвященный ему, статей его почитателей и учениковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ поднесены были тѣ немногіе адреса, которые могли быть доставлены къ этому дню, почти исключительно изъ Россіи: отъ Академіи Наукъ, Московскаго у-а, Общества Любит. Естественнаго, его Этнографическаго отдѣла и др. Несмотря на вѣднѣшнюю весьма скромную обстановку чествованія, юбилей этотъ остается однимъ изъ наиболѣе внушительныхъ и свѣтлыхъ за послѣдніе годы. Прежде всего въ немъ мы увидали торжество чистой науки, не знающей и не признающей никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ чистаго знанія: это ясно было выражено въ одушевленной, глубоко трогательной рѣчи, которою отвѣтилъ И. В. на небольшое привѣтствіе, сказанное при поднесеніи русскихъ адресовъ: стоя выше всякихъ политическихъ и узко-національных предразсудковъ, Ягичъ указалъ намъ на то значеніе, какое въ его жизни и дѣятельности имѣла русская среда, пріютившая ученаго, гонимаго за свои убѣжденія, давшая ему поддержку въ самую трудную минуту жизни и тѣмъ спасающая его для науки; поэтому онъ, по его словамъ, считалъ и считаетъ себя должникомъ русской науки и, прибавлю отъ себя, щедро выплачиваетъ свой долгъ. Въ настоящее время Ягичъ стоитъ во главѣ крупнѣйша-

го русскаго научнаго предпріятія въ области славяновѣдѣнія— „Энциклопедіи славянской филологіи“. А о прежнихъ его работахъ, появившихся въ русскихъ изданіяхъ, его трудахъ въ качествѣ учителя цѣлаго ряда русскихъ славистовъ въ Россіи и заграничей говорить, конечно, и подавно не приходится! Но это одна сторона дѣятельности И. В. Ягича: онъ—одинъ изъ немногихъ, а теперь и единственный, изъ славянскихъ ученыхъ, охватившій своими трудами область славяновѣдѣнія всю цѣликомъ. Начиная съ 1861 года, когда появился его первый печатный трудъ— „Rabirici po svieću i gadnoga našega (т. е. хорватскаго) pjesništva“ и до настоящаго дня, не покладая рукъ, И. В. Ягичъ вноситъ свѣтъ и движеніе въ науку о славянствѣ: достаточно указать, что одинъ списокъ его трудовъ) присоединенный къ юбилейному сборнику) занимаетъ около 30 страницъ печати; нѣтъ, положительно, угла въ славистикѣ, гдѣ бы мы не встрѣтились съ именемъ И. В. Ягича: и лингвистика, и палеографія, и исторія литературы, и исторія культуры, и этнографія, главн. обр. народно-устная словесность, и древности—все это по вѣсѣмъ славянскимъ народностямъ нашло мѣсто у И. В. Ягича, который не только всегда и вездѣ высказывалъ свое авторитетное мнѣніе, но всегда и вездѣ вноситъ и новый матеріалъ, новое истолкованіе уже извѣстнаго матеріала. Но помимо собственныхъ статей, которыя однѣ могли бы обезпечить Ягичу то мѣсто, которое онъ занялъ въ наукѣ о славянствѣ, ему принадлежитъ еще большая заслуга: основанный имъ 30 лѣтъ назадъ „Archiv für slavische Philologie“ завоевалъ мѣсто славянской наукѣ въ обще-европейской наукѣ: отношеніе къ славянству, его прошлому и настоящему въ глазахъ ученаго міра 30 лѣтъ назадъ было не то, что теперь; тогда оно считалось областью, права которой на вниманіе признавались едва ли болѣе, нежели занятія диллетанта, любителя и въ лучшемъ случаѣ узкаго кабинетнаго спеціалиста. Если теперь славянство и его наука занимаютъ иное мѣсто въ міровой наукѣ, то совершилось это при непосредственномъ вліяніи Archiv'a и И. В. Ягича, дерзнувшаго издавать на нѣмецкомъ языкѣ журналъ по славяновѣдѣнію, заставившаго интересоваться и оцѣнить значеніе славянства ту науку, которая, начиная съ языка, считала все славянское себѣ чуждымъ. И Archiv Ягича сталъ не только источникомъ знанія

о славянствѣ для западной науки, но и центромъ для самихъ славянскихъ ученыхъ.

Этимъ въ значительной степени объясняется то общее признаніе заслугъ И. В. Ягича, которое такъ ярко сказалось въ его юбилей: послѣ нашего, такъ сказать, семейнаго чествованія юбиляра, всетаки, если и не съ подобающей обстановкой, началось его чествованіе всемъ ученымъ міромъ: въ Spital'ѣ на Земмерингъ-подъ Вѣной, (гдѣ проводилъ лѣто И. В.) получены были сотни привѣтствій со всехъ концовъ ученаго міра, не только изъ Европы, но и внеевропейскихъ странъ (перечень ихъ въ одной изъ Вѣнскихъ газетъ—Neue Freie Presse—завялъ нѣсколько столбцовъ). Т. о. обстоятельства, помѣшавшія отмѣтить обычнымъ порядкомъ знаменательный день въ исторіи науки и ея служители, не могли помѣшать вылиться чувству признанія заслугъ И. В. Ягича въ славянской и мировой наукѣ.

Въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, но по сущности столь же внушительно доказать это и „Zbornik u slavu Vatroslava Jagića“ (Berlin 1908), изданный ко дню юбилея его учениками и почитателями *). На 700 слишкомъ страницахъ едва умѣстились статьи желавшихъ принять въ немъ участіе ученыхъ; около 90 лицъ участниковъ сборника написали свои статьи на цѣломъ рядѣ языковъ: на всехъ славянскихъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ; среди преимущественно славянскихъ ученыхъ мы находимъ и нѣмцевъ, и французовъ, и итальянцевъ, и мадьяръ, и датчанъ, и финновъ...

М. Спераискій.

Къ юбилею кн. А. Р. Церетели. 7 декабря въ Тифлѣ происходило торжественное чествованіе извѣстнаго грузинскаго поэта кн. А. Р. Церетели по случаю исполнившагося въ ноябрѣ 1908 года пятидесятилѣтія его научно-литературной дѣятельности.

Кн. А. Р. Церетели занимаетъ первое мѣсто среди современныхъ грузинскихъ писателей. Онъ извѣстенъ не только какъ поэтъ-лирикъ, но и какъ ученый этнографъ и любитель грузинской старины. Родился онъ въ 1840 г. въ родовомъ помѣстьѣ Сачхери (Кутаис. губ.) и выросъ на лонѣ роскошной природы. Первые

*) См. выше, стр. 156—158.

годы дѣтства онъ провелъ, согласно священнымъ кавказскимъ традиціямъ, въ хижинѣ няни, среди крѣпостныхъ дѣтшекъ, вдали отъ каменныхъ палатъ и условныхъ этикетовъ. Въ крестьянской семьѣ онъ слышался народныхъ поэтическихъ сказаній, впоследствии имъ обработанныхъ въ художественной формѣ. Фантастическіе разсказы о разныхъ чудовищахъ-дѣвахъ, о злыхъ геніяхъ дичьяхъ и каджахъ, похищавшихъ дѣтей, вѣдмахъ и чародѣяхъ, улетающихъ въ страстную среду на Эльборусъ, верхомъ на метлѣ или черной кошкѣ, сближали его съ народнымъ міросозерцаніемъ обоготворяли его умъ причудливой серіей легендъ и пѣсенъ, послужившихъ основой его поэмъ, драмъ и духовныхъ стиховъ. Пребываніе въ кутаисской гимназій и на восточномъ факультетѣ Петербургскаго университета способствовало закрѣпленію его узъ съ народною жизнью и исторіей. Первые годы своей литературной дѣятельности онъ посвятилъ защитѣ освободительныхъ реформъ Александра II и огражденію интересовъ родного языка и традицій, замиравшихъ подъ напоромъ русификаторской политики.

Среди публицистическихъ и художественныхъ его произведеній, посвященныхъ осужденію устарѣлыхъ предрасудковъ и феодальныхъ переживаній съ одной стороны и прославленію героизма и стойкости грузинъ въ дни ихъ самостоятельнаго политическаго существованія, онъ находилъ время для собиранія и изученія образцовъ народной поэзіи. Одинъ изъ первыхъ онъ обратилъ вниманіе на необходимость привести въ извѣстность народные духовные стихи. Такъ, имъ записаны и художественно обработаны два варианта сказанія о св. Георгіи и пророкъ Іліи. Народную легенду того типа, который лежитъ въ основѣ драмы Метерлинка *Монна Ванна*, онъ внесъ въ поэму *Натэла*. „Сцена въ темницѣ“ еще богаче этнографическими картинками. Предъ нами проходятъ армянинъ, грузинъ, еврей, гуріецъ, имеретинъ и мингрелецъ съ ихъ бытовыми и психологическими особенностями. Онъ переработалъ грузинскія народныя сказки въ сборникѣ подъ заглавіемъ Гадіа, снабдивъ ихъ соответствующими ихъ идеѣ народными же пѣснями и поговорками. Сказка „Напаркекіи“ сообщила ему сюжетъ для художественной повѣсти, въ которой участвуетъ св. Георгій. Стихотворенія Драконъ „Амиранъ“ и Отшельникъ“, равно драма „Медель“ также построены на основѣ на-

родныхъ преданій. Перерабатывая устные сказанія, кн. Церетели свято ограждалъ народное міросозерцаніе отъ искаженій и не свойственныхъ имъ осложненій. Наконецъ, въ интересахъ непосредственнаго ознакомленія съ устной поэзіей, онъ основалъ въ 1897 г. журналъ *Кребули*, гдѣ помѣщались различные виды народнаго творчества, записанные во всѣхъ концахъ Грузіи.

Л. Хахановъ.

Д. Н. Садовниковъ. Къ 25-лѣтію дня смерти.

19 декабря исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ со дня смерти симбирскаго уроженца, поэта-этнографа Дим. Нпк. Садовникова.

Садовниковъ принадлежитъ къ тому разряду творцовъ нашего художественнаго слова, къ которымъ чуть не на другой день похоронъ прибавляютъ эпитетъ „забытый“. Это глубоко несправедливо. Садовниковъ былъ яркой литературной величиной на фонѣ 60 и 70-хъ годовъ и обнаружилъ, по словамъ критика, огромные задатки поэтическаго дара, проявившіеся въ прекрасныхъ формахъ. Причина забвенія Садовникова вполне понятна: онъ умеръ, не успѣвъ издать книги своихъ стихотвореній, и они остались теперь разбросанными по многочисленнымъ журналамъ и газетамъ, въ которыхъ участвовалъ ихъ авторъ, и все еще ждутъ своего издателя.

По происхожденію Садовниковъ былъ волжанинъ: на Волгѣ (въ Симбирскѣ) онъ родился, на Волгѣ провелъ свое дѣтство, на Волгѣ получилъ свое образованіе и, наконецъ, на Волгѣ же провелъ большую часть своей жизни. Неудивительно поэтому, что большая и лучшая часть произведеній Садовникова посвящена этой вольной русской рѣкѣ. Картины Волги, волжской природы, бытъ и нравы волжскаго народа, красивыя волжскія легенды о „вольницѣ“, Стенькѣ Разинѣ и другихъ волжскихъ герояхъ—все это нашло себѣ мѣсто и какъ въ зеркалѣ отразилось въ поэзіи Садовникова, котораго поэтому смѣло можно назвать: „пѣвцомъ Волги“.

На литературномъ поприщѣ Д. Н. Садовниковъ заявилъ себя публично въ 1868 году, на 21 году жизни, когда его стихотвореніе „Первый снѣгъ“ за подписью „Д. С—въ“ появилось въ „Плюю-

стрированной Газетѣ“ В. Р. Зотова. Впрочемъ, еще будучи гимназистомъ пятаго класса симбирской классической гимназій, Д. Н. помѣтилъ двѣ корреспонденціи изъ Симбирска въ „Сѣверной Пчелѣ“, за подписью „Ю. Подгоричъ“. Но появившійся въ зотовскомъ журналѣ, Д. Н. сталъ печататься уже непрерывно, и его произведенія въ теченіе пятнадцати лѣтъ украшали страницы слѣдующихъ газетъ и журналовъ: „Сѣверной Пчелы“, Иллюстрированной Газеты“, „Бесѣды“ (С. А. Юрьева), „Грамотей“, „Волжскаго Вѣстника“ (сначала симбирскаго, затѣмъ казанскаго), „Семьи и Школы“, „Дѣтскаго Чтенія“, „Игрушечки“, „Пчелы“, „Вѣстника Европы“, „Русской Старины“, „Искусства“, „Нивы“, „Кругозора“, „Всемирной Иллюстраціи“, Живописнаго Обзорѣнія“, „Новаго Времени“, (ежедневнаго и еженедѣльнаго) „Свѣта“ (Н. П. Вагнера), „Русской Мысли“, „Слова“, „Восточнаго Обзорѣнія“, „Будильника“, „Стрекозы“, „Осколковъ“, „Суфлера“, „Огонька“. „Новаго Русскаго Базара“, „Вѣка“, „Изящной Литературы“, „Восхода“ и мн. др. Кромѣ своей настоящей фамиліи, Д. Н. подписывался псевдонимами: „Ганриетъ“, „Д. Волжакъ“, „Дм. Симбирцевъ“, „Д. Полянскій“, „Юрій Подгоричъ“, „Пеонъ 2-й“ и „Димъ“ (два послѣднихъ въ юмористическихъ журналахъ).

Являясь замѣчательнымъ русскимъ поэтомъ, Д. Н. Садовниковъ былъ не менѣе замѣчательнымъ переводчикомъ. Въ этомъ отношеніи онъ ничуть не уступаетъ такимъ колоссамъ-переводчикамъ, какими являются М. Л. Мпхайловъ, Д. Л. Михаловскій и В. С. Лихачевъ. Онъ переводилъ Рунеберга, Вайду, Байрона, Лонгфелло, Петефи, Бушора, Гейне, Терье, Сюлли-Прюдому, Эдгара Поэ, В. фонъ-Фогельвейде, Теннисона и др. Близость къ буквѣ подлинника и вѣрность красотѣ духа его—вотъ достоинства Садовникова, какъ переводчика.

Яркій слѣдъ оставилъ Д. Н. и какъ этнографъ. Изъ его этнографическихъ трудовъ болѣе другихъ выдаются: „Жегули и Усолы на Волгѣ“ („Бесѣда“ 1871) г. „Подвиги простыхъ русскихъ людей“ („Грамотей“ 1873 г.), „Задачи русскаго народа: (Спб. 1875 г.), „Лычскіе сны русскаго народа: I. Лѣшій и водяной; II. Хитрый заяцъ“ („Дѣтское Чтеніе“, 1882 г.), „Изъ волжскихъ преданій о Стенькѣ Разинѣ“ „Пѣсни“ и пр. („Слово“, 1881 г., „Волжскій Вѣстникъ“, 1883 г. „Живописное Обзорѣніе“, 1883 г. и др.). Кромѣ того, послѣ смерти Д. Н. были напечатаны собранныя

имъ: „Сказки и преданія Самарскаго края“ („Зап. II. рус. геогр. общ. по отд. этнографіи, 1884 г.), „Письма Пушкина къ Н. М. Языкову“ („Истор. Вѣстн., 1884 г.) и поэма „Кума“ (тамъ же, 1892 г.).

Изъ произведеній Д. Н. Садовникова отдѣльными изданіями вышли только „Русскіе землепроходцы“, „Загадки русскаго народа“, „Норвежскія сказки“ и „Сказки и преданія Самарскаго края“. Стихи же его, эти истинныя перлы его творчества, до сихъ поръ еще ждутъ своего издателя („Нов. Вр.“).

† **И. Е. Забѣлинъ** (1820—1908). Скончался Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, старѣйшій изъ русскихъ историковъ, лучший знатокъ русской старины и особенно древней Москвы, всю свою жизнь посвятившій описанію, изученію и собиранію русскихъ древностей, замѣчательный самородный и самобитный русскій умъ, пробившій самъ себѣ дорогу и стоявшій величавымъ особнякомъ въ русскомъ ученомъ мірѣ.

Уроженецъ Твери, родомъ изъ бѣдной чиновнической семьи, лишившійся въ раннемъ дѣтствѣ отца, И. Е. чѣ получилъ скудное образованіе въ Преображенскомъ (сиротскомъ) училищѣ, да и въ немъ не могъ окончить курса и долженъ былъ въ 1837 году, 17-ти лѣтъ, поступить на службу въ Оружейную палату канцелярскимъ служителемъ 2-го разряда, на жалованье 119 рублей въ годъ. Но юноша оказался даровитымъ и любознательнымъ. Еще будучи въ училищѣ,—одномъ изъ самыхъ старозавѣтныхъ тогдашней Москвы,—онъ сталъ интересоваться Карамзинымъ, романами Вальтеръ-Скотта, Купера, Вельтмана и приобрѣлъ любовь къ исторической старинѣ, а когда поступилъ въ Оружейную палату и познакомился съ ея архивомъ, то скоро сообразилъ, что здѣсь имѣется богатый матеріалъ, нигдѣмъ еще научно не использованный. Въ часы свободные отъ обязательныхъ канцелярскихъ занятій онъ сталъ рыться въ старыхъ бумагахъ и столбцахъ, научился разбирать старое письмо и, находя много любопытнаго, началъ выписывать изъ рукописей разныя свѣдѣнія, касавшіяся стариннаго, особенно царскаго быта. Года черезъ три—четыре онъ уже настолько ознакомился съ архивомъ Оружейной палаты, что могъ оказывать своими указаніями существен-

ную помощь являвшимся туда за разысканіями ученымъ. Въ то же время молодой канцелярскій служитель рѣшился и самъ попробовать свои писательскія силы и помѣстилъ первую свою статью о походахъ русскіхъ царей на богомолье въ Сергію-Троицѣ—въ *Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1842 года. Скоро затѣмъ послѣдовала другая статья—критическій разборъ книги Вельмана „Достопамятности московскаго Кремля“,—въ *Москвитяинѣ* 1843 г., а въ 1846—47 гг. появился уже рядъ его статей о царскомъ бытѣ въ XVII вѣкѣ—въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, издаваемыхъ тогда подъ редакціей Е. Θ. Корша. Всѣ эти статьи обратили вниманіе на молодого изслѣдователя; онъ познакомился со многими профессорами, сталъ близкимъ человѣкомъ въ кругу Грановскаго. Скоро имя И. Е. Забѣлина получило еще большую извѣстность. Въ 1851 году ему была присуждена с-петербургскимъ археологическимъ Обществомъ премія гр. А. С. Уварова за сочиненіе о металлическомъ производствѣ въ древней Россіи, а въ 1852 г. такая же премія за „Историческое обозрѣніе финнскіаго производства въ Россіи“. Въ это же время И. Е. работалъ надъ изданіемъ нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ, сталъ (съ 1853 г.) преподавать русскую исторію въ межевомъ институтѣ, помѣстилъ нѣсколько статей въ *Современникѣ*, *Архивѣ*, изд. Калачовымъ, *Отечественныхъ Запискахъ*, сборникъ „Комета“ и др. Въ 1848 г. И. Е. нѣсколько подвинулся на службѣ, а въ 1856 г. занялъ мѣсто архиваріуса при Оружейной палатѣ (но стараніи друзей доставить ему мѣсто помощника директора палаты окончилъ неудачею). Въ 1859 г., по предложенію гр. Строганова, И. Е. былъ опредѣленъ младшимъ членомъ Императорской археологической комиссіи въ Петербургѣ. Въ этомъ званіи онъ 17 лѣтъ занимался по порученію комиссіи раскопками скифскихъ кургановъ въ новороссійскихъ степяхъ и затѣмъ древне-греческихъ на Таманскомъ полуостровѣ. Особенно замѣчательными оказались его раскопки въ Чертомлыцкомъ курганѣ, близъ старой Запорожской Сѣчи, въ 1863—1864 гг.; здѣсь была найдена масса золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ скифскихъ древностей, въ томъ числѣ знаменитая серебряная ваза съ изображеніемъ скифовъ. Въ курганѣ Близицѣ на Таманскомъ полуостровѣ открыто было имъ погребеніе какой-то знатной женщины, какъ объясняли—жрицы Деметры, съ большимъ числомъ цѣнныхъ

художественныхъ вещей. Всѣ эти находки значительно обогатили коллекцію Императорскаго Эрмитажа и дали богатый матеріалъ для цѣлаго ряда ученыхъ изслѣдованій. Неутомимая дѣятельность И. Е—ча доставила ему званіе старшаго члена археологической коммисіи, но въ 1876 г. онъ оставилъ въ ней службу и вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйств. ст. совѣтника и съ пенсіей въ 1,200 руб.

Научныя занятія И. Е—ча шли между тѣмъ своимъ чередомъ. Еще въ 50-хъ годахъ имъ были напечатаны „Матеріалы“ для исторіи русской рукописи, въ 1862 г. вышла его книга „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII вв.“, а въ 1869 г. другая — „Домашній бытъ русскихъ царицъ“. Въ 1871 г. онъ помѣстилъ въ *Вѣстникъ Европы* статью „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“, въ 1872—73 гг. вышли въ двухъ томахъ его „Опыты изученія русскихъ древностей“, составившіеся изъ ряда статей, напечатанныхъ въ журналахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, въ 1873 г.—его книга „Кунцево и древній Ступинскій ставъ“, въ 1876—79 гг.—два первыхъ тома оригинальной „Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, въ 1878 г.—статья „Черты самобытности въ древнемъ русскомъ зодествѣ“, въ 1883 г.—книга „Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ Смутное время“ (составившаяся изъ статей, помѣщенныхъ ранѣе въ *Русскомъ Архивѣ*) и т. д. Съ 1881 г. И. Е. по приглашенію московской городской Думы приступилъ къ изысканіямъ въ архивахъ данныхъ для исторіи Москвы и издалъ (въ 1884—90 гг.) два обширныхъ тома „Матеріаловъ для исторической археологіи и статистики города Москвы“, а въ 1902 г. 1-й томъ „Исторіи города Москвы“, вышедшій уже въ 1905 г. вторымъ изданіемъ. Не приводимъ другихъ печатныхъ трудовъ Е. И—ча, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ, скажемъ только, что онъ не переставалъ трудиться до конца дней и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ обработалъ новое изданіе своей книги „Домашній бытъ царей“, въ прошломъ году издалъ въ дополнительномъ изданіи 1-й томъ „Исторіи русской жизни“ и еще въ концѣ года занимался составленіемъ 3-го тома „Быта царей“.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ къ И. Е—чу стали обращаться за содѣйствіемъ и указаніями по вопросамъ объ устройствѣ въ Москвѣ Историческаго музея, а послѣ переселенія его въ Москву

онъ сталъ главнымъ сотрудникомъ покойнаго графа А. С. Уварова, по смерти котораго въ 1883 г. занялъ постъ товарища председателя Императорскаго російскаго Историческаго музея. Въ этомъ званіи онъ много потрудился по собиранію и приобретенію древнихъ памятниковъ, по выработкѣ плановъ отдѣлки и украшенія различныхъ залъ, по размѣщенію и описанію археологическихъ коллекцій.

Уже въ 1892 г. 25-го апрѣля чествовалось 50-ти лѣтіе научной дѣятельности И. Е. Забѣлина, вызвавшее многочисленныя знаки уваженія къ маститому ученому со стороны русскаго ученаго міра. Покойный еще въ 1871 г. былъ удостоенъ университетомъ св. Владимира ученой степени доктора русской исторіи, въ 1879 г. былъ избранъ председателемъ Императорскаго Общества исторіи и древностей російскихъ, въ 1884 г.—почетнымъ членомъ московскаго университета, въ томъ же году—членомъ-корреспондентомъ, а позже—почетнымъ членомъ Императорской академіи наукъ и почетнымъ членомъ петербургскаго университета. Но важнѣе, чѣмъ все эти, и многіе другіе еще знаки общественнаго вниманія, было то высокое положеніе, которое занималъ маститый ученый въ средѣ русскихъ историковъ, являясь ихъ старѣйшимъ представителемъ и пользуясь извѣстностью лучшаго звѣзды нѣкоторыхъ важныхъ отдѣловъ русскихъ древностей. Это знаніе далеко не было использовано имъ въ его печатныхъ трудахъ, многое осталось въ рукописныхъ замѣткахъ и наброскахъ, а многое, хранившееся въ его памяти, исчезнетъ безслѣдно. Человѣкъ 40-хъ годовъ по своему научному образованію, современникъ Грановскаго по первымъ шагамъ своей ученой дѣятельности, бывшій въ общеніи въ теченіе семидесяти лѣтъ со множествомъ выдающихся нашихъ дѣятелей, покойный былъ однимъ изъ послѣднихъ могиканъ, представителемъ старыхъ поколѣній русскихъ ученыхъ, числившихъ въ своихъ рядахъ Буслаева, Шыпина, Тихонравова, Антоповича, гр. Уварова, Кавелина, Ровинскаго и многихъ другихъ, внесшихъ крупную лепту въ дѣло русскаго историческаго самосознанія и оставившихъ по себѣ вѣчную память въ лѣтописяхъ русской науки и просвѣщенія. Прочнымъ памятникомъ Ивану Егоровичу останется и російскій Историческій музей, столь много обязанный его трудамъ и занявшій при немъ такое видное мѣсто въ ряду собраній русскихъ

древностей. Неизгладимой останется память о немъ и въ средѣ его почитателей, его сослуживцевъ и всѣхъ ближе его знавшихъ привыкшихъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ его авторитету и всегда встрѣчавшихъ съ его стороны неизмѣнную привѣтливость. Покойный могъ бы съ полнымъ правомъ сказать о себѣ, что онъ потрудился достаточно въ теченіе своей долгой жизни, *feci quod potui, faciant meliora potentes*, и что онъ оставляетъ этотъ мѣръ съ сознаниемъ добросовѣстно и хорошо исполненнаго долга въ имъ излюбленномъ и ему порученномъ дѣлѣ отысканія, сохраненія и изясненія памятниковъ исторической и до- исторической старины нашего отечества.

Вѣчная память такъ долго и много потрудившемуся на скупной еще нивѣ нашего просвѣщенія!

Д. Анучинъ *).

† **Николай Федоровичъ Петровскій.** 19 ноября 1908 года въ Ташкентѣ неожиданно скончался на 71 году своей жизни бывший генеральный консулъ въ Кашгарѣ, Николай Федоровичъ Петровскій, научныя заслуги котораго въ дѣлѣ изученія Восточнаго Туркестана, особенно Кашгара, такъ велики, что единогласно признавались всѣми, кому дорого и близко прошлое и современное этихъ странъ.

Покойный происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1837 году; по окончаніи курса 2-го Московскаго Кадетскаго корпуса онъ поступилъ въ военную службу поручикомъ, но, не прослужа и трехъ лѣтъ, вышелъ въ отставку, штабсъ-капитаномъ (въ 1861 г.). Это обстоятельство стояло въ связи съ обвиненіемъ покойнаго, въ числѣ другихъ лицъ, въ противопозаконныхъ сношеніяхъ съ лондонскими политическими изгнанниками, при чемъ, рѣшеніемъ по сему дѣлу Сената, было опредѣлено отставнаго штабсъ-капитана Петровскаго „за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсева подъ именемъ турецко-подданнаго Яли, съ знаменіемъ о преступныхъ его замыслахъ, признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ, но, принималъ во вниманіе раскаяніе

*) „Русс. Вѣд.“, 1909, № 1.

его, ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ объ отмѣнѣ сего наказанія и вмѣненіи въ таковое содержаніе его въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла“. Будучи потомъ амнистированъ, Н. Ф. поступилъ въ 1870 г. на службу въ Министерство Финансовъ съ командированіемъ его въ томъ же году въ Туркестанское Генераль-Губернаторство въ качествѣ торговаго агента отъ Министерства. Исполняя затѣмъ разнообразныя служебныя порученія въ Средней Азій, Закавказьѣ, Сибири и Европейской Россіи, покойный въ 1882 году перешелъ изъ Министерства Финансовъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ назначеніемъ Консуломъ въ Кашгаръ. Въ этой должности онъ непрерывно и оставался въ теченіе почти 22 лѣтъ до дня своей отставки (до 1904 года), несмотря на лестныя предложенія занять болѣе высокіе служебные посты.

Благодаря своему трудолюбію, своимъ выдающимся способностямъ и глубокому серьезному уму покойный Н. Ф. стяжалъ себѣ славу первокласснаго знатока Восточнаго Туркестана. Прекрасное знаніе французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и турецкаго языковъ въ связи съ превосходной, бывшей у него, библіотекой помогало ему совершенно свободно разбираться въ обширной литературѣ объ этой странѣ и Средней Азій въ частности.

„Шесть лѣтъ тому назадъ, писалъ въ 1895 году покойный ориенталистъ баронъ В. Р. Розенъ ¹⁾, М. П. Минаевъ заканчивалъ свое обозрѣніе четвертаго путешествія Пржевальскаго слѣдующими словами: „вся страна отъ Лобъ-нора до Хотана ждетъ спеціальныхъ разысканій въ историко-археологическомъ отношеніи. Станемъ надѣяться, что починъ въ этомъ дѣлѣ выпадетъ на долю русскихъ путешественниковъ и ориенталистовъ“ ²⁾.

Надежды эти оправдались: русскому изслѣдователю Н. Ф. Петровскому принадлежитъ честь открытія цѣлаго ряда любопытнѣйшихъ памятниковъ древнихъ культуръ въ Кашгарѣ. Памятники эти описываются различными специалистами и описанія ихъ печатаются на страницахъ „Записокъ Восточнаго Отдѣленія“ и въ другихъ изданіяхъ.

¹⁾ Въ предисловіи къ „Замѣткамъ о древностихъ Кашгара“ Н. Ф. Петровскаго, помѣщеннымъ въ IX т. Запис. Русскаго Археологическаго Общества.

²⁾ Забытый путь въ Китай Ж. М. Н. П. ССLXIV, 189.

Н. Ф. живо интересовался археологіей, географіей, этнографіей и астрономіей Восточнаго Туркестана и Средней Азіи вообще и былъ всегда желаннымъ сотрудникомъ „Записокъ Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества“. Его перу принадлежатъ на страницахъ ихъ множество разнообразныхъ статей и замѣтокъ, касающихся археологій, нумизматики, исторіи и географіи Восточнаго Туркестана. Прекрасный фотографъ, Н. Ф. многія изъ нихъ снабжалъ отличными снимками. Не мало онъ удѣлялъ вниманія своимъ работамъ по тѣмъ или инымъ научнымъ вопросамъ и „Туркестанскимъ Вѣдомостямъ“, а въ болѣе ранніе годы писалъ о Средней Азіи и Восточномъ Туркестанѣ въ „Вѣстникъ Европы“, „Русскомъ Вѣстникъ“ и др. поврежденныхъ изданійхъ ¹⁾.

Многочисленные русскіе и иностранные путешественники въ Кашгаръ всегда находили въ лицѣ покойнаго авторитетнаго совѣтника и руководителя почти по всемъ мѣстнымъ вопросамъ. И Свенъ-Гединъ, и Баронъ Де-Бай, и Скайлеръ, и многіе другіе всегда отмѣчали выдающіеся научные совѣты и указанія покойнаго. А шумѣвшая въ свое время книга Скайлера (по цензурнымъ условіямъ не переведенная по-русски) ²⁾ почти всецѣло обязана своимъ возникновеніемъ Н. Ф. Петровскому. Покойный профессоръ песторикъ-оріенталистъ В. В. Григорьевъ, вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ этой книги, замѣтилъ при встрѣчѣ Н. Ф., что онъ недавно прочиталъ его книгу подъ псевдонимомъ Скайлеръ.

Его отдѣльный трудъ „Древніе арабскіе дорожники по Средне-

---

¹⁾ Укажемъ на нѣкоторыя изъ его многочисленныхъ работъ: „Башня Бурана близъ Токмака“. „Еще замѣтка къ статьѣ В. Бартольда „О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ домонгольскій періодъ“, „Разъясненіе къ двумъ мѣстамъ второй пѣсни о Худояръ-Ханѣ“, „Загадочныя ярендскія монеты“, „Буддійскій памятникъ близъ Кашгара“, „Замѣтка о древностяхъ Кашгара“, („Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Археолог. Общ.“, томъ VII, VIII и IX), „Учепоторговая экспедиція въ Китай въ 1874—1875 годахъ“ (отдѣльная статья въ книгѣ д—ра Пасецкаго „Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг.“, содержащая жестокую критику извѣстнаго въ свое время отчета подполковника Сосновскаго о поѣздкѣ въ Китай“), „Мои поѣздки въ Бухару“, „Древніе арабскіе дорожники по средне-азиатскимъ мѣстностямъ“ и мног. друг.

²⁾ „Turkestan, Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja, by E. Skyler. 3 vol. London, 1876“.

Азіатскимъ мѣстностямъ“, вышедшій въ 1894 году, до сего времени сохранилъ извѣстное значеніе.

За свои выдающіеся научные труды и просвѣщенное содѣйствіе разнымъ ученымъ экспедиціямъ въ Восточный Туркестанъ покойный былъ избранъ почетнымъ членомъ: Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Императорскаго Географическаго Общества и Туркестанскаго Клуба Любителей Археологій; состоялъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ и проч.

Въ послѣдніе годы, живя въ отставкѣ, покойный былъ занятъ переводомъ съ кашгарскаго нарѣчія турецкаго языка весьма любопытной исторіи событій позднѣйшаго времени въ Кашгарѣ (Якубъ-Бекъ, его смерть и занятіе Кашгара китайцами), а также составленіемъ большого словаря кашгарско-турецкаго нарѣчія, но смерть помѣшала ему докончить эти труды.

A. Се—овъ.

† **O. T. Mason**, извѣстный американскій этнологъ, скончался 5 ноября (н. с.) 1908 г. Мазонъ родился 10 апрѣля 1838 г. Съ 1872 г. онъ принималъ участіе въ работахъ Смитсоновскаго института, приводилъ въ порядокъ его этнографическія коллекціи. Позднѣе онъ посвятилъ все свои силы Национальному музею. Свои многочисленные этнографическіе труды онъ помѣшалъ въ изданіяхъ „Smithsonian Institution“ и въ „American Naturalist“.

„Globus“.

† **Dr. E. T. Hamy**, извѣстный антропологъ, скончался 18 ноября (н. с.) 1908 г. Его заслуги передъ этнографіей также очень крупны. Въ 1880 г. онъ основалъ въ Парижѣ Musée du Trocadéro, ученымъ хранителемъ котораго онъ былъ до 1892 г. Онъ былъ президентомъ Парижскаго Географическаго Общества и Société des Américanistes, принималъ также большое участіе въ дѣятельности Société d'Anthropologie.

„Globus“.

† **A. J. Jepson**, участникъ экспедиціи Стэнли 1887—89 г., скончался 22-го октября (н. с.) 1908 г. Перу его принадлежатъ слѣ-

дующія книги: *Emin Pascha a. the Rebellion at the Equator. I. 1900.—Stories told in an African Forest by grown up Children. I. 1902.*

„Globus“.

† **Dr. E. Stephan**, сопровождавший Dr. Schlaginhausen'a въ его поѣздкахъ по Н. Мекленбургу, скончался 25 мая (н. с.) 1908 г. Stephan издалъ трудъ: *Südsee Kunst* (въ которомъ онъ старался прослѣдить законы примитивнаго искусства) и въ сотрудничествѣ съ Graebner—омъ этнографическое сочиненіе: *Neu Mcklenburg. B. 1907.*

† **Мустафа Камиль-паша.** (1874—1908). Это былъ вожь національной египетской партіи, поставившей себя цѣлью освобожденіе страны отъ иностраннаго (англійскаго) хозяйничанья. Воспитаникъ французской школы, Камиль-паша являлся сторонникомъ французской культуры, такъ какъ понималъ, что въ антагонизмъ между Англійей и Франціей лежитъ единственный залогъ возможнаго возрожденія страны. Публицистическая его дѣятельность выражалась въ созданіи (въ 1900 году) газеты: „Иива“, получившей большой вѣсъ среди мусульманъ, отъ Марокко до Персін, и не мало содѣйствовавшей ознакомленію съ турецкимъ народомъ; въ 1907 году онъ основалъ двѣ европейскія газеты. Его перу принадлежитъ также сборникъ политическихъ рѣчей подъ заглавіемъ: „Egyptiens et Anglais“ („Larousse mensuel.“)—д.—

Архангельское Общество Изученія Русскаго Сѣвера, организовавшееся въ декабрѣ минувшаго года, задалось цѣлью изучать сѣверныя окраины Россіи въ историческомъ, географическомъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Обществомъ, между прочимъ, собираются матеріалы для составленія полнаго библиографическаго указателя русской и иностранной литературы о Сѣверѣ. Общество обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ этой задачѣ, сообщить необходимые матеріалы и указанія.

Нельзя не пожелать, чтобы Общество для составляемаго ука-

зателя выработало удобную программу разныхъ научныхъ отдѣловъ и тѣмъ облегчило бы пользованіе имъ.

Литовское ученое общество, учрежденное 15 февраля 1907 г. въ г. Вильнѣ, получило утвержденіе своего устава.

Общество имѣетъ цѣлью изслѣдованіе литовскаго народа и населяемой имъ территоріи. Въ задачѣ его дѣятельности входятъ: антропология и этнографія Литвы, археология и исторія Литвы, географія и статистика Литовскаго края, геология, флора, фауна и другія отрасли естественныхъ наукъ. Литовское Ученое Общество собираетъ: литовскія народныя пѣсни и ихъ мотивы, сказки, поговорки, изреченія и т. п.; географическія названія населенныхъ мѣстъ, а также народныя имена, прозвища, фамиліи и проч.; старинныя и настоящаго времени типы, одежды и костюмы, различные предметы кустарнаго и домашняго производства, всякаго рода ископаемые предметы, находимые въ курганахъ, могилахъ и т. п.; разнаго рода манускрипты, акты, книги, касающіеся Литвы; всякаго рода коллекція по геологій, ботаникѣ, зоологій и другимъ отраслямъ естественныхъ наукъ.

Ученое Общество задалось также цѣлью издавать свой журналъ, въ которомъ должны помѣщаться его труды, издавать всякаго рода другіе научныя труды, назначать, по мѣрѣ возможности, преміи за исполненныя для него научныя работы, организовать чтеніе научныхъ рефератовъ и сообщенія, содержать въ г. Вильнѣ музей и бібліотеку.

Отчетный годъ Общества считается ежегодно съ 1-го іюля.

Ученое Общество въ Смоленскѣ, недавно организовавшееся, уже начало функціонировать. Общество имѣетъ цѣлью всестороннее изученіе края, въ томъ числѣ и этнографическое. Въ настоящее время оно занято организаціей мѣстныхъ силъ и ознакомленіемъ съ постановкой тѣхъ или другихъ вопросовъ науки при помощи столичныхъ ученыхъ.

Изъ хроники финляндскихъ ученыхъ обществъ. Финское литературное Общество предполагаетъ, совмѣстно съ Финно-угорскимъ обществомъ, издать этнографическій альбомъ по случаю ис-

полняющагося въ 1913 году столѣтія со дня рожденія М. А. Кастрёна.

М-ръ А. Коскениакко написалъ (на финскомъ языкѣ) изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: „Собака въ финскихъ пословицахъ“.

Въ только что вышедшемъ LXXXVIII-мъ томѣ изданій „Шведскаго литературнаго Общества“ помѣщена записка ректора Э. Лагуса, въ которой онъ подводитъ итоги почти четвертьвѣковой работы Общества по собиранію шведскаго фольклора въ Финляндіи.

Сначала матеріалъ постушалъ въ Общество вяло, и только съ 1887 года, когда при участіи проф. Фреуденталя была выработана этнографическая программа, притокъ матеріаловъ усилился. Выбѣсть съ тѣмъ, Общество, называя весною стипендіи *) для этнографическихъ экскурсій, могло уже предъявлять болѣе строгія требованія. До 1896 года матеріалъ, скопившійся въ Архивѣ Общества, состоялъ, главнымъ образомъ, изъ произведеній народнаго творчества, какъ-то: пѣсенъ, сказокъ и т. д.; въ 1896 году пересмотрѣвъ весь матеріалъ, коммиссія по фольклору приняла къ заключенію о необходимости болѣе систематическаго собиранія матеріаловъ, и съ этого времени стипендіаты Общества получаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣленную инструкцію. Большое вниманіе удѣляется теперь собиранію названій мѣстечекъ, озеръ, урочищъ и т. д. Наконецъ, въ самое послѣднее время, въ 1907 году выдвинута была новая задача,—изученіе рыбнаго промысла въ Финляндіи.

Интересъ Общества къ фольклору выразился въ матеріальной поддержкѣ, которую Общество неоднократно оказывало этнографическимъ изданіямъ, какъ-то: изданію Нюландскаго студенческаго землячества: „Nyland“, обществу: „Svenska landsmålsföreningen“ и т. д.; въ серіи изданій Общества были напечатаны также лингвистическія изслѣдованія Фреуденталя и Венделя. А для ознакомленія европейской публики съ состояніемъ шведскаго фольклора была издана, ко дню открытія въ Лондонѣ конгресса фольклористовъ въ 1891 году, брошюра: „Du folklore suédois en Finlande“.

*) Кстати замѣтимъ, что стипендіатъ полностью получаетъ стипендію, только послѣ того какъ собраный имъ матеріалъ будетъ одобренъ Обществомъ.

Въ общемъ, число отправленныхъ стипендіатовъ равняется 65; расходы Общества на этнографическія цѣли выразились въ суммѣ 20 тысячъ марокъ (около 8 тыс. рублей).

Теперь Э. Лагусъ проектируетъ соединить въ Архивѣ Общества этнографическій матеріалъ, хранящійся въ Вазаскомъ лицѣ и въ другихъ мѣстахъ, для изданія монументальнаго сборника, подъ заглавіемъ: „Finlands svenska folksdiktning“ (Шведское народное творчество въ Финляндіи). Этотъ матеріалъ можетъ имѣть большое значеніе для опредѣленія степени вліянія, оказаннаго шведами на финскую поэзію. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время уже внѣ сомнѣній, что финскія заклипательныя руны складывались подъ воздѣйствіемъ шведскаго народнаго творчества. Финляндскіе шведы служили мостомъ между западомъ и востокомъ. Они обогащали финскую поэзію и вносили, быть можетъ, свою лепту въ народное творчество Германіи и Даніи.

Въ „Финскомъ литературномъ обществѣ“ поставленъ на очередь вопросъ о сравненіи редакцій Калевалы (нынѣшней и первоначальной), каковая работа поручена маг. фил. Каннпето.

По приглашенію Финно-угорскаго общества, д-ръ А. фонъ-Лекокъ (A. von-Lescoq) сдѣлалъ въ Гельсингфорсскомъ университетѣ докладъ о результатахъ совершенной имъ (на средства императора Вильгельма) въ Китайской Туркестанъ археологической экспедиціи. Докладчикъ демонстрировалъ передъ аудиторіей фотографіи съ вывезенныхъ имъ предметовъ, какъ-то: обломки стѣнъ, живопись, статуи, домашняя утварь, ткани, рукописи и т. д. Всѣ эти предметы представляютъ крупное значеніе для изученія древней азіатской культуры. Сверхъ того, были показаны діапозитивы трактатовъ Китайскаго Туркестана, который до сихъ поръ все еще остается мало-ислѣдованнымъ.

Прежде всего, докладчикъ далъ историческій обзоръ судебъ народовъ, обитавшихъ въ указанныхъ мѣстахъ въ періодъ сравнительнаго расцвѣта культуры, т. е. въ началѣ среднихъ вѣковъ. Эта культура, съ одной стороны, отражаетъ на себѣ вліяніе древнегреческой культуры, а съ другой стороны, въ значительной степени оказала сильный толчекъ на развитіе японской культуры. Предметы, вывезенные Лекокомъ, сохранили свѣжесть красокъ, какъ если-бы они были изготовлены въ наше время. Это объясняется тѣмъ, что „мертвые города“ Азіи въ теченіе столѣтій были скрыты подъ пескомъ пустынь.

Съ вѣшней стороны экспедиціи пришлось работать въ тяжелыхъ условіяхъ. Жара была настолько невыносима, что все передвиженія совершались ночью. Даже утромъ термометръ показывалъ 33° въ тѣни. Въ апрѣлѣ, маѣ и юнѣ мѣсяцахъ тамъ бываютъ ураганы, поднимающіе горы песку и пыли. Путники на пути встрѣтили большую предупредительность со стороны двухъ „степныхъ королей“, снабдившихъ ихъ водой, фруктами и прочими припасами. Насколько можно судить по фотографіямъ, народный типъ довольно красивъ и напоминаетъ собой въ извѣстныхъ отношеніяхъ индо-европейскій типъ. Но въ характерѣ доминируютъ азіатскія черты: жестокость, а такъ-же плутовство.

Въ заключеніе д-ръ Леккокъ заявилъ, что вторая, снаряженная нѣмцами, экспедиція, которая уже находится въ Китайскомъ Туркестанѣ, дастъ еще болѣе богатые результаты по вопросу о начальной исторіи Азіи.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій „Эстонскаго литературнаго общества“ пасторъ Рейманъ прочелъ докладъ о названіяхъ города Ревеля. Это имя было извѣстно въ Исландіи уже въ X-мъ вѣкѣ въ формѣ: „Ravala“, что значитъ болото. Финны также называли его болотомъ. Что касается самихъ эстовъ, то эстонское его названіе: „Tallinn“ болѣе новаго происхожденія. Русское названіе города: Колывань заимствовано у эстовъ отъ слова: „Kalew“.

Вл. Г.

Въ камчатской экспедиціи, снаряженной на средства Э. П. Рыбушнскаго и работающей по разнымъ научнымъ специальностямъ, антропология, этнография и археология находится въ вѣдѣніи извѣстнаго знатока сѣверо-востока Сибири В. И. Гохельсона. На всю экспедицію, рассчитанную на два года (съ весны 1908 г.) ассигновано 200.000 руб., да еще на изданіе трудовъ экспедиціи, сверхъ того, 100.000 руб.

Вопросъ о происхожденіи французскихъ эпическихъ пѣсней (Chansons de geste) изучался главой современныхъ романистовъ, Гастономъ Парисомъ, который высказала теорію, что въ нихъ основныя сохраниются отголоски историческихъ событій VIII—X вѣковъ (борьба креста съ исламомъ, борьба между феодалами и королев-
Этнограф. Обзор. Кн. LXXIX.

ской властью и т. д.). Теперь ученикъ Г. Париса, Ж. Бедье (J. Bédier) выпустилъ изслѣдованіе, въ которомъ онъ выдвигаетъ новую теорію ¹⁾. (*Recherches sur la formation des chansons de geste. I. Le Cycle de Guillaume d'Orange. Paris. 1908 г.*). Историческія имена, встрѣчающіяся въ пѣняхъ, не что иное, какъ имена основателей или покровителей аббатства, для которыхъ важно было сохранить ихъ память, чтобы возвысить въ народѣ значеніе своего монастыря и тѣмъ усилить притокъ владовъ. Обыкновенно аббатства находились на дорогѣ, ведшей къ ярмаркѣ или гробницѣ святого. Для увеселенія купцовъ и паломниковъ, толпившихся въ монастыряхъ, жонглеры сочиняли пѣсни о житіи и подвигахъ основателей аббатствъ. Такъ какъ это совпадало съ желаніями монаховъ, они предоставляли въ распоряженіе жонглеровъ матеріалъ изъ монастырскихъ хроникъ, а затѣмъ вносили туда-же завѣдомо выдуманную исторію. Такъ, по крайней мѣрѣ, созданъ циклъ пѣсенъ о Вильгельмѣ Оранскомъ, о Жерардѣ Руссельонскомъ и о Раулѣ изъ Камбре (*Larousse mensuel*).

Искусство въ первобытной культурѣ. На годичномъ засѣданіи *Académie des Inscriptions et belles lettres* Э. Пуатье (E. Poittier) старался опровергнуть ходячее мнѣніе объ искусствѣ, какъ о своего рода мечтѣ, отвлекающей человѣка отъ ужасовъ жизни. Впрочемъ, взгляды Э. Пуатье во всей ихъ полнотѣ не могутъ ужь считаться оригинальными. Искусство, утверждалъ онъ, выросло не изъ потребности къ роскоши, но изъ утилитарныхъ соображеній. Какъ у доисторическаго человѣка, такъ и у современнаго дикаря оно является необходимымъ средствомъ для борьбы за жизнь. Изображенія животныхъ, выгравированныя на кости или нарисованныя на стѣнахъ пещеръ, заключаютъ въ себѣ магическій характеръ, и должны оберегать домашній скотъ, человѣка и гарантировать ему удачу на охотѣ. Точно также употребленіе одежды изъ яркихъ тканей объясняется не столько франтовствомъ, сколько социальнымъ ея значеніемъ (какъ кастовое отличіе или признакъ богатства). Въ основѣ музыки лежатъ ритмическіе выкрики первобытнаго человѣка во время работы, единичной или коллективной,—

¹⁾ Изслѣдованіе его составилось изъ лекцій, читанныхъ въ Collège de France.

выкрики, которыми онъ сопровождалъ удары молота и т. д. Утилитарность искусства еще замѣтна въ греческомъ и средневѣковомъ искусствѣ («*Larousse mensuel*»).

О рисункахъ на скалахъ въ Бразиліи. Большого вниманія заслуживаютъ труды новѣйшаго изслѣдователя бразильскихъ племенъ Th. Koch-Grünberg, о рисункахъ на скалахъ въ Бразиліи, напр. *Anfänge der Kunst im Urwald*. В. 1905.—*Südamerikanische Felszeichnungen*. Bl. 1907 8°. съ 27 таблицами и 1 картой. Какъ извѣстно, Кохъ, которому, между прочимъ, удалось самому присутствовать при исполненіи подобныхъ рисунковъ, отрипалъ за ними значеніе пиктографіи; по его мнѣнію, они возникаютъ подъ вліяніемъ минутнаго желанія запечатлѣть мелькнувшую мысль въ изображеніи, развлечь себя. Недоконченный однимъ лицомъ рисунокъ доканчивается, исправляется другими лицами гораздо позднѣе, при случаѣ. Кохъ утверждаетъ, что племена Южной Америки не развили пиктографіи. Ф. д. Штейнепъ указываетъ, однако, на приведенныя имъ въ своемъ трудѣ *Unter d. Naturvölkern Zentralbrasiliens*, примѣры, когда индѣйцамъ были нарисованы на прибрежномъ пескѣ рыбы съ опредѣленной цѣлью указать на удачный въ данной мѣстности уловъ—доказательство того, говоритъ онъ, что „даже тамъ, гдѣ не развилась пиктографіа, можно встрѣтиться съ ея элементами“. Последняя работа Коха снабжена библиографическими указаніями; въ немъ в. d. Steinen дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: *Tristão de Alencar Araripe, Cidades petrificadas e inscrições lapidares in Brazil, Revista Trimensal do Instituto Historico*. T. I, 1887, s. 213 съ 36 изображеніями.

„*Ztsch t. Ethnologie*“.

О бушменской живописи. Въ „*Ztsch f. Ethnologie*“ (1908 Н. V.) обращаетъ на себя вниманіе статья проф. F. v. Luschan, *Ueber Buschmannmalereien in den Drakensbergen* s. 665—685. Такъ какъ пользующимся такой извѣстностью бушменскимъ рисункамъ на камняхъ, на стѣнахъ пещеръ грозитъ скорое уничтоженіе благодаря выветриванью камня и другимъ естественнымъ причинамъ, благодаря легкомысленной порчѣ ихъ со стороны бѣлыхъ и туземцевъ, чрез-

вычайно удачнымъ слѣдуетъ признать желаніе сохранить ихъ для потомства въ хорошемъ воспроизведеніи. Къ статьѣ Лушана прилагаются рисунки и таблицы въ краскахъ.

Сборникъ сказокъ и преданій сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, новый и интересный, мы имѣемъ въ книгѣ W. Jones, Fox Texts Publications of the American Ethnological Society. Leyden, 1907. Племя Fox принадлежитъ къ альгонкинамъ, поэтому приведенные въ сборникѣ Джонса, имѣющіе крупный лингвистическій интересъ, рассказы напоминаютъ преданія оджибвеевъ, собранные Scholcraft-омъ и Hoffmann-омъ. Большой интересъ представляютъ молитвы на разные случаи жизни.

„Ztsch f. Ethnologie“.

Новое изслѣдованіе о сказкѣ. Въ „Globus“ (1909, № 1, VXCIV, s. 16) A. Wiedemann обращаетъ вниманіе изслѣдователей сказки на книгу A. Thimme, Das Märchen. Lpz. 1909. Книга составляетъ второе изданіе Handübcher z. Volkskunde. Авторъ предпосылаетъ своему труду очеркъ развитія изученія сказочнаго матеріала и подвергаетъ критическому разбору теорію о происхожденіи и миграціи сказочныхъ мотивовъ. Далѣе Тимме стремится опредѣлить мнѳологическія черты и мнѳологическіе образы въ сказкахъ, также этнологическіе факты, сны и т. п., легшіе въ основу сказочныхъ мотивовъ. Отдѣльные мотивы, напр., о спящей царевнѣ, разобраны подробно.

О народномъ творествѣ тшиміановъ. Въ „Ztsch f. Ethnologie“ (1908. Н. V. s. 776—797) помѣщена замѣтка Boas-a, Eine Sonnensage der Tschimian, сопровождающая текстъ преданія, записаннаго индѣйцемъ, и нѣмецкій переводъ. Преданіе интересно, какъ образецъ народнаго творчества тшиміановъ, по компетентному мнѣнію Боаса, отличающагося нѣкоторыми чертами отъ творчества другихъ племенъ сѣверо-западнаго побережья Сѣверной Америки. Мнѳы о началѣ вещей не сосредотачиваются вокругъ фигуры ворона; большая роль отводится въ нихъ и дикобразу. Въ приведенномъ сказаніи также выступаетъ дикобразъ, который устанавливаетъ

длину мѣсяца въ тридцать дней. Преданіе относится къ тому времени, когда „въ началѣ внезапно все начало быть, прежде чѣмъ онъ все создалъ, когда нигдѣ ничего не жило на землѣ. Тогда жилъ только вождь неба. И не было свѣта; только тьма повсюду. И двухъ сыновей имѣлъ вождь, и одну дочь. Но былъ большой звѣриный народъ, и его звали родомъ вождя“. Одинъ изъ сыновей (младшій и болѣе мудрый) дѣлается солнцемъ. Онъ надѣлъ маску изъ кедроваго дерева, и маска эта горѣла на его лицѣ. Стало свѣтло, и всѣ (звѣриное населеніе) радовались. Чтобы маска не сгорала слишкомъ быстро, сынъ вождя бѣжалъ къ небу съ востока на западъ, и народъ сказалъ споему вождю: „Мы чрезвычайно рады, что твой сынъ принесъ намъ свѣтъ; но, право, онъ бѣжитъ слишкомъ быстро по небу. Было бы хорошо, если бы онъ бѣжалъ медленнѣе“. Замедлить бѣгъ брата по небу беретъ на себя сестра. Старшій сынъ вождя дѣлается мѣсяцемъ. Дочь вождя неба добыла туманъ. Она пошла по землѣ и опустила платье въ море. Потомъ пришла домой, воду съ платья стряхнула въ огонь. И сдѣлался туманъ и вышелъ изъ дома вождя. И всѣ почувствовали прохладу, потому что было очень жарко. Ночью солнце спитъ—изо рта его выходятъ искры: это звѣзды. Мѣсяцъ заимствуетъ свой свѣтъ отъ лица солнца, когда тотъ спитъ ночью, и свѣтъ отъ его лица выходитъ черезъ дымовое отверстіе.

Къ изученію доисторическаго жилища. Къ вопросу о возникновеніи тѣхъ или другихъ формъ жилья, объяснить которое стараются обыкновенно сравненіемъ съ еще существующими постройками—относится несомнѣнно и изученіе жилья доисторическаго. Въ этомъ отношеніи интересъ представляетъ статья Dr. A. Schlitz'a, помѣщенная имъ въ *Württembergische Vierteljahrsschrift für Landesgeschichte*. N. F. V. XVII. 1908, въ которой онъ устанавливаетъ основныя черты хижинъ бронзоваго вѣка. Онѣ были круглой формы, $2\frac{1}{2}$ м. въ поперечникѣ и, очевидно, служили только для спанья. Жилища Гальштаттскаго періода имѣли четырехугольное основаніе, нѣсколько жилыхъ помѣщеній подъ одной крышей и были устроены для зимняго и лѣтняго пребыванія въ нихъ.

Globus.

Еще объ игрѣ съ веревочной. Въ 1906 г. вышла книга г-жи Жауне, String-Figures, посвященная вопросу о распространеніи такъ наз. игры съ веревочкой (англійское назв. ея cat-cradle). Несмотря на то, что г-жей Жауне какъ будто былъ псчерпанъ предметъ, нѣкоторые этнографы сдѣлали добавленіе къ ея труду: напр. Cunnington изъ озерной области Африки, Parkinson изъ области юрубанъ изъ Юж. Африки. Г-жа Karoline Furness Жауне не могла указать существованіе этой игры въ Америкѣ южнѣе области суньи. Тѣмъ интереснѣе статья Roth, W. E. „Cratch-cradle“ in British-Guiana помѣщ. въ Revue des Etudes Ethnogr. et Sociologiques. 1908. Avril-Mai, которая устанавливаетъ существованіе этой игры у ароваковъ и варрау Британской Гвианы. Игра называется у туземцевъ Ashinakotahu у ароваковъ, что значитъ „связыванье“ и moi waka-waka у варрау, т.-е. веревочка на пальцахъ (finger-string). Въ настоящее время въ эту игру играютъ дѣти обоюпола; раньше же ею забавлялись и взрослые. Весьма интересны рисунки, приложенные къ статьѣ Roth-a.

„Globus“ „Revue des Etudes Ethn. et Soc.“

Узлы Индонезіи. Въ Festschrift d. XXXIX Allgemeinen Versammlung d. Deutschen Anthropolog. Gesellschaft in Frankfurt a. M. 1908 помѣщена небольшая работа J. Lehmann, Ueber Knoten aus Westindonesien mit Tafel VIII. Леманъ изучалъ форму узловъ на предметахъ съ о. Суматры, Бонка и др. имѣющихся въ музеяхъ Франціи. Узлы въ этой области Индонезіи бываютъ: симметрическіе, кажущіеся симметрическими, двойные, упрощенно-двойные, „ткацкіе“ узлы.

„Zentralblatt f. Anthrop., Ethn u. Urgeschichte“.

Германизация славянскихъ племенъ. Въ „Hansische Geschichtsblätter“ помѣщена работа Dr. H. Witte, Germanisation d. weiten Gebiete von der Saale u. Elbe bis zur Weichsel, въ которой ученый изслѣдователь очертилъ движеніе германскихъ племенъ на область славянскихъ народовъ и поглощеніе послѣднихъ первыми. Призывая къ „патріотическому“ дѣлу—изученію этого вопроса, Витте указываетъ, какъ для выясненія взаимоотношенія славянскихъ и

германскихъ племенъ слѣдуетъ пользоваться изученіемъ мѣстныхъ названій, именъ и фамильныхъ прозвищъ, правовыхъ воззрѣній, аграрныхъ отношеній, расположенія деревень и пр.

«Globus».

Къ изученію горныхъ племенъ Нов. Мекленбурга. Въ „Ztsch f. Ethnologie“ (1908. Н. V. в. 803—809) мы находимъ интересный предварительный отчетъ Dr O. Schlanginhausen о посѣщеніи имъ горныхъ племенъ butam въ южной части Н. Мекленбурга. Область племенъ бутамъ въ глубинѣ острова называется Lagét; и языкъ свой племя называетъ тѣмъ же именемъ. Поселенія бутамъ состоятъ изъ 3—5 хижинъ; между ними имѣется особая хижина для собраній мужчинъ (Männerhaus); хижины для варки пицци встрѣчались рѣдко. Жилища легко разбираются—перемѣна мѣстъ для земледѣльческой обработки требуетъ частыхъ передвиженій. Каменные орудія еще имѣются, хотя они и замѣнены уже европейскими издѣліями. Шлагинхаузену и его спутникамъ удалось присутствовать при длительной и интересной церемоніи принятія новыхъ членовъ въ религіозный союзъ *raram*. Къ союзу принадлежитъ большинство мужского населенія; женщины не присутствуютъ при совершеніи обрядовъ.

Къ изученію туземцевъ Н. Гвинеи. Въ „Mitt. aus. d. deutschen Schutzgebieten“ описывается новая экспедиція во внутреннія области Н. Гвинеи отъ зал. Гюонъ до зал. Астралабіи, совершенная гг. Frühlich и Damköhler въ декабрь 1907—января 1908 г. Экспедиція открыла нѣкоторыя новыя географическія данныя относительно этой еще не посѣщенной европейцами части острова и познакомилась, къ сожалѣнію, бѣгло съ населеніемъ, относившимся большею частью, недружелюбно къ пришельцамъ. Хижины туземцевъ круглыя, въ 3 м. поперечника съ остроковечными, травой покрытыми крышамъ. Оружія—длинные колья и щиты, покрывающіе почти цѣликомъ владѣльца. Туземцы красятъ волосы частью въ черный, частью въ красный цвѣтъ. Бороду бреютъ. Женщины носятъ юбки изъ травы, при чемъ длина ихъ увеличивается съ возрастомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ держатъ ручныхъ какаду; свиней, повидимому, туземцы не разводятъ.

„Globus“.

Къ изученію народовъ „Мандинго“. Въ „Ztsch f. Ethnologie“ (1908. Н V, с. 799—803) помѣщено извлеченіе изъ письма извѣстнаго африканиста Л. Фробениуса, полное интереса для этнографовъ. Фробениусъ прошелъ съ восточной части области р. Сенегала до южныхъ предѣловъ истоковъ Нигера, находясь все время въ области распространенія народовъ, называемыхъ обычно мандинго. Онъ указываетъ прежде всего на ошибочность этого термина. **Mandingo** обозначаетъ „люди сыновей Манату“; это названіе принадлежало одной народности, жившей въ отдаленныя времена далеко на сѣверѣ. Цѣлью экспедиціи Фробениуса являлось прослѣдить различныя культурныя типы, своеобразныя формы, въ которыхъ выливалась культура какъ духовная, такъ и матеріальная этой области, связать ихъ съ историческими культурными движеніями и „установить этимъ путемъ соотношенія между исторіей и народовѣдѣніемъ“. Результаты трудовъ Фробениуса чрезвычайно богаты. Онъ встрѣтилъ въ южной части посѣщенной имъ области пѣвцовъ—знатоковъ исторіи своей страны (*Barden u. Historiker*). Самое цѣнное въ этихъ историческихъ свѣдѣніяхъ то, что ихъ можно связать съ данными изъ арабскихъ источниковъ. Фробениусъ собралъ подобныя историческія свидѣтельства о государствѣ *Mali*, основавшемся приблизительно около 1230—40 г.г., о государствахъ *Wagadu* и *Bammana*. Въ области религіозныхъ вѣрованій наибольшій интересъ представляютъ точныя свѣдѣнія о тайныхъ союзахъ, и обрядахъ, связанныхъ съ обрѣзаніемъ, которыя стали доступны Фробениусу потому, что онъ былъ принятъ въ члены одного такого союза. Онъ прослѣдилъ различныя типы этихъ союзовъ, переходныя формы и т. п., при чемъ оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ тѣсное отношеніе къ обряду обрѣзанія, другіе имѣютъ болѣе социальный характеръ, влияя преимущественно на созданіе прочнаго государственнаго строя. Фробениусъ обратилъ серьезное вниманіе на социальную дифференціацию посѣщенныхъ имъ народовъ, при чемъ ему удалось исправить нѣкоторыя ошибки прежнихъ изслѣдователей. „*Diamu*“ обозначаютъ не „семью“, не „племя“ или „народъ“; наоборотъ *ba* значитъ „семья“. То, что нѣкоторыми изслѣдователями принималось за слѣды тотемизма—только пищевое табу; явленія, характерныя для материнскаго рода, встрѣчены были на патріархальной основѣ и т. д. Записанъ Фробениусомъ и богатѣйшій матеріалъ по

народному творчеству; на немъ отразилось вліяніе мауровъ, арабовъ, берберовъ и т. д. Мѣсто хитрой лисы, какъ и въ Суданѣ, занимаетъ кроликъ, *Sonsanni*. Интересны деревянные рѣзные маски, встрѣчаемыя у нѣкоторыхъ не мусульманскихъ племенъ, и которыя иногда являютъ сходство съ рѣзными произведениями Н. Мекленбурга, иногда же близки къ чисто африканскимъ „реалистичнымъ“ изображеніямъ. Интересъ представляетъ и архитектура, и формы барабановъ, которые считаются святынею отдѣльныхъ городовъ и областей.

Къ изученію американскихъ метисовъ. Въ *American Anthropologist* 1908. р. 491 помѣщена статья F. G. Speeck о метисахъ, произошедшихъ отъ смѣшенія негровъ съ индѣйцами криками. Интересны культурныя взаимодействія двухъ расъ. Негры восприняли во многомъ культуру индѣйцевъ, до того, что еще доселѣ въ Виргиніи, напримѣръ, они говорятъ лучше на языкѣ криковъ, нежели по-англійски; нѣкоторые религиозные обряды индѣйцевъ также заимствованы ими. Съ другой стороны, индѣйцы восприняли отъ негровъ нѣкоторыя мнѣшескія представленія, чуждыя кругу представленій американскихъ народовъ.

„*Globus*“.

Къ изученію Камеруна. Dr. Hassert и Thorbecke совершили тринадцати-мѣсячное путешествіе по сѣверо-западной части Камеруна. Цѣлью экспедиціи было географическое изученіе пройденной области. Участники экспедиціи собирали также этнографическія, зоологическія и ботаническія коллекціи.

„*Globus*“.

Въ пустынѣ Малахари работаетъ начатая въ концѣ 1907 г. экспедиція Dr. Rudolf Pösch'a. Пѣхомъ собранъ уже богатый антропологическій, этнографическій и лингвистическій матеріалъ среди туземцевъ пустыни Калахари. Цѣлью г. Пѣха является опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ эти послѣдніе стоятъ къ бушменамъ. Наряду съ признаками бушменской „расы“ Пѣхъ находитъ много другихъ, указывающихъ на близости къ готтентотамъ и народамъ банту. Пѣхъ остается на югѣ Африкѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ.

„*Globus*“.

Поправки къ статьѣ: „Изъ наблюдений надъ турецкой пѣснью“
В. А. Гордлевскаго, помѣщенной въ этой книгѣ:

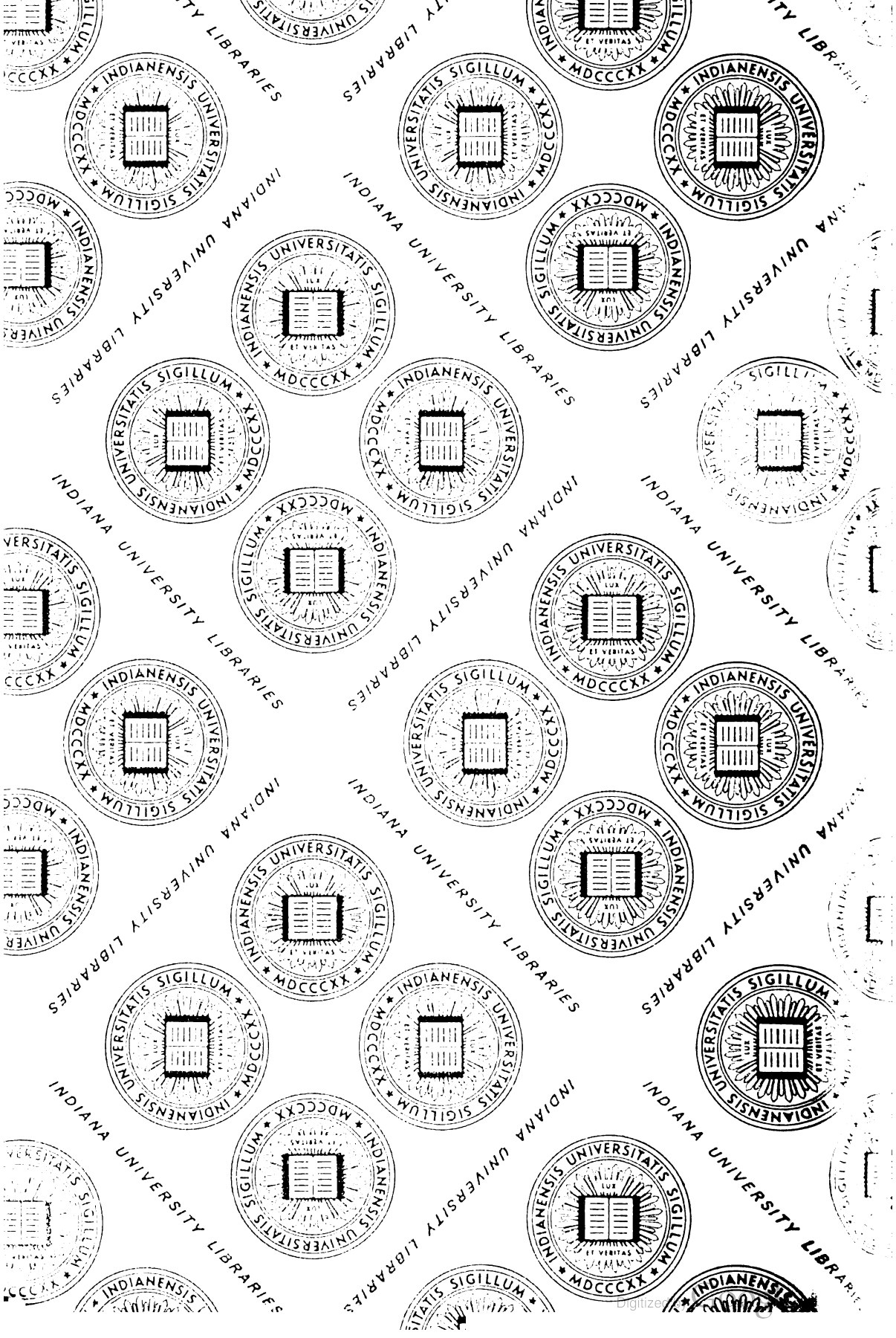
Стран.	Строчка	Напечатано:	Читай:
61	5—6	„тюрьмѣ“	„тюрьмѣ“
67	1	1-ое единств. число	1-ое л. единств. числа
69	6	свой-же бей	свой бей
75	2	„жаулыгым“	„жаулыгым“
—	4	„аулар“	„аулар“
—	25	<i>Гызыл Ырмақ</i>	<i>Гызыл Ырмақ</i>
76	16	„бажырма“	„ба ырма“
78	9	большую	большую
85	11	№ 21	№ 27
—	12	„копрүсун“	„копрүсүн“
88	22	„јүтже дѣ“	„јүдже дѣ“
89	8	случаѣ	случаевѣ
92	въ примѣчаніи	<i>Адба-кале</i>	<i>Ада-кале</i>
96	14	„гуну“	„гуну“
—	17	Точка должна быть послѣ слова: „длинень“.	
97	30	„усту“	усту
98	18	послѣдніе	послѣднія
99	25	подраженіе	подражаніе
—	28	порчено	испорчено
100	32	„гетур“	„гетур“
105	12—13	переходъ съ 1-го лица на 3-ій	переходъ съ 1-го лица на 3-ье
109	27	выбросить слово: „которая“	
110	10	ѳраза	ѳорма
111	7	тяжелыя	тяжелые
—	8	налагаемыя	налагаемые
—	18	„жакарым“	„жакарым“
113	17	непомятная	непонятная
125	35	юрюки, какъ румельскіе турки	юрюки, какъ и румельскіе турки.
126	2	„ѳіусуну“	„ѳіусуну“
—	20	„бостак“	„бостан“

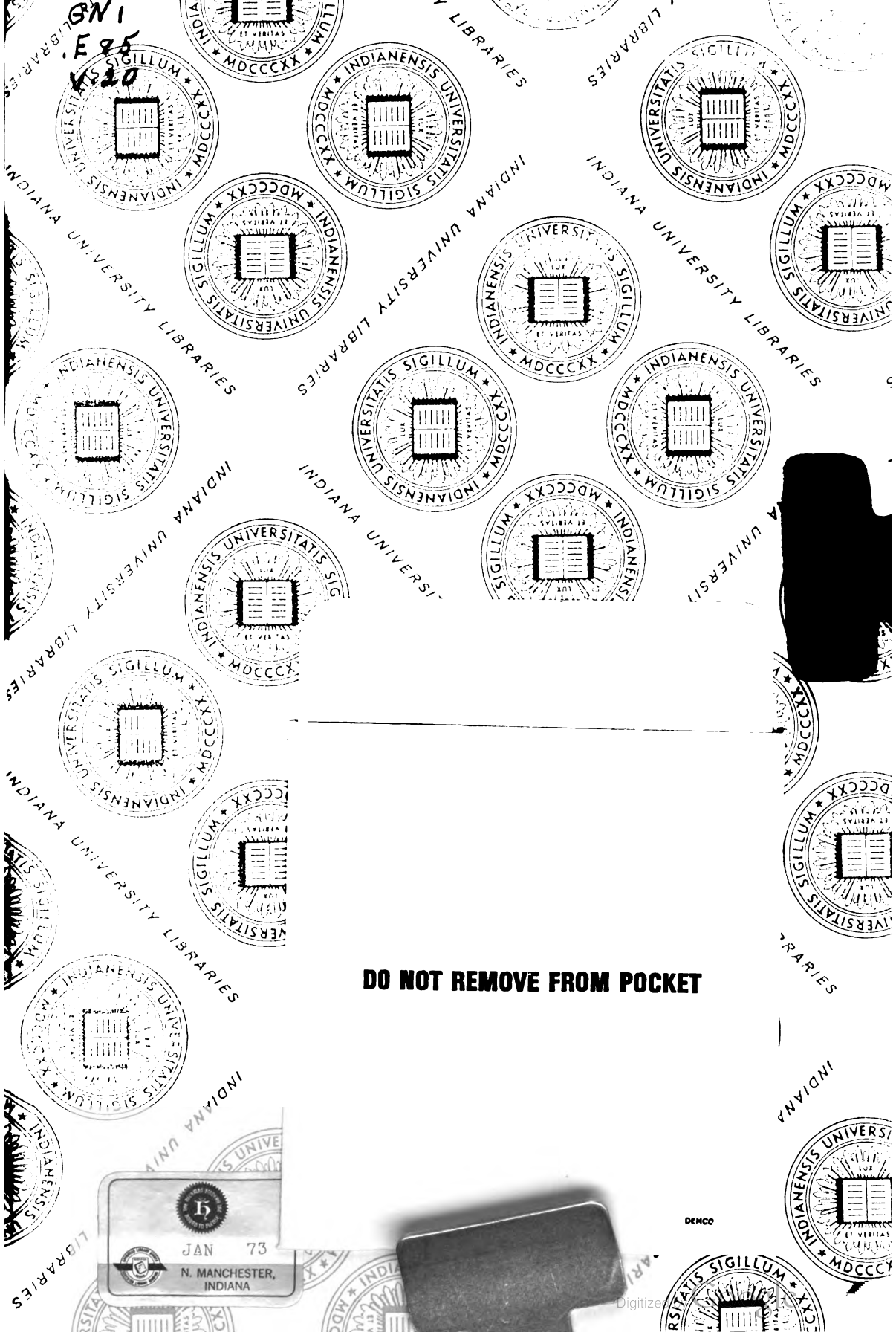

GN1
.E95
K20

DO NOT REMOVE FROM POCKET

DEMCO

Digitize

3 0000 053 571 042